ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

посвященныхъ блаженной памяти

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

(ПО СЛУЧАЮ 1500-ЛѢТІЯ СО ДНЯ КОНЧИНЫ СВЯТИТЕЛЯ).

ИЗДАНІЕ

Казанскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1908.

Посвящается

памяти

АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО

ДИМИТРІЯ

(Самбикина)

основателя Церковнаго Историко-Археологическаго Общества Казанской Епархіи.

(† 1908 г. 17 Марта).

14 сентября—день кончины святителя Іоанна Златоуста.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ АРХІЕПИСКОПОМЪ ДИМИТРІЕМЪ

въ годичномъ собраніи Церковнаго Историко-Археологическаго Общества Казанской епархіи

14 сентября 1907 г.

Нынѣ мы собрались здѣсь для выслушанія перваго отчета о дѣятельности Церковнаго Историко-Археологическаго Общества. Слава Богу, дѣятельность этого юнаго въ Казани учрежденія была не безплодна, что вы услышите изъ отчета, который будетъ предложенъ вашему вниманію. Я считаю нужнымъ привести одну церковно-историческую справку: 14 сентября 407 г. въ предѣлахъ нашего отечества скончался великій учитель вселенской церкви св. Іоаннъ Златоустъ. Со дня его кончины протекло 1500 лѣтъ, но слава его не только не умалилась, не померкла, но все болѣе и болѣе распространяется и увеличивается; его почитаютъ не только на православномъ востокѣ, какъ своего іерарха, но и на западѣ—въ католическомъ мірѣ.

Подробное изложеніе его жизни и славной дѣятельности потребовало бы много времени; ограничусь только указаніемъ на то уваженіе, благоговѣніе, какое питали къ св. І. Златоусту въ древности, въ его отечествѣ, на православномъ востокѣ, какими чудными легендами украшена его проповѣдническая дѣятельность, его труды по толкованію Св. Писанія.

По дивной силѣ своего ораторскаго, проповѣдническаго таланта св. І. Златоустъ выше всѣхъ ораторовъ и проповѣдниковъ во всей христіанской вселенной; подобнаго ему церковного учителя не было, да и будетъ ли?.. Много было церковныхъ проповѣдниковъ, которыхъ въ свое время считали Златоустыми, но ихъ слава меркнетъ предъ св. Іоанномъ. Онъ въ теченіи 1500 лѣтъ достойно носитъ это почетное наименованіе и есть изъ всѣхъ знаменитыхъ ораторовъ и церковныхъ проповѣдниковъ—единственный Златоустъ. Еще современники его были убѣждены, что дивный даръ учительства св. Златоустъ получилъ отъ Самого Бога, подобно величайшему изъ пророковъ Ветхаго Завѣта—Исаіи и новозавѣтному глубочайшему созерцателю Божественныхъ таинъ—св. Іоанну Богослову.

Въ житіи св. Іоанна Златоуста сообщается слѣдующій разсказъ. Въ одномъ монастырѣ близь Антіохіи подвизался благочестивый, глубокій старецъ Исихій, одаренный отъ Бога даромъ прозрѣнія. Въ одну ночь во время молитвы онъ былъ восхищенъ умомъ и удостоенъ былъ такого видѣнія: Два благолѣпныхъ мужа, одѣтыхъ въ бѣлыя и какъ солнце блистающія одежды, сошли съ неба, взошли въ келлію къ Іоанну, бодрствовавшему въ молитвѣ. Одинъ изъ явившихся небожителей держалъ исписанный свитокъ, а другой—ключи. Увидѣвъ ихъ, Іоаннъ

смутился и поспѣшилъ поклониться до земли, но тѣ подняли его и на вопросъ Іоанна: „кто вы—мои Господіе?“—они отвѣчали: „мы посланы къ тебѣ Великимъ Учителемъ, Спасителемъ нашимъ І. Христомъ“, и вслѣдъ за симъ одинъ изъ явившихся подалъ Іоанну свитокъ, говоря: „возми сей свитокъ изъ моей руки. Я Іоаннъ, возлежавшій во время Тайной Вечери на персяхъ Господа и отъ Него почерпнувшій Божественное откровеніе. Господь даруетъ и тебѣ знаніе всей глубины премудрости, дабы ты напиталъ людей негиблющимъ брашномъ ученія Христова“. Другой (апостолъ Петръ) передалъ Іоанну ключи въ знакъ его пастырскаго служенія въ церкви Христовой. (Св. Димитрій Ростовскій, Четьи-Минеи 13 ноября). Вскорѣ послѣ видѣнія Іоаннъ былъ посвященъ въ пресвитеры и съ большимъ усердіемъ проповѣдывалъ слово Божіе и произносилъ свои блестящія поученія. Его проповѣди, по словамъ современниковъ, были исполнены такой силы, что всѣ слушающіе не могли вдоволь насладиться ими. Такъ какъ онъ произносилъ не по хартіи, а устно, то многіе скорописцы записывали его проповѣди. Іоаннъ былъ такимъ сладкоглаголивымъ ораторомъ и для всѣхъ желательнымъ, дорогимъ учителемъ, что всѣ стремились въ храмъ, гдѣ онъ проповѣдывалъ. Городскіе правители и судьи оставляли свои занятія, купцы свою торговлю, ремесленники свои дѣла, и поспѣшно шли слушать ученіе Іоанна Но въ началѣ своей проповѣднической дѣятельности Іоаннъ, какъ высокообразованный, говорилъ не всегда понятно для малообразованныхъ слушателей. Во время одной такой проповѣди одна женщина, слушая и не понимая сказаннаго, возвысила среди народа въ храмѣ свой голосъ: „Духовный учитель, а лучше назову—Іоаннъ Златоустый, колодезь твоего ученія глубокъ, а вервія ума

нашего кратки и не могутъ достичь глубины его",—и съ того времени стали называть его Златоустомъ, говоря, что самъ Богъ устами женщины далъ такое наименованіе Іоанну.

Св. Іоаннъ Златоустъ, безспорно, лучшій истолкователь Св. Писанія, которое онъ въ совершенствѣ изучилъ. Любимымъ и постояннымъ его занятіемъ было объясненіе книгъ Ветхаго и особенно Новаго Завѣта. Святитель питалъ особенную любовь къ апостолу Павлу, во многихъ своихъ твореніяхъ онъ восторженно отзывался объ апостолѣ языковъ, и лучшія толкованія у св. Златоуста именно на посланія ап. Павла. Какъ глубоко проникалъ св. Іоаннъ въ смыслъ апостольскихъ посланій, какъ вѣрно, точно и всесторонне объяснялъ его посланія, это можно заключить изъ того, что уста Златоустовы называли устами св. ап. Павла, т. е. что въ толкованіяхъ его посланій св. Златоустъ былъ такъ точенъ и близокъ къ подлинному смыслу, какъ будто самъ апостолъ изъясняетъ свои творенія. Его ученикъ Проклъ, впослѣдствіи Константинопольскій папріархъ, передаетъ, что при истолкованіи апостольскихъ посланій самъ св. Павелъ являлся Златоусту и тайно изъснялъ ему точный смыслъ оныхъ (посланій). Однажды къ святителю Златоусту, во время его ученыхъ занятій, пришелъ какой-то человѣкъ съ просьбой о пособіи. Келейникъ его, Проклъ, не могъ доложить о приходѣ его св. Іоанну, такъ какъ чрезъ скважину въ двери увидѣлъ у своего наставника какого-то почтеннаго посѣтителя, хотя онъ никого не впускалъ къ своему учителю. Въ другой разъ Проклъ, по просьбѣ просителя, думалъ доложить святителю о немъ и снова увидѣлъ (сквозь дверную скважину) того же посѣтителя. Наконецъ Проклъ рѣшился спросить самого патріарха: съ кѣмъ

онъ вчера и третьяго дня вечеромъ бесѣдовалъ? Святитель отвѣчалъ, что у него никого не было. Когда Проклъ подробно разсказалъ св. Іоонну, какъ онъ въ скважину видѣлъ стараго почтеннаго человѣка, который что-то сообщалъ патріарху на ухо, когда тотъ занимался писаніемъ, и, взглянувъ на икону Ап. Павла, находившуюся въ кельѣ у святителя, сказалъ: „вотъ тотъ, коего я видѣлъ у тебя; онъ (посѣтитель) весьма похожъ на изображеннаго на иконѣ“, тогда св. Златоустъ понялъ, что Проклъ видѣлъ самого ап. Павла, и удостовѣрился, что трудъ его угоденъ Господу, какъ внушаемый самимъ апостоломъ, толкованіемъ посланій котораго занимался. Этотъ разсказъ св. Прокла свидѣтельствуетъ о взглядѣ современниковъ на экзегетическіе труды св. Іоанна Златоуста. И дѣйствительно въ святоотеческой литературѣ нѣтъ лучшихъ толкованій на Священ. Писаніе, какъ именно у него. Всѣ послѣдующіе толкователи свящ. книгъ постоянно пользовались экзегетическими трудами св. Златоуста какъ въ Греческой церкви (какъ то Ѳеодоритъ Киррскій, Ѳеофилактъ Болгарскій и др.), такъ и у насъ въ Россіи (св. Димитрій Ростовскій, Епископъ Ѳеофанъ и др.), и доселѣ самымъ авторитетнымъ экзегетомъ считается у всѣхъ, занимающихся объясненіемъ Св. Писанія.—св. І. Златоустъ.

Но еще большею славой св. Златоустъ почтенъ былъ Господомъ по смерти, что можно видѣть изъ разсказа епископа Адельфія, который съ почетомъ принималъ у себя въ Кукузѣ святителя, бывшаго въ изгнаніи. Услышавъ о кончинѣ св. І. Златоуста въ заключеніи, онъ впалъ въ великую печаль и со слѣзами умолялъ Бога, дабы Онъ показалъ ему (Адельфію), въ какомъ ликостояніи святыхъ находится Іоаннъ. Однажды, молясь о семъ, Адельфій пришелъ въ восторженное состояніе и увидѣлъ

свѣтлаго юношу, который, взявъ епископа за руку, привелъ его въ прекрасное райское мѣсто. Адельфій увидѣлъ здѣсь многихъ церковныхъ учителей и святителей, но среди нихъ не узрѣлъ Іоанна Златоуста, чѣмъ былъ опечаленъ. Юноша (ангелъ) затѣмъ вывелъ Адельфія изъ свѣтлато мѣста (рая). При выходѣ изъ онаго нѣкто, стоявшій у дверей, удержалъ епископа за руку и сказалъ: „зачѣмъ ты уходишь отсюда съ такою скорбію? Если кто и войдетъ сюда печальный, то отсюда возвращается радостнымъ". Адельфій отвѣчалъ: „потому я скорблю, что не видѣлъ среди церковныхъ учителей возлюбленнаго для меня Іоанна". — „Ты разумѣешь, спросилъ тотъ, Іоанна, проповѣдника покаянія?"—„Да", отвѣчалъ ему Адельфій. Тогда стоявшій въ дверяхъ рая сказалъ: „Человѣкъ, находящійся въ тѣлѣ; не можетъ видѣть его, такъ какъ онъ предстоитъ Престолу Божію, который окружаютъ только херувимы и серафимы".—Такимъ образомъ св. Златоустъ, по этому сказанію, прославленъ Богомъ въ царствѣ небесномъ выше всѣхъ святителей и причисленъ къ лику высшихъ ангеловъ.

Имя святителя Іоанна Златоуста должно быть приснопамятно и для нашего Общества, которое Святѣйшимъ Синодомъ было утверждено 14 сентября 1906 г. и первое торжественное собраніе для заслушанія отчета о его дѣятельности предлагается вашему вниманію 14 сентября— въ день, когда скончался великій святитель вселенской церкви св. Іоаннъ Златоустъ; да будетъ же онъ покровителемъ нашего юнаго еще Общества.

СВЯТЫЙ ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ,

АРХІЕПИСКОПЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ.

(Краткія свѣдѣнія о почитаніи его въ Россіи) [1].

«Устъ твоихъ, якоже свѣтлость огня, возсіявши благодать, вселенную просвѣти: не сребролюбія мірови сокровища сниска; высоту намъ смиренномудрія показа. Но твоими словесы наказуя, отче Іоанне Златоусте, моли Слова Христа Бога, спастися душамъ нашимъ» (Тропарь св. Іоанну Златоусту, 13 ноября).

Въ 407 г. въ праздникъ Воздвиженія Честнаго Животворящаго Креста Господня, въ предѣлахъ нашего отечества, въ Команахъ, (Питіумѣ, на сѣверномъ берегу Чернаго моря, близъ нынѣшняго Сухума), скончался великій учитель, вселенскій святитель Христовой церкви, св. Іоаннъ Златоустъ, архіепископъ Константинопольскій. Въ текущемъ 1907 году исполнилось такимъ образомъ 1500 лѣтъ отъ его кончины. Не только православная восточная, но и западная церковь торжественное празднованіе памяти сего знаменитаго іерарха, ради великаго праздника Воздвиженія Честнаго Креста Господня, перенесла на 13-е ноября [2]. Въ этотъ день католики, по распоря-

[1]) По распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Димитрія статья эта разослана была по казанской епархіи предъ днемъ празднованія памяти св. Іоанна Златоуста 13 ноября.

[2]) Перенесеніе памяти святыхъ, скончавшихся въ великіе праздники, въ правосл. церкви было нерѣдко. Въ Никомидіи въ ночь подъ праздникъ Рождества Христова сожженныхъ память совершается 28 декабря (вм. 25

женію Римскаго папы (Пія X), задумали свѣтло отпраздновать 1500-лѣтній юбилей въ честь св. Іоанна Златоуста, но этотъ великій святитель принадлежалъ по мѣсту своего рожденія и славной пастырской дѣятельности—восточной церкви, поэтому и намъ православнымъ слѣдуетъ достойно почтить хотя церковнымъ торжественнымъ празднованіемъ память вселенскаго святителя, св. Іоанна Златоустаго, тѣмъ болѣе, что во время своей жизни онъ много заботился о просвѣщеніи св. вѣрою нашихъ предковъ — разныхъ славянскихъ племенъ, обитавшихъ по сѣверному и восточному берегамъ Чернаго моря. Для привлеченія къ церкви Христовой и просвѣщенія свѣтомъ Евангелія, св. І. Златоустъ въ Константинополѣ завелъ школу для дѣтей инородцевъ—готѳовъ, скиѳовъ—славянъ, открылъ храмы для совершенія на ихъ языкѣ богослуженія, съ особеннымъ удовольствіемъ онъ посѣщалъ эти храмы и въ нихъ проповѣдывалъ слово Божіе. О пастырскихъ трудахъ св. І. Златоуста среди нашихъ предковъ—славянъ свидѣтельствуетъ блаженный Ѳеодоритъ, епископъ Киррскій: „И другое сродство есть у тебя (т. е. у св. І. Златоуста) съ апостолами. Ты первый воздвигъ алтари у скиѳовъ—амаксобовъ;—и тотъ, который едва сходилъ съ коня, научился преклонять колѣна, сталъ повергаться (въ молитвѣ Истинному Богу) на землю; не трогавшійся слезами плѣнниковъ — научился оплакивать свои грѣхи". (Изъ 5 книги Ѳеодорита, у п. Фотія, Biblioth. 273, p. 1518). Самъ св. Златоустъ говорилъ, что „олтари Истинному Богу воздвигнуты повсюду,—въ странѣ римской, въ Персіи, въ Скиѳіи, въ Мавританіи, въ Индіи" (Творенія св. І. Златоуста, Спб. 1895 г., т. І, стр. 621).

Ни одинъ изъ вселенскихъ учителей и отцевъ Церкви, за исключеніемъ Святителя Николая Чудотворца, не пользуется въ Россіи такимъ благоговѣйнымъ уваже-

---

числа); св. мученикъ Лукіанъ пресвитеръ, основатель знаменитой Антіохійской школы, пострадалъ на праздникъ Богоявленія, но память его перенесена на 15 октября; св. Амвросій, архіепископъ Медіоланскій, скончался въ праздникъ св. Пасхи, но богослуженіе въ честь сего святителя отправляется 7 декабря и др.

ніемъ, какъ св. Іоаннъ Златоустъ..... Его вдохновенныя бесѣды, его отличныя толкованія на св. Писаніе съ начала распространенія христіанства въ нашемъ отечествѣ были любимымъ чтеніемъ и въ домѣ и въ церкви у нашихъ предковъ. Едва только появились въ Россіи душеспасительныя книги—въ библіотекахъ Русскихъ князей и въ школахъ,—творенія златоглаголиваго проповѣдника были первыми послѣ книгъ св. Писанія. Первый изъ великихъ князей въ Россіи, Мудрый Ярославъ I, по отзыву преподобнаго Нестора, любилъ книги, прилежно читалъ днемъ и ночью, собралъ много писцовъ и велѣлъ переводить книги съ греческаго на славянскій языкъ. По изслѣдованіямъ ученыхъ оказывается, что болѣе всего было переведено при Ярославлѣ Владиміровичѣ изъ твореній св. Златоуста. Такъ, изъ 22-хъ словъ, упомянутыхъ у Преосвященнаго Филарета, какъ переведенныхъ при этомъ великомъ князѣ, 20 словъ принадлежатъ св. Златоусту. (Обзоръ духовн. литер., т. I, стр. 14). Для списыванія богодухновенныхъ писаній св. Іоанна не рѣдко въ древности настоятели русскихъ монастырей отправлялись въ Царьградъ и тамъ проживали по нѣскольку лѣтъ, трудясь надъ списываніемъ его твореній, какъ наприм. преподобный Аѳанасій, игуменъ Высоцкій (12 сент. Опис. Румянц. музея, стр. 516). Вызванный изъ Аѳона великимъ княземъ Іоанномъ III, преподобный Максимъ грекъ, по порученію его и по желанію митрополита, болѣе всего трудился надъ переводомъ толкованій св. Златоуста на книги св. Писанія. — Какъ высоко чтили творенія св. Златоустаго въ древней Россіи, это видно изъ того, что ихъ (т. е. слова Златоуста) предписывали читать въ церкви и на трапезѣ въ монастыряхъ. (Историч. акты, т. I, 478 стр.), Преисполненное всеобъемлещею любовію ко всѣмъ слово Златоуста на Пасху церковнымъ уставомъ предписано читать на утрени на св. Пасху и было бы святотатствомъ со стороны и даровитыхъ церковныхъ проповѣдниковъ въ этотъ день вмѣсто неподражаемаго слова Златоуста произносить *свое*; вслѣдствіе глубокаго уваженія къ святителю въ Россіи, въ обычай вошло русскимъ проповѣдникамъ произносить

свои слова на вечерни въ первый день Пасхи. Московскій митрополитъ Платонъ, славный въ свое время проповѣдникъ, такъ увлекался бесѣдами св. Іоанна Златоуста, что говорилъ, что „изъ-за одного этого святителя слѣдуетъ учиться эллинскому языку", (Снегир. 8 ст.). Книжнымъ просвѣщеніемъ своимъ Россія была обязана единоплеменнымъ намъ славянамъ (болгарамъ, сербамъ); отъ нихъ, какъ дорогое наслѣдіе, перешли творенія св. отцевъ на церковно-славянскомъ языкѣ, и между этими книгами первое мѣсто занимали творенія св. Златоуста. Такъ изъ Болгаріи въ Россію, вскорѣ по крещеніи русскихъ при св. Владимірѣ, перешли сборники, составленныя исключительно изъ твореній св. Златоуста, какъ наприм.; *Златоструй*—трудъ перваго болгарскаго царя Симеона († 927 г.); *Шестодневъ* изъ сочиненій св. Василія и Златоуста, составленный болгарскимъ экзархомъ Іоанномъ; *Благовѣстникъ*—толкованіе на четверо-евангеліе, составленное изъ бесѣдъ св. Златоуста на евангелія болгарскимъ архіепископомъ Ѳеофилактомъ. *Поученія* недѣльныя и праздничныя, выбранныя изъ Златоуста патріархами *Каллистомъ* и *Филоѳеемъ* и переведенныя на славянскій языкъ, нѣсколько разъ издавались въ Россіи (1343, 1407, 1569, 1652 гг. и др.). Не довольствуясь сборниками изъ сочиненій св. Златоуста, заимствованными изъ Болгаріи, пастыри русской церкви и книжные люди въ Россіи составляли новые сборники изъ бесѣдъ того же святителя, подъ различными наименованіями, какъ то: Маргаритъ, Измарагдъ, Златоустъ, Златоструй, и Новый Маргаритъ. (у Курбскаго) и т. п. Творенія св. Златоуста съ начала распространенія христіанства и доселѣ въ Россіи служатъ неисчерпаемымъ источникомъ по составленію сборниковъ для благочестиваго чтенія, наприм. *Духъ св. Златоуста*—извлеченія изъ его твореній, составленныя на каждый день Московскимъ митрополитомъ Платономъ; *Поученія на каждый день*—составленныя изъ сочиненій св. Златоуста. Въ сборникѣ проповѣдей, изданномъ Св. Сунодомъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, на воскресные и праздничные дни—большинство словъ—и во главѣ всѣхъ другихъ и,

конечно, лучшія—принадлежатъ св. Златоусту. Въ періодъ возрожденія въ Россіи просвѣщенія (въ XVI и XVII вв.) ученѣйшіе мужи, какъ то: Константинъ Константиновичъ Острожскій, Памва Берында, Епифаній Славинецкій, Лаврентій Зизаній и другіе трудились или надъ переводомъ твореній св. Златоуста, или надъ изданіемъ ихъ, или, наконецъ, надъ исправленіемъ ихъ.

Авторитетъ св. Златоуста, какъ знаменитѣйшаго проповѣдника, какъ отличнаго Богослова, какъ свыше вдохновеннаго толкователя св. Писанія, такъ былъ великъ, что многіе изъ русскихъ книжниковъ XIV—XVII в. свои скудныя писанія издавали подъ его именемъ, чтобы этимъ привлечь вниманіе читателей и, по возможности, распространить между народомъ; вслѣдствіе чего начали въ Россіи появляться апокрифы, съ именемъ этого святителя; какъ наприм. извѣстное еще въ XII вѣкѣ *слово о женахъ* (Обзоръ духовн. литературы. т. I. § 35), *бесѣды трехъ святителей* (въ „Старин. памятникахъ литературы", издан. Костомарова), слово пророка Исаіи, истолкованное Златоустомъ противъ рода и рожаницъ (см. Архивъ Калачева, кн. II, ч. I, стр. 100) и многіе другіе.

Св. Златоустъ въ Россіи пользовался такою славою знаменитаго церковнаго оратора, что наимѣнованіе кого либо изъ отечественныхъ проповѣдниковъ *Златоустомъ* считалось высшею похвалою. У насъ рано начали появляться свои Златоусты. Такъ въ XII в. Златоустомъ былъ наименованъ св. *Кириллъ Туровскій*, въ XIII в.—*Кириллъ, епископъ Ростовскій*, въ XV в. *Леонтій Карповичъ*, подобный Златоусту въ витійствѣ (Обзоръ духовн. литературы, т. I, стр. 240), въ XVII в. св. *Димитрій Ростовскій*, въ XVIII в. св. *Тихонъ Задонскій*, въ XIX в. *Августинъ* Московскій архіепископъ (Златоустъ 1812 г.), *Иннокентій*, архіепископъ Херсонскій, и другіе.

Ореолъ славы проповѣдника и смѣлаго обличителя пороковъ въ современникахъ (даже и царей), окружавшій св. Златоустаго, такъ казался обаятельнымъ для русскихъ, что нерѣдко смѣлыхъ обличителей неправдъ, замѣченныхъ въ высшихъ лицахъ, сравнивали съ Злато-

устомъ, называли ихъ Златоустами. Такъ, *Серапіона*, архіепископа Новгородскаго (1516 г.), препиравшагося съ великимъ княземъ Іоанномъ III, по случаю самовольнаго поступка преподобнаго Іосифа Волоцкаго, перечислившагося съ своимъ монастыремъ изъ Новгородской области въ область Великаго князя, называли *Златоустомъ* (Терновскій, Изуч. Визант. истор. въ древней Руси I, 53). Благовѣщенскаго протоіерея *Сильвестра*, по поводу несправедливаго удаленія его Грознымъ отъ царскаго двора, сторонники его сравнивали съ *Златоустомъ* (Костомаровъ, Русск. исторія въ жизнеописаніяхъ, I—II, 442). Заочное осужденіе Сильвестра А. М. Курбскій въ своей исторіи Іоанна Грознаго сравниваетъ съ заочнымъ судомъ на Іоанна Златоуста (Сказаніе Курбскаго, 1833 г., I, 101). Русскій Златоустъ явился у насъ въ лицѣ св. *Филиппа*, 2-го Московскаго митрополита (Филаретъ, Рус. святые, I, 39). *Никонъ* патріархъ любилъ себя сравнивать съ Златоустомъ и считалъ его своимъ первообразомъ: „Намъ первообразныхъ много, писалъ онъ, вотъ ихъ реестръ: Іоаннъ Златоустый"... (Соловьевъ, Исторія Россіи, IX, 310). Почитатели Никона также сравнивали его съ Златоустомъ. Такъ, полоцкій игуменъ, подавая въ защиту Никона голосъ на соборѣ 1660 г., сравниваетъ Никона съ св. Златоустомъ. (Новикова, Рос. Вивліоѳ., III, 376). Ростовскій митрополитъ Арсеній Маціевичъ сравнивалъ себя съ св. Златоустомъ въ извѣстномъ дѣлѣ по отобранію церковныхъ имуществъ.

Вслѣдствіе глубокаго уваженія къ великому святителю у насъ на Руси, еще со времени первыхъ христіанскихъ князей, старались пріобрѣтать *частицы мощей св. Іоанна Златоуста.* Во многихъ православныхъ обителяхъ и церквахъ и нашемъ отечествѣ находится эта святыня. Замѣчательно то, что частицы мощей св. Златоуста у насъ (въ XI и XII в.) полагали въ основаніе (фундаментъ) древнихъ церквей. Такъ, въ основаніе великой Кіево-Печерской Успенской церкви были положены частицы мощей св. Златоуста.

Въ XI вѣкѣ былъ споръ между христіанами въ Константинополѣ: какой изъ трехъ святителей выше, и славнѣе, и ближе къ Богу: Василій-ли Великій, или Григорій Богословъ, или Іоаннъ Златоустъ? Для прекращенія этого безполезнаго спора, угрожавшаго раздѣленіемъ православныхъ на партіи Василіанъ, Григоріанъ и Іоаннитовъ, эти святители явились Іоанну, епископу Евхаитскому, и объявили ему, что они всѣ равны предъ Богомъ, и въ память ихъ равенства установленъ былъ имъ общій праздникъ—30 января (Соборъ трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста). Но несмотря на это, въ Россіи въ старину праздновали св. Іоанну Златоусту нѣсколько дней (13 ноября, 27 января, 26 февраля и др.). Мало этого, праздникъ св. Іоанну Златоусту—13 ноября былъ обставленъ, какъ великій двунадесятый праздникъ, предпразднествомъ, попразднествомъ и отданіемъ, каковой чести русскіе не оказывали даже Святителю Николаю. Такъ: 11 ноября—совершилось бдѣніе (*παννυχς*) по Златоустѣ, 12 ноября—предпразднество св. І. Златоусту, 13 ноября—торжественное празднованіе ему, вмѣсто 14 сентября, 14 ноября—воспоминаніе поставленія его во пресвитера, 15 ноября—возстановленіе въ Патріархи, а далѣе отданіе праздника. Кромѣ сихъ дней ему праздновали 26 февраля постановленіе во пресвитера (или вѣрнѣе въ патріархи), 26 января возвращеніе мощей, 27 января (и доселѣ—воспоминаніе) перенесенія мощей въ Константинополь. Въ старинныхъ изданіяхъ Цвѣтной Тріоди предъ словомъ Св. Златоуста на праздникъ Пасхи, —*уста* (богодухновенныя слова) его уподобляются Христовымъ устамъ: Христовѣ уста—Павловы уста: Павловы уста — Златоустаго уста: Златоустаго уста—Христовы и Павловы уста (см. Поученія св. Димитрія Ростовскаго на память св. І. Златоуста, Кіевъ, 1877 г., ч. 3, стр. 334). Такъ высоко въ старину у насъ въ Россіи чтили св. І. Златоуста за его вдохновенныя бесѣды. Преп. Исидоръ Пелусіотъ такъ отзывается объ его златоглаголивыхъ трудахъ: „Не знать столь прекрасныхъ твореній значитъ то же, что не видѣть солнца въ самый полдень“... а въ другомъ

мѣстѣ своихъ писемъ св. отецъ говоритъ: „Есть-ли столь безчувственный человѣкъ, который не возблагодаритъ Провидѣніе, даровавшее (въ лицѣ св. I. Златоуста) столь блистательное свѣтило!"

„Ликуетъ божественная Церковь, и вселенная празднуетъ вся свѣтло пренесеніе твоихъ честныхъ мощей, Святителю Іоанне Златоусте преподобне, во святителехъ благочестно поживъ, и мученикъ произволеніемъ бывый. Тѣмъ вопіемъ ти: Страдальче, и Страстотерпче, и Святителемъ сопрестольниче, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ". (Тропарь Св. Іоанну Златоусту 27 января).

---

13 ноября—день памяти святителя Іоанна Златоуста.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПОМИНОВЕНІЕ

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

въ Казани и Казанской епархіи.

Согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 6 октября 1907 г. за № 6321 во всѣхъ православныхъ храмахъ Казанской епархіи 12 ноября 1907 года было совершено торжественное всенощное бдѣніе, а 13 литургія, при чемъ учащіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковныхъ школахъ были освобождены въ этотъ день отъ ученія.

Въ Казани поминовеніе великихь заслугъ св. Іоанна Златоуста для церкви православной началось съ 11 ноября и совершалось очень торжественно.

Ноября 11-го. Воскресеніе. Недѣля 22-я по Пятидесятницѣ. По случаю торжественнаго празднованія памяти великаго учителя, вселенскаго святителя святаго Іоанна Златоустаго, Константинопольскаго Архіепископа въ каѳедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ литургія была совершена на греческомъ языкѣ, Преосвященными — Архіепископомъ Димитріемъ, Епископами—Алексіемъ, еписко

помъ Чистопольскимъ, Михаиломъ, епископомъ Чербоксарскимъ, и Андреемъ, епископомъ Мамадышскимъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Часы (на греческомъ языкѣ) читалъ преподаватель академіи Пантелеймонъ Кр. Жузе. Вмѣсто проповѣди Ник. Алекс. Ипатовымъ была прочитана бесѣда Св. Іоанна Златоустаго на недѣлю о Богатомъ и Лазарѣ. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ св. Іоанну Златоусту.

Въ тотъ же день вечеромъ въ Манежѣ Казанскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища, по случаю торжественнаго празднованія 1500-лѣтія со времени кончины святителя Христовой церкви св. Іоанна Златоустаго, Братствомъ Пресвятой Богородицы при каѳедральнотъ соборѣ было устроено публичное чтеніе о св. Іоаннѣ Златоустѣ съ участіемъ хора пѣвчихъ г. И. С. Морева. Къ 7 часамъ въ зало при полковой церкви Юнкерскаго училища были принесены изъ каѳедральнаго собора Братская хоругвь съ изображеніемъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, а изъ Богородицкаго женскаго Казанскаго монастыря (большаго размѣра) икона св. Іоанна Златоустаго въ крестномъ ходѣ, во время коего отправленъ молебенъ святителю Іоанну.

Въ манежѣ училища товарищъ предсѣдателя Братскаго совѣта профессоръ Казанской духовной академіи Алексѣй Александровичъ Царевскій прочиталъ составленное имъ житіе св. Іоанна Златоустаго (чтеніе раздѣлено было на двѣ части). Пѣвчіе пропѣли—Царю небесный.... Тропарь св. Іоанну Златоусту: Ликуетъ Божественная церковь, Милосердія двери..... Вѣрую (Символъ вѣры), Величаніе св. Іоанну Златоусту, Тебѣ Бога Хвалимъ...

По окончаніи чтенія благочестивыми слушателями икона св. Іоанна Златоустаго и Братская хоругвь въ

крестномъ ходу во главѣ съ соборнымъ причтомъ, при пѣніи молебна св. Іоанну Златоусту, были перенесены въ каѳедральный соборъ.

Ноября 13-го. Вторникъ. Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Архіепископа Константинопольскаго Златоуста. Въ каѳедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ всенощное богослуженіе было отправлено Архіепископомъ Димитріемъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства при многочисленномъ стеченіи молящихся. Послѣ 1-й каѳизмы о. ключаремъ прочитано было краткое сказаніе о почитаніи Іоанна Златоустаго въ православной церкви; послѣ поліелея Архіепископомъ былъ прочитанъ акаѳистъ св. Іоанну Златоусту. Каноны были прочитаны ключаремъ священникомъ В. Богоявленскимъ. Пѣлъ хоръ г. И. С. Морева и—воспитанниковъ духовной семинаріи.

Литургія въ каѳедральномъ соборѣ была совершена Преосвященнымъ Андреемъ Епископомъ Мамадышскимъ. Пѣли: архіерейскій хоръ по гречески и по славянски, а два хора—мужской и женскій учениковъ и ученицъ крещено-татарской школы на татарскомъ языкѣ. Проповѣдь была произнесена священникомъ Петромъ Рождественскимъ. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ св. Іоанну Златоусту, законченный обычными многолѣтіями. По окончаніи богослуженія икона св. Іоанна Златоуста съ крестнымъ ходомъ изъ каѳедральнаго собора была перенесена въ Казанскій Богородицкій монастырь;—во время хода былъ отслуженъ молебенъ святителю.

Въ тотъ же день въ Михайло-Архангельскомъ храмѣ духовной академіи литургія была совершена Архіепископомъ Димитріемъ и Преосвященными—Алексіемъ, Епископомъ Чистопольскимъ (ректоръ духовной Академіи) и Михаиломъ, Епископомъ Чебоксарскимъ, въ сослуженіи ака-

демическаго духовенства. Проповѣдь была произнесена профессоромъ академіи священникомъ Алексіемъ Дружининымъ. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ святителю Іоанну Златоусту, въ служеніи молебна приняли участіе нѣкоторые изъ городскихъ протоіереевъ, священниковъ и всѣ священники-студенты академіи. Литургія совершалась на греческомъ, а молебенъ на славянскомъ языкѣ. Въ часъ дня въ академическомъ залѣ было торжественное собраніе академической карпораціи, городскаго духовенства, студентовъ академіи и публики, на коемъ послѣ пѣнія хоромъ студентовъ молитвы св. Іоанну Златоусту, профессоръ Леонидъ Ив. Писаревъ прочелъ рѣчь (Св. Іоаннъ Златоустъ и его время). Пѣніемъ Достойно есть... законченъ былъ актъ.

ПОУЧЕНІЕ

въ день памяти святаго Іоанна Златоуста,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

по случаю исполнившаго 1500-лѣтія со дня его блаженной кончины [1].

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Съ благоговѣйнымъ изумленіемъ преклоняется нынѣ весь христіанскій міръ предъ великимъ вселенскимъ учителемъ и святителемъ церкви Христовой; востокъ и западъ соперничаютъ между собою въ усиліяхъ достойнымъ образомъ почтить память великаго іерарха по случаю исполнившагося полуторатысячелѣтія со дня его блаженной кончины. Свѣтло торжествуетъ нынѣ и церковь русская, совершая торжественное всенародное чествованіе великихъ святительскихъ и пастырскихъ подвиговъ святаго Іоанна Златоуста, память котораго всегда чтилась по всему лицу земли русской съ такимъ вниманіемъ, съ такою благоговѣйною благодарностью, какъ, можетъ быть, нигдѣ во всемъ мірѣ; торжествуютъ и наши духовныя школы, прославляя величайшаго проповѣдника и знаменитаго учителя вселенской церкви. Въ день этого всеобщаго преклоненія предъ безсмертнымъ величіемъ мужа,

---

[1]) Произнесено въ церкви Казанской духовной академіи 13 ноября 1907 года.

просвѣщавшаго и доселѣ просвѣщающаго своими воистину златыми словами всю вселенную, спросимъ себя и мы, слушатели благочестивые, въ чемъ могло бы выразиться и наше посильное участіе въ великомъ духовномъ торжествѣ церкви, прославляющей одно изъ величайшихъ своихъ украшеній, что можемъ принести мы на алтарь этого всеобщаго прославленія. Благоговѣйное размышленіе о жизни и трудахъ великаго святителя, конечно, было бы самымъ естественнымъ выраженіемъ переживаемыхъ нынѣ христіанскимъ міромъ чувствъ радостнаго одушевленія и священнаго восторга, но можно ли въ краткомъ словѣ не только изобразить, но даже и перечислить все, что пережито и сдѣлано было святымъ Іоанномъ Златоустомъ, чѣмъ владѣла и владѣетъ Христова церковь въ твореніяхъ его, въ этой воистину неисчерпаемой сокровищницѣ драгоцѣнныхъ перловъ священнаго краснорѣчія, носящихъ на себѣ неизгладимую печать породившаго ихъ безсмертнаго духа? Прошло пятнадцать вѣковъ, какъ сомкнулись златыя уста, а слова, произнесенныя нѣкогда этими святыми устами, не перестаютъ и, конечно, никогда не перестанутъ звучать въ душахъ вѣрующихъ, призывая ихъ къ новой благодатной жизни во Христѣ, возбуждая въ нихъ святыя христіанскія чувства, помогая имъ искоренять въ себѣ все нечистое и грѣховное и возрастать отъ силы въ силу, въ мѣру возраста исполненія Христова (Ефес. IV, 13). Прошло пятнадцать вѣковъ, какъ почилъ великій святитель, а жизнь и труды его доселѣ служатъ предметомъ благоговѣйнаго изумленія, назиданія, вдохновенія и утѣшенія для всѣхъ тружениковъ на нивѣ Христовой и образъ его все еще сіяетъ неземнымъ свѣтомъ въ сознаніи христіанъ, показывая намъ, на какую высоту нравственнаго величія и достоинства можетъ подняться возрожден-

ный благодатію Христовою человѣкъ, стремящійся къ осуществленію великихъ евангельскихъ заповѣдей о христіанскомъ совершенствѣ. Изобразить эту дивную жизнь, описать великіе труды и болѣзни ублажаемаго нынѣ церковью святителя Христова, понесенные имъ съ того момента, какъ онъ пришелъ кь убѣжденію, что человѣкъ не дѣлаетъ еще ничего важнаго, пока трудится для себя, хотя бы и въ цѣляхъ своего духовнаго усовершенствованія, начертать свѣтлый образъ великаго архипастыря, раскрыть значеніе его твореній для христіанскаго міра,—все это задачи, далеко превышающія наши слабыя силы и требующія столько времени и труда, сколько мы не имѣемъ возможности посвятить этому дѣлу въ настоящія минуты.

Употребимъ ихъ на размышленіе о томъ неоплатномъ долгѣ, о которомъ настоящее свѣтлое торжество въ память великаго вселенскаго учителя должно напоминать всѣмъ питомцамъ высшей духовной школы, какъ представителямъ православной богословской науки и высшаго духовнаго просвѣщенія, для которыхъ такъ много потрудился ублажаемый нынѣ церковію великій святитель, какъ будущимъ пастырямъ Христовой церкви и наставникамъ юношей, готовящихся къ пастырскому служенію, идеалъ котораго съ такою полнотою и совершенствомъ изобразилъ въ своихъ твореніяхъ и осуществилъ въ своей пастырской дѣятельности великій архипастырь.

Велики и разнообразны духовныя сокровища, заключающіяся въ томъ богатомъ наслѣдіи, которое мы получили отъ святаго Іоанна Златоуста. Между этими сокровищами есть такія, которыя почти ежедневно въ теченіе цѣлаго года предлагаются святою церковью для духовнаго наслажденія вѣрующихъ. Постоянно питаясь тою духовною пищею, которая заключается въ божественной ли-

тургіи и молитвословіяхъ, составленныхъ святымъ Іоанномъ Златоустомъ, мы уже въ силу простой привычки подвергаемся опасности сдѣлаться мало чувствительными къ тому великому благу, которымъ мы такъ часто пользуемся, подобно тому какъ не всегда сознаемъ громадное значеніе окружающаго насъ чистаго воздуха или ежедневно принимаемой нами здоровой тѣлесной пищи для нашего физическаго благосостоянія. Но какъ никто изъ насъ не рѣшился бы добровольно хотя бы на самое короткое время поставить себя внѣ этихъ элементарныхъ условій тѣлеснаго здоровья изъ опасенія подвергнуться самымъ серьезнымъ, даже угрожающимъ жизни, заболѣваніямъ, такъ неблагоразумно и вредно было бы для нашего духовнаго благополучія пренебрежительное отношеніе къ той воистину божественной духовной пищѣ, которою всѣ мы имѣемъ возможность ежедневно наслаждаться, присутствуя за литургіею святаго Іоанна Златоуста или даже только изливая свои молитвенныя чувства словами составленныхъ имъ дивныхъ молитвословій. Воспитать въ себѣ устойчивый навыкъ къ возможно частому посѣщенію божественной литургіи Іоанна Златоуста, настолько проникнуться мыслію о важности такого посѣщенія, чтобы оно сдѣлалось настоятельной потребностью нашего духа, содѣйствовать развитію и укрѣпленію подобнаго же навыка и словомъ и особенно примѣромъ среди всѣхъ окружающихъ, въ особенности же среди своихъ питомцевъ,— вотъ первый долгъ нашъ предъ великимъ святителемъ, далеко немаловажный въ наше печальное время, когда любовь къ храму и богослуженію оскудѣваетъ не только въ средѣ свѣтскаго общества, но и въ средѣ простого народа и даже въ средѣ питомцевъ духовной школы.

Но вамъ, благочестивые слушатели, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстно, что безсмертная духовная пища, заклю-

чающаяся въ твореніяхъ святаго Іоанна Златоуста, не исчерпывается тѣми его созданіями, которыя ежедневно предлагаются святою церковью для духовнаго питанія вѣрующихъ, а содержитъ въ себѣ и множество другихъ самыхъ разнообразныхъ по характеру и содержанію писаній, пользованіе которыми въ настоящее время какъ бы уже предоставляется церковью на добрую волю желающихъ. Можетъ быть не излишне будетъ напомнить и о томъ, что каждый изъ питомцевъ не только высшей, но и средней духовной школы долженъ бы считать своею непремѣнною обязанностью позаботиться о томъ, чтобы это общее, нынѣ всѣмъ уже доступное, духовное наслѣдіе, оставленное святымъ Іоанномъ Златоустомъ, не осталось для него мертвымъ капиталомъ. Нужно ли доказывать, что каждый изъ насъ, въ интересахъ не только собственнаго духовно-нравственнаго развитія, но и общаго интеллектуально-эстетическаго образованія, долженъ познакомиться съ твореніями великаго святителя, по меньшей мѣрѣ, съ такою же подробностью, съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ каждый изъ насъ считаетъ обязательнымъ для себя познакомиться съ классическими произведеніями всемірной или отечественной литературы? Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что свѣтскихъ классиковъ языческихъ и христіанскихъ народовъ мы считаемъ необходимымъ изучать иногда даже въ подлинномъ текстѣ, стараемся, по мѣрѣ возможности, пріобрѣтать полныя изданія ихъ въ личную собственность для постояннаго пользованія, а съ представителями золотого вѣка христіанской святоотеческой литературы не всегда считаемъ нужнымъ познакомиться болѣе или менѣе обстоятельно хотя бы въ переводахъ? Не странно ли, что въ христіанскихъ школахъ, гдѣ сохранилось еще преподаваніе древнихъ классическихъ языковъ, на чтеніе въ подлинн лучшихъ

писателей церковныхъ удѣляется менѣе времени и вниманія, чѣмъ на чтеніе языческихъ авторовъ, которое по идеѣ должно бы служить лишь подготовкой къ изученію въ подлинномъ текстѣ священныхъ книгъ Новаго Завѣта и лучшихъ произведеній святоотеческой письменности. Возстановить нарушенное равновѣсіе между средствами и цѣлію, возбудить и оживить интересъ къ изученію святоотеческой письменности вообще и твореній святаго Іоанна Златоуста въ частности, вотъ еще немаловажная обязанность, о которой настоящее свѣтлое торжество должно напомнить всѣмъ, кого Промыслу угодно будетъ поставить въ близкія отношенія къ средней классической, особенно духовной, школѣ.

Но, какъ представители православной богословской науки и высшаго богословскаго образованія, мы не исполнили бы своего долга предъ великимъ вселѐнскимъ учителемъ, если бы ограничились только простымъ ознакомленіемъ съ его трудами или однимъ школьнымъ изученіемъ его жизни и твореній. Всестороннее научное изслѣдованіе и освѣщеніе всѣхъ сохранившихся до нашего времени свѣдѣній о жизни и дѣятельности великаго архипастыря и того богатаго литературнаго наслѣдія, какое мы получили отъ него—вотъ новая обязанность, которую должны взять на себя православныя духовныя академіи и ихъ питомцы. Это долгъ ихъ не только предъ ублажаемымъ нынѣ церковью великимъ святителемъ, но и предъ православною богословскою наукою, предъ русскою православною церковью и предъ православнымъ народомъ русскимъ, для духовнаго воспитанія котораго творенія святаго Іоанна Златоуста имѣли такое громадное значеніе. Что сдѣлано уже въ этомъ направленіи, и какъ много остается еще сдѣлать, объ этомъ нѣтъ нужды говорить здѣсь подробно, достаточно лишь указать на то, что эта работа только

еще начата, и что мы еще не имѣемъ ни одного сколько нибудь удовлетворяющаго современнымъ научнымъ требованіямъ произведенія на русскомъ языкѣ, посвященнаго святому Іоанну Златоусту, если не считать переводныхъ произведеній. А между тѣмъ сколько самыхъ благодарныхъ задачъ для научнаго изслѣдованія, обѣщающихъ самый производительный и интересный трудъ ученымъ богословамъ различныхъ спеціальностей, представляетъ жизнь, труды, ученіе и творенія святаго Іоанна Златоуста, съ весьма поучительною судьбою послѣднихъ въ исторіи западной и восточной, особенно русской православной, церкви! Замѣтимъ еще, что выполненіе задачъ подобнаго рода было бы продолженіемъ подобныхъ же научныхъ трудовъ, уже выполненныхъ воспитанниками нашей академіи и поддержало бы начавшую создаваться въ ней ученую традицію, благодаря которой съ именемъ нашей академіи связано уже немало спеціальныхъ ученыхъ монографій объ отцахъ и учителяхъ церкви. На комъ, какъ не на васъ, юные слушатели мои, лежитъ нравственная обязанность позаботиться о поддержаніи и дальнѣйшемъ развитіи этой традиціи, и на комъ, какъ не на святомъ Іоаннѣ Златоустѣ, должно бы остановиться теперь вниманіе ваше при выборѣ предметовъ для вашихъ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій?

Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что выполненіе послѣдней изъ указанныхъ выше обязанностей, о которыхъ напоминаетъ намъ настоящее свѣтлое торжество,—обязанности изслѣдованія жизни, ученія и твореній великаго святителя, не можетъ остаться безъ глубокаго и весьма благотворнаго вліянія на міровоззрѣніе и жизнепониманіе всякаго, кто болѣе или менѣе внимательно отнесся бы къ выполненію подобной работы. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли представить себѣ, чтобы дивная подвижни-

ческая жизнь великаго святителя церкви не произвела глубокаго потрясающаго впечатлѣнія на душу, сохранившую въ себѣ воспріимчивость ко всему прекрасному, возвышенному и благородному, чѣмъ такъ богата жизнь великаго святителя церкви? Можно ли вообразить, что огонь вдохновенія, согрѣвающій каждое слово, вышедшее изъ устъ или изъ-подъ пера великаго учителя церкви и зажигавшій сердца столькихъ поколѣній христіанъ на протяженіи 15 вѣковъ, оказался бы безсильнымъ, чтобы заронить въ сердце современнаго христіанина, по крайней мѣрѣ, искру той духовной благодатной жизни, къ которой не переставалъ и дѣломъ и словомъ призывать своихъ слушателей святый Златоустъ. Можно ли допустить, чтобы христіанское міровоззрѣніе и жизнепониманіе, освѣщающее неземнымъ свѣтомъ всѣ вопросы бытія и жизни, въ той классически-художественной формѣ, какую оно получило въ твореніяхъ святаго Златоуста, не побѣдило своей внутренней правдой и красотой тѣхъ ложныхъ представленій о христіанствѣ, которыя усиливаются распространять между христіанами многіе изъ непризнанныхъ лжеучителей нашего времени? Проникнуться этимъ „Златоустовскимъ“ пониманіемъ христіанскаго вѣроученія, усвоить его, какъ самое надежное мѣрило для оцѣнки непрерывно смѣняющихъ другъ друга различныхъ до противоположности воззрѣній на христіанство и отношеніе его къ различнымъ сторонамъ индивидуальной и общественной жизни,— вотъ еще въ высшей степени важная, особенно въ наше время, задача, осуществленіе которой особенно необходимо для представителей и питомцевъ высшей православной богословской школы, призванныхъ къ распространенію и утвержденію христіанства въ его святоотеческомъ православномъ пониманіи, однимъ изъ лучшихъ выразителей котораго былъ святый Златоустъ. Осуществленіе этой

задачи имѣло бы весьма важное значеніе еще и потому, что могло бы содѣйствовать хотя бы постепенному возстановленію давно уже утраченной связи между образованными классами и нашимъ народомъ, который съ первыхъ дней существованія христіанства въ Россіи воспитывался на твореніяхъ святаго Іоанна Златоуста. Вотъ почему научная разработка, защита и распространеніе воззрѣній святаго Златоуста на самые разнообразные вопросы, волнующіе современное интеллигентное общество, безъ сомнѣнія, содѣйствовало бы сближенію и взаимному пониманію различныхъ классовъ и сословій и вмѣстѣ—прекращенію той печальной розни, какая и у насъ въ послѣднее время приняла такіе ужасающіе размѣры.

Но, подобно тому, какъ при жизни святаго Іоанна Златоуста не удовлетворялись тѣ изъ слушателей, которые только восхищались его краснорѣчивымъ словомъ и съ бурнымъ восторгомъ выражали свое согласіе съ нимъ, но продолжали прежнюю грѣховную жизнь, такъ и мы не исполнимъ своего долга предъ ублажаемымъ нынѣ церковью святителемъ Христовымъ, если не употребимъ усилій, чтобы и въ своей жизнедѣятельности воспользоваться великимъ примѣромъ, какой на всѣ вѣка далъ ученикамъ своимъ святый Златоустъ своей жизнью. Ни для кого наставленіе апостола о подражаніи наставникамъ, глаголавшимъ намъ Слово Божіе, не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ для тѣхъ, которые готовятся быть пастырями или воспитателями и учителями будущихъ пастырей. Для нихъ уже недостаточно только восхищаться твореніями святаго Златоуста, недостаточно даже проникнуться его міровоззрѣніемъ и жизнепониманіемъ, но необходимо еще сдѣлать изъ нихъ практическій выводъ и примѣнить его къ своему собственному жизненному назначенію, обративъ для сего особенное вниманіе

на тѣ стороны въ воспитаніи, духовномъ развитіи, жизни и твореніяхъ святаго Іоанна Златоуста, въ силу которыхъ онъ является однимъ изъ величайшихъ пастырей церковныхъ и вѣчнымъ образцомъ истиннаго пастыря, осуществившаго въ своемъ лицѣ идеалъ христіанскаго пастырства по завѣтамъ Христа и апостоловъ. Тѣ увлеченія молодости, которыя пережиты были святымъ Іоанномъ, его колебанія въ выборѣ призванія, разрѣшившіяся, наконецъ, принятіемъ пастырскаго служенія, тотъ священный трепетъ, который испытывалъ будущій великій святитель при мысли о великой отвѣтственности, принимаемой на себя вмѣстѣ съ пастырствомъ, не смотря на свои выдающіяся дарованія,—вообще та внутренняя борьба, которую пережилъ святый Златоустъ прежде, чѣмъ сдѣлаться пастыремъ, и отголоскомъ которой служатъ знаменитыя слова его о „священствѣ“, съ ихъ глубокими размышленіями о несравненной высотѣ, важности и трудности пастырскаго служенія, о связанныхъ съ этимъ служеніемъ скорбяхъ и опасностяхъ,—все это необходимо знать каждому кандидату священства для того, чтобы составить себѣ правильное понятіе о сущности пастырскаго служенія, воспитать въ себѣ высокое уваженіе къ этому служенію и мысль о необходимости самой тщательной, не только умственной, но, еще болѣе, нравственной подготовки къ этому служенію. Могло бы показаться даже, что примѣръ святаго Златоуста и особенно высказанная имъ мысль, что немногіе только изъ принявшихъ на себя обязанности пастырскаго званія могутъ надѣяться на достиженіе блаженной участи на небѣ, могутъ не только располагать, но иногда и отклонять отъ пастырскаго служенія готовящихся къ нему.... Но подобно тому, какъ размышленія и колебанія подобнаго рода въ жизни самого святаго Златоуста закончились, однако, подчиненіемъ его

волѣ Антіохійскаго архіепископа, желавшаго видѣть его въ числѣ членовъ своего клира, подобно тому, какъ высокое мнѣніе его о достоинствѣ и важности этого служенія, безъ сомнѣнія, поддерживали въ немъ священную ревность въ исполненіи обязанностей своего званія до рѣшимости положить, подобно Пастыреначальнику, душу свою за овецъ своего стада,—такъ, будетъ надѣяться, благоговѣйная и смиренная душа человѣка, поставленнаго Промысломъ Божіимъ въ положеніе готовящагося къ пастырскому служенію, почерпнетъ въ устрашающихъ словахъ Златоуста о громадной отвѣтственности, принимаемой на себя ищущимъ пастырскаго достоинства, не столько поводъ къ рѣшительному уклоненію отъ принятія на себя пастырскаго званія,—когда это принятіе предуказывается и управляющимъ путями человѣка Промысломъ Божіимъ, какъ самое естественное завершеніе всей предыдущей жизни и воспитанія, и голосомъ поставленныхъ во главѣ церкви Христовой архипастырей,—сколько основаніе къ постоянному преклоненію предъ высотою и святостью этого служенія, къ постоянной благодарности Божественному Промыслу, поставившему насъ на путь, ведущій насъ къ принятію этого высочайшаго изъ земныхъ служеній, и къ смиренной покорности волѣ Божіей, если она призываетъ насъ къ дѣйствительному принятію на себя этого служенія. Что же касается тѣхъ, которые уже приняли на себя это служеніе или готовятся быть воспитателями будущихъ пастырей, то въ размышленіяхъ святаго Златоуста о священствѣ и его пастырской дѣятельности они не могутъ не видѣть вѣчнаго побужденія стремиться, насколько возможно, приблизиться къ тому совершенству въ исполненіи многосложныхъ обязанностей пастыря и наставника пастырей, какого достигъ святый Златоустъ, постояннаго указанія на то, что служеніе это необходимо проходить со страхомъ и трепетомъ,

съ постоянной мыслію о своемъ недостоинствѣ и необходимости Божественнаго милосердія и помощи для надлежащаго исполненія того святого дѣла, какое лежитъ на каждомъ пастырѣ Христовой церкви и на каждомъ наставникѣ готовящихся къ пастырству. Воспитать въ себѣ это стремленіе, достигнуть такого совершенста въ исполненіи обязанностей пастыря и наставника пастырей по примѣру ублажаемаго нынѣ церковью великаго святителя Христова, вотъ послѣдній, самый трудный, но за то и самый высокій и самый святой долгъ нашъ предъ святителемъ Христовымъ, долгъ, величіе и тяжесть котораго, конечно, превышаютъ наши слабыя силы, но не должны устрашать тѣхъ, которые знаютъ о словахъ великаго апостола языковъ, сказавшаго въ одномъ изъ своихъ посланій: „вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ“ (Фил. IV, 13), и приглашавшаго всѣхъ учениковъ своихъ содѣвать свое спасеніе со страхомъ и трепетомъ (Филип. 2, 12), подражая ему, подобно тому, какъ самъ онъ подражалъ Христу (1 Кор. IV, 16).

Нѣкогда Божественный Пастыреначальникъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, видя толпы народа, изнуренныя и разсѣянныя, подобно овцамъ, не имѣющимъ пастыря, сказалъ ученикамъ своимъ: „жатва убо многа, дѣлателей же мало; молитеся убо Господину жатвы, яко да изведетъ дѣлатели на жатву свою“ (Матѳ. IX, 36—38). Закончимъ же и мы настоящее свѣтлое торжество въ память одного изъ величайшихъ дѣлателей на нивѣ Господней молитвою предъ нимъ, дабы онъ помогъ каждому изъ насъ, молящихся въ храмѣ семъ, содѣлаться достойнымъ великаго званія, къ которому призывается каждый наставникъ и воспитанникъ духовной школы, непостыдно потрудиться въ этомъ званіи и тѣмъ исполнить свой жизненный долгъ предъ Божественнымъ Пастыреначальникомъ. Аминь.

Священникъ *А. Дружининъ.*

Златоустовскіе дни въ Казани.

Исполнилось 1500 лѣтъ со дня блаженной кончины великаго святителя Христовой церкви Іоанна Златоуста. Какъ много говоритъ сердцу христіанина это дорогое имя! Дивный во святыхъ, онъ сіяетъ яркой звѣздой въ сонмѣ свѣтилъ церковныхъ. И досель это свѣтило не только не померкло, но, кажется, разгорается еще ярче и продолжаетъ освѣщать тернистый путь церковной жизни.

Благоговѣніе къ великой памяти святителя побудило дѣятелей Казанской церкви ознаменовать тысячапятисотлѣтіе со дня его кончины соотвѣтствующими торжествами. Не впадая въ преувеличенія, можно сказать, что Казань съумѣла почтить свѣтило церковное. Пережитые дни (съ 11 по 13 ноября 1907 г.) можно смѣло назвать златоустовскими днями.

Иниціатива устроенія юбилейныхъ златоустовскихъ торжествъ принадлежитъ Казанскому Церковному Историко - Археологическому Обществу. Высокопреосвященнѣйшій Димитрій почти въ началѣ 1907 года обратилъ вниманіе означеннаго Общества на это великое событіе и неоднократно въ собраніяхъ Общества высказывалъ, что это событіе нужно ознаменовать свѣтлымъ празднествомъ въ честь Великаго Святителя.—Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Совѣтъ Казанской духовной академіи представилъ Его Высокопреосвященству на утвержденіе свое журнальное постановленіе о праздновaніи Академіею 1500-лѣтія со дня кончины св. Іоанна Златоуста. Высокопреосвященный Ди-

митрій, соглашаясь съ постановленіемъ Совѣта, сдѣлалъ о семъ представленіе Св. Синоду, включивъ сюда ходатайство объ освобожденіи 13 ноября всѣхъ учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковныхъ школахъ епархіи отъ учебныхъ занятій.

На 28 октября назначено было соединенное собраніе Церковнаго Историко-Археологическаго Общества и Совѣта Братства во имя Пресвятой Богородицы при Казанскомъ каѳедральномъ соборѣ. На этомъ собраніи, кромѣ всѣхъ епископовъ Казани, были: Командующій войсками Казанскаго военнаго округа генералъ-лейтенантъ Сандецкій; И. д. Казанскаго Губернатора Вице-Губернаторъ баронъ Гревеницъ, Управляющій Казанскимъ учебнымъ округомъ Помощникъ Попечителя округа А. А. Остроумовъ, профессора Академіи и другіе почетные лица. Собраніе было посвящено подробному обсужденію устроенія празднованія 1500-лѣтія со дня кончины св. Іоанна Златоуста. По обсужденіи, Собраніе постановило слѣдующими торжествами ознаменовать 1500-лѣтіе: 11-го ноября, въ воскресенье, въ каѳедральномъ соборѣ литургія на греческомъ языкѣ и молебенъ св. Іоанну Златоусту; того-же 11 ноября въ 7 час. вечера въ манежѣ Юнкерскаго училища чтеніе проф. А. А. Царевскаго о св. Іоаннѣ Златоустѣ и духовный концертъ хора И. С. Морева; 12-го ноября торжественное всенощное бдѣніе въ каѳедральномъ соборѣ 13-го греческая литургія въ академическомъ храмѣ и въ 1 часъ дня въ актовомъ залѣ Академіи торжественное собраніе, на которомъ проф. Л. И. Писаревъ предложитъ чтеніе: „Іоаннъ Златоустъ, какъ учитель христіанской жизни“; въ каѳедральномъ соборѣ литургія и молебенъ Іоанну Златоусту въ служеніи епископа Андрея. Исполнительную сторону дѣла по устройству чтенія и концерта въ манежѣ приняло на себя Братство во имя Пресвятой Богородицы при каѳедральномъ соборѣ. Командующій войсками Казанскаго военнаго округа, И. д. Казанскаго Губернатора и Управляющій Казанскимъ учебнымъ округомъ изъявили полную готовность принять съ своей стороны участіе въ сихъ торжествахъ и сдѣлать для сего все нужное.

Въ то же время Его Высокопреосвященствомъ сдѣлано было нижеслѣдующее распоряженіе по епархіи: „Для предварительнаго ознакомленія съ заслугами для православной церкви св. Іоанна Златоуста, по моему предложенію, Братство Пресв. Богородицы при каѳедральномъ соборѣ напечатало брошюру (о св. Іоаннѣ Златоустѣ) для разсылки по епархіи и раздачи народу... Предлагается настоятелямъ церквей въ Казанской епархіи предварительно (до 13 ноября) въ церковныхъ поученіяхъ, во внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ и въ школахъ ознакомить своихъ прихожанъ съ жизнью, трудами и заслугами св. Іоанна Златоуста для православной церкви; весьма желательно устройство чтеній и публичныхъ лекцій о немъ. Ноября 13-го, въ самый праздникъ св. Іоанну Златоусту, во всѣхъ церквахъ отправить всенощное бдѣніе, литургію, на коей произнести проповѣдь, а послѣ литургіи молебенъ сему святителю".

Братствомъ во имя Пресвятой Богородицы при Казанскомъ каѳедральномъ соборѣ ко времени торжествъ въ честь св. І. Златоуста изданы были слѣдующія брошюры: 1) Святый Іоаннъ Златоустъ, архіепископъ Константинопольскій,—отъ покровителя Братства Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго; 2) Рѣчь, произнесенная Высокопреосвященнымъ Димитріемъ въ годичномъ собраніи Церковнаго Историко-Археологическаго Общества Казанской епархіи 14-го сентября 1907 года (день смерти св. Іоанна), посвященная памяти св. Златоуста; 3) Житіе святаго Іоанна Златоуста, составленное товарищемъ предсѣдателя Братства проф. А. Царевскимъ [1]). Эти брошюры раздавались во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ города Казани, помимо того, что въ день 13-го ноября во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ были совершены молебствія и законоучители (въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ) вели бесѣды о св. Злато-

---

[1]) Предсѣдателемъ Братства состоитъ военный слѣдователь Казанскаго военнаго округа генералъ И. Г. Чинновъ.

устѣ. По распоряженію начальства въ этотъ день ученія не было.

Въ качествѣ вступленія къ Златоустовскимъ торжествамъ было предложено 4-го ноября чтеніе о св Златоустѣ законоучителемъ Учительскаго Института о. В. Сокольскимъ во Владимірской читальнѣ. На чтеніи присутствовалъ Преосвященный Алексій, епископъ Чистопольскій. Пѣлъ хоръ студентовъ Духовной Академіи. Публики было довольно много.

11-го ноября въ Каѳедральномъ соборѣ совершена была литургія св. Іоанна Златоуста на греческомъ языкѣ. Литургію совершалъ Высопреосвященный Димитрій въ сослуженіи преосвященныхъ епископовъ: Алексія епископа Чистопольскаго, Михаила епископа Чебоксарскаго и Андрея епископа Мамадышскаго. Цѣлый сонмъ святителей Христовой церкви въ сослуженіи архимандритовъ, протоіереевъ и священниковъ. Рѣдкое по торжественности служеніе.

Почтить рѣдкое торжество явилось такъ много желающихъ, что соборъ едва вмѣщалъ молящихся. Съ глубокимъ напряженіемъ и вниманіемъ присутствующіе слушали Божественную литургію на языкѣ святаго Златоуста. Невольно мысль переносились къ дорогимъ временамъ золотого четвертаго вѣка. На этомъ языкѣ создалась вся наша православно-христіанская литература, съ этого языка переведены всѣ священныя молитвословія и пѣснопѣнія. На этомъ языкѣ 1500 лѣтъ назадъ изливались слова Божественной литургіи изъ устъ самого Златоуста; въ этихъ именно звукахъ гармоничнаго греческаго языка изливалъ св. Іоаннъ свой молитвенный восторгъ передъ Богомъ; въ этихъ звукахъ слышалось трепетанье его великаго духа передъ страшной тайной Евхаристіи, служеніе которой онъ считалъ выше, дерзновеннѣе служенія ангеловъ. Съ какой проникновенностью, думалось, раздавались слова греческой литургіи изъ его златословесныхъ устъ! Вотъ передъ святымъ престоломъ стоитъ небольшого роста съ худымъ изможденнымъ тѣломъ чело-

вѣкъ и трепетно-вдохновенно призываетъ вѣрующихъ вкусить вечери любви. На его зовъ идутъ. Онъ умѣетъ возжечь въ душѣ божественную искру, часто заглушенную грѣхомъ. Эти призывы именно на его родномъ языкѣ и дороги были въ настоящій моментъ. Казалось, присутствующіе перенесены въ Византію. Ни одного звука славянской рѣчи.

Часы читалъ преподаватель академіи П. К. Жузе. Вотъ начинается и самая литургія. Протодіоконъ громогласно начинаетъ: *„εὐλόγησον Δέσποτα“* (блавослови владыко). И полились звуки языка, освященнаго исторіей всей христіанской церкви. Въ важныхъ моментахъ литургіи какъ-то хотѣлось представить себѣ Златоуста: какъ бы онъ произнесъ тотъ или иной возгласъ, какое впечатлѣніе производило это на его слушателей. Трогательный моментъ благословенія архіереемъ паствы—винограда Божія. Съ дикиріемъ и крестомъ выходитъ епископъ къ паствѣ и произноситъ: *Κύριε, Κύριε, ἐπίβλεψον ἐξ οὐρανοῦ καὶ ἴδε καὶ ἐπίσκεψε τὴν ἄμπελον ταύταν* (призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей). Съ какимъ, думается, вдохновеніемъ произносилъ это св. Іоаннъ, заявлявшій въ своихъ проповѣдяхъ паствѣ: „вамъ не тѣсно въ моемъ сердцѣ“, болѣвшій ея недугами, радовавшійся ея радостями, вмѣстившій ее въ своемъ сердцѣ.—Читается евангеліе—притча о богатомъ и Лазарѣ (недѣльное евангельское чтеніе). Захватывающее содержаніе притчи, конечно вызываетъ въ великомъ проповѣдникѣ цѣлый рядъ глубокихъ мыслей; создаются уже художественные образы рѣчи. Чтеніе не остается безъ краснорѣчиваго истолкованія. Во время запричастна слушателямъ было прочитано слово Іоанна Златоуста о милостынѣ на текстъ притчи. Читалъ слово секретарь Архіепископа кандидатъ богословія Н. А. Ипатовъ. Удивительное богатство и разнообразіе мыслей, картинность и выразительность рѣчи! „Былъ нѣкто нищъ, именемъ Лазарь, и лежаше предъ враты богатаго гноенъ и желаше насытитися отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго. и никто не давалъ ему. Видѣлъ его богатый и отворачивался, гнушался, плевалъ, проходилъ мимо,

относился даже непріязненно. Не говорилъ этотъ несчастный (о бѣдномъ), что онъ такой же человѣкъ, какъ и я, что одна и та же рука создала насъ обоихъ, что онъ одного со мной племени и рода. (И богатому) не приходило это на умъ; у него не пробуждалось состраданія, онъ не пожалѣлъ брошеннаго въ такой безпомощности у его воротъ. Видя его въ такомъ положеніи и вытекавшій изъ членовъ его тѣла гной, собаки оказывали большое состраданіе; подбѣгая, они языкомъ, какъ будто губкой, очищали этотъ гной, облизывая, какъ искусные врачи, раны и осторожно открывая ротъ, чтобы не вышелъ изъ зубовъ ядъ и не нанесъ вреда праведнику. Собаки, не знающія Бога и не ожидающія воскресенія, употребляли врачебное искусство, желая помочь страждущему бѣдняку. А богатый, ожидавшій того, что онъ предстанетъ на страшный судъ, не пожалѣлъ бѣднаго". „Теперь посмотримъ на судьбу того и другого на томъ свѣтѣ. Случилось, говорится, что умеръ богатый и отнесенъ былъ для вѣчнаго мученія. Умеръ же и Лазарь и отнесенъ былъ ангелами на лоно Авраама. Находясь въ огнѣ, богатый увидѣлъ Лазаря, покоившагося на лонѣ Авраама и узналъ его. И воскликнулъ, говоря: отче Аврааме, помилуй мя и посли Лазаря, чтобы малымъ перстомъ оросилъ мои уста, яко стражду въ пламени семъ. Гдѣ же богатство, гдѣ золото, гдѣ серебро? Гдѣ серебряная крыша? Гдѣ множество слугъ? Гдѣ разлившееся вино, (если) ищетъ и желаетъ капли воды? Помилуй мя, отче Аврааме. О, несчастный богачъ! Когда Лазарь лежалъ у воротъ твоихъ, ты не хотѣлъ его знать, а теперь зовешь Лазаря на помощь? Помилуй мя. Безполезна твоя просьба. Прошло время милости. Тамъ нѣтъ милости. Судъ бо безъ милости не сотворившему милости (Iак. II, 13). Къ чему просишь милости, которой самъ на землѣ не оказывалъ?" „Тогда ты не хотѣлъ подумать о рукахъ, гнушался (ихъ); а теперь просишь коснуться твоего языка? Какимъ перстомъ, богачъ?"—„Одумайся человѣкъ, если хочешь имѣть не преходящее богатство. Дай въ руки бѣдныхъ и найдешь тамъ радушный пріемъ". Въ изображеніи роскоши

богача видна современная проповѣднику жизнь богатыхъ классовъ. „Этотъ богатый, когда жилъ на землѣ, одѣвался въ порфиру и виссонъ и шелкъ; ѣздилъ на колесницѣ; кони у него были прекрасные, украшенные золотомъ и серебромъ; ноги ихъ укрѣплены золотомъ; рабы бѣжали впереди и позади. Одѣвалъ онъ на себя золотыя ожерелья, запястья и (разныя) украшенія; вообще окружалъ себя большою роскошью. Обѣденный столъ его блисталъ множествомъ золота и безъ счету—серебромъ; было дорогое вино, фазаны, гуси, кулики, куропатки, голуби, курицы, зайцы, ягната, козлята; суетилось множество поваровъ. Одни махали опахалами, чтобы ни одной пылинки не попало на его голову, другіе держали серебряные тазы и чистыя полотенца, чтобы омыть концы его пальцевъ. когда онъ возлежалъ. Но смотри на безчеловѣчіе и стыдъ. Всѣ работали; столько тяжелаго труда, столько хлопотъ, чтобы насытить чрево одного этого богача. Когда наполнится оно изысканными кушаньями, для него приготовляютъ постели изъ слоновой кости, пуховики, чистыя и роскошныя полотна. А если онъ не можетъ заснуть вслѣдствіе боли въ головѣ, одни чешутъ ему ноги, другіе заботятся о домѣ, стерегутъ ворота и двери, чтобы чей-либо голосъ, шумъ и что-нибудь такое не разбудили. Такова была роскошь этого богача". Трудно выбрать изъ поученія Златоуста наиболѣе яркія, художественныя мѣста, оно все просится на бумагу. Впечатлѣніе отъ него получилось весьма сильное. Многіе заинтересовались твореніями Златоуста и разспрашивали, гдѣ ихъ можно достать. Нѣкоторые предлагали напечатать отдѣльно прочитанное поученіе.

Но возвратимся къ самой литургіи. Окончаніе литургіи оглашенныхъ: *ὅσοι κατοιχούμενοι προέλθετε* (оглашенніи изыдите)—возглашаетъ діаконъ. Эти слова для златоустовскаго времени имѣли жизненное значеніе. У св. Златоуста много бывало оглашенныхъ. Онъ извѣстенъ въ исторіи церкви какъ великій миссіонеръ и организаторъ миссіонерскаго дѣла. Въ Антіохіи, когда онъ былъ еще пресвитеромъ, многіе язычники, пораженные его удивительнымъ

краснорѣчіемъ, принимали христіанство, особенно послѣ антіохійскаго бунта и испрошенія Златоустомъ прощенія жителямъ города. А въ моментъ изгнанія св. Іоанна изъ Константинополя въ Великую субботу въ притворѣ храма св. Софіи Златоустъ готовился окрестить до 3000 человѣкъ оглашенныхъ, изъ которыхъ многіе свою вѣрность учителю запечатлѣли своею кровію. „Ты первый воздвигъ алтари у скиѳовъ амаксобовъ", говоритъ блаженный Ѳеодоритъ Киррскій въ похвальномъ словѣ Златоусту. Самъ св. Іоаннъ говоритъ, что алтари Истинному Богу воздвигнуты повсюду,—въ странѣ римской, въ Персіи, въ Скиѳіи, въ Мавританіи, въ Индіи".

Заключительное *σοφία* (премудрость), и слышатся стройные звуки греческой Херувимской, исполненной хоромъ замѣчательно стройно подъ управленіемъ свящ. о. А. Березина. Великій входъ, просительная ектенія, и раздается призывъ любви христіанской: *ἀγαπήσωμεν ἀλλήλους, ἵν ἐν ὁμονοίᾳ ὁμολογήσομεν*—(возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы). Воображеніе рисуетъ картину древне-христіанскаго братскаго взаимнаго лобзанія въ этотъ моментъ. Всѣ молящіеся единомысленно съ братской любовію готовы исповѣдывать Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздѣльную.—А вотъ и самое исповѣданіе вѣры. Громко, отчетливо несутся по собору звуки Никео-Цареградскаго символа вѣры. По обычаю древней церкви, сохраняемому и донынѣ на православномъ востокѣ, символъ вѣры не поется, а читается. Читалъ его соборный священникъ о. П. Рождественскій съ присущимъ ему мастерствомъ. Снова цѣлый рядъ переживаній. Бурный четвертый вѣкъ. Церковь, не гонимая извнѣ, устремляетъ свои силы на внутреннее самоопредѣленіе. Мысль усиленно работаетъ надъ выясненіемъ и правильнымъ формулированіемъ основныхъ положеній христіанскаго вѣроученія. Церковь волнуютъ еретическія движенія. Аріанство по временамъ торжествующе гонитъ, преслѣдуетъ православную вѣру. Какъ логическій выводъ изъ него появляется македоніанство. Во время Златоуста эти двѣ ереси не историческое воспоминаніе, а живая

сила современности, съ которой приходится бороться и отъ которой нужно было защищать свое православное знамя. Символъ вѣры носитъ въ себѣ только что закончившуюся глубокую работу богословской мысли отцовъ перваго и второго вселенскихъ соборовъ. Въ немъ христіане того времени видятъ твердое, побѣдное знамя православія. Съ какою силою, думается, произносилось каждое слово символа въ златоустовское время! Съ какимъ вниманіемъ слушали символъ за литургіею священнослужащіе и предстоящіе.

Наступаетъ важнѣйшій моментъ литургіи—пресуществленіе св. даровъ. Передъ этимъ великимъ моментомъ особенно и трепеталъ чистый духъ св. Іоанна. Въ это время священнослужащій дерзновенно близко становится къ Богу. Что слышалось въ голосѣ Іоанна въ эти священные моменты? Ужасъ и трепетъ передъ величіемъ тайны, радость и умиленіе отъ сознанія чрезвычайной близости безконечной любви Божественной. *Λάβετε, φάγετε... πίετε ἐξ αὐτοῦ...* (пріимите ядите... пійте отъ нея...). Въ этихъ звукахъ греческой рѣчи выражался восторгъ души Іоанна, въ нихъ вылилось самое высокое, какое только возможно на землѣ, устремленіе души къ Богу. Хотѣлось бы хоть отчасти представить себѣ Іоанна Златоуста въ эту минуту, представить себѣ и настроеніе молившихся подъ воздѣйствіемъ его вдохновенія молитвеннаго. Каково было психическое воздѣйствіе его на молящихся, какова та мистическая передача настроенія, которая несомнѣнно бываетъ во время молитвы?—Приближается и моментъ вкушенія безсмертной Трапезы. Душа трепещетъ. Сознаніе своей грѣховности, своего недостоинства мучитъ человѣка. Нужно ободрить вѣрующаго. Дерзай, человѣкъ, ты не подъ гнѣвомъ Божіимъ, ты чадо любви Божественной. Іисусъ Христосъ даде намъ область чадомъ Божіимъ быти. И вотъ раздается, какъ-бы для того, чтобы окончательно изгнать сомнѣніе въ этомъ, возгласъ святителя: *καὶ καταξίωσον ἡμᾶς, Δέσποτα, μετὰ παῤῥησίας...* (и сподоби насъ, Владыко, со дерзновеніемъ, неосужденно смѣти призывати Тебе Небеснаго Бога Отца и глаголати). Здѣсь слы-

шалось, думается, въ голосѣ Златоуста дерзновеніе святости, восшедшей на высоту богообщенія, сыновняя смѣлость передъ Небеснымъ Отцомъ. Молитва Господня— *Πάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς*—также какъ и символъ вѣры не поется а читается, и на этотъ разъ протодіакономъ. Не знаю, было ли это случайно или сдѣлано сознательно, но именно протодіакону съ громкою дерзновенностью въ голосѣ и нужно было поручить чтеніе молитвы Господней. Тамъ, въ символѣ, спокойная увѣренность въ правотѣ вѣры, здѣсь въ молитвѣ Господней—основанное на вѣрѣ громкое, исполненное твердой увѣренности, обращеніе къ Богу Отцу. *Εἰρήνη πᾶσι*—(миръ всѣмъ) слышится возгласъ святитителя—это послѣднее напутствіе передъ причащеніемъ, напоминаніе о мирѣ; громогласное діаконское *πρόσχωμεν* (вонмемъ). Примиритесь, христіане, и будьте внимательны: святые дары могутъ принять только святые: *τα ἅγια τοῖς ἁγίοις* (святая святымъ). Царскіе врата закрываются. Священнослужащіе причащаются. Въ этотъ моментъ Златоустъ переживалъ, думается, пасхальное торжество, радость воскресенія: свѣтися свѣтися Новый Іерусалиме. Съ какимъ сіяющимъ взоромъ выступалъ онъ потомъ для причащенія мірянъ, что переживали вкушавшіе отъ единаго хлѣба и единой чаши—это несомнѣнно были великія трогательныя минуты литургіи въ служеніи Златоуста.

Когда литургія была окончена, и раздалась за молебномъ славянская рѣчь, приходилось дѣлать надъ собой усилія, чтобы отрѣшиться отъ цѣлаго ряда историческихъ воспоминаній и образовъ древней христіанской жизни. Ясно стало, что служеніе на греческомъ языкѣ, можетъ быть незамѣтно для насъ самихъ, отвлекло насъ отъ современности и воскресило дорогое давно-минувшее. Да, правъ былъ престарѣлый протоіерей, присутствовавшій при этомъ служеніи, когда заявилъ Архіепископу: „Вы, Владыко, перенесли насъ въ храмъ св. Софіи, въ служеніе самаго Златоуста".

Во время молебна св. Іоанну Златоусту прочитана была Архіепископомъ Димитріемъ весьма содержательная,

западавшая въ душу, молитва святому Іоанну. Особенно приковывали вниманіе слѣдующія слова молитвы, отвѣчающія современному настроенію: „мы грѣшніи, по единому кійждо свое дарованіе имѣюще, единенія духа въ союзѣ мира не имамы, бываемъ тщеславни, другъ друга раздражающе, другъ друга завидяще; сего ради дарованія наша раздѣленная не въ миръ и спасеніе, но во вражду и осужденіе намъ являются. Тѣмже къ тебѣ, святителю Божій, припадаемъ, раздоромъ обуреваеміи, и въ сокрушеніи сердца просимъ: молитвами твоими отжени отъ сердецъ нашихъ всяку гордость и зависть, насъ раздѣляющія, да во многихъ удѣхъ едино тѣло церковное будемъ, да по словеси твоему молитвенному возлюбимъ другъ друга и единомысліемъ исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа Троицу Единосущную и Нераздѣльную нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Вечеромъ 11-го ноября назначено было въ манежѣ Юнкерскаго училища чтеніе профессора Казанской духовной академіи А. А. Царевскаго о святомъ Іоаннѣ Златоустѣ при участіи извѣстнаго въ Казани хора И. С. Морева. Въ 3 часа дня изъ Казанскагс женскаго монастыря крестнымъ ходомъ принесена была въ зданіе манежа большая икона св. Іоанна Златоуста, поставлена на возвышеніи и украшена пихтой. Крестный ходъ совершилъ священникъ каѳедральнаго собора о. П. Рождественскій при участіи монахинь монастыря и богомольцевъ. Принесена была въ манежъ изъ собора и хоругвь Братства во имя Пресвятой Богородицы, устроившаго это чтеніе. Къ 7 часамъ вечера громадное помѣщеніе манежа стало наполняться публикой. Братствомъ разослано было до 1000 билетовъ на нумерованныя мѣста. Всего же собравшихся было до 2000 человѣкъ. Многіе, желавшіе побывать на чтеніи, не могли попасть за недостаткомъ мѣста. Манежъ буквально былъ переполненъ публикой. На чтеніи присутствовали всѣ казанскіе епископы во главѣ съ Архіепископомъ Димитріемъ. Много было представителей казанскаго генералитета. Въ числѣ присутствующихъ былъ помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа А. А.

Остроумовъ. Далѣе публика самая разнообразная отъ интеллигента до простолюдина: профессора Академіи, Университета, начальники и начальницы учебныхъ заведеній, много духовенства, купцы, юнкера, солдаты, женщины, отъ богатыхъ до самыхъ бѣдныхъ.

По прибытіи Архіепископа Димитрія хоръ стройно пропѣлъ Царю Небесный и тропарь св. Іоанну Златоусту: „Ликуетъ божественная церковь, и вселенная празднуетъ вся свѣтло память твою, святителю Іоанне Златоусте преподобне, во святителехъ благочестно поживъ, и мученикъ произволеніемъ бывый. Тѣмъ вопіемъ ти: Страдальче, и Страстотерпче, и святителемъ сопрестольниче, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ". Этотъ тропарь пѣлся на всѣхъ златоустовскихъ службахъ. Извлеченъ онъ изъ древнихъ югозападныхъ миней Архіепископомъ Димитріемъ. Производитъ онъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ обычный тропарь Златоусту: „Устъ твоихъ". Послѣ тропаря пѣвчіе пропѣли *τὸν δεσπότην*. Собравшіеся занимаютъ мѣста. На каѳедрѣ появляется проф. А. А. Царевскій. Профессоръ Царевскій пользуется вполнѣ заслуженной извѣстностью художника слова, такъ что лучшаго выбора дли чтенія о Златоустѣ нельзя было и сдѣлать. Онъ властно повелъ за собой аудиторію, приковывая вниманіе и выразительностью чтенія и въ особенности художественностью изложенія и духомъ благоговѣйнаго преклоненія передъ личностью Великаго Святителя. Одна за другой пронеслись передъ взоромъ собравшихся яркія картины изъ жизни св. Іоанна Златоуста. Во время перерыва чтенія хоръ исполнилъ: „Внуши Боже молитву мою"—Архангельскаго, „Вѣрую" - Гречанинова и нѣсколько пѣснопѣній сверхъ программы. А по окончаніи чтенія хора исполнилъ величаніе святителю Іоанну Златоусту—(гармонизація Д. М. Яичкова) и „Тебѣ Бога Хвалимъ". Заключительныя слова земной жизни святителя „славу Богу за все" нашли прекрасное выраженіе въ этомъ побѣдномъ гимнѣ.

Собраніе закончилось около 10 час. вечера. Послѣ сего крестнымъ ходомъ, при пѣніи молебна святителю Іо-

анну, икона его была перенесена въ каѳедральный соборъ для предстоящаго чествованія святителя въ день его памяти. И этотъ ночной крестный ходъ при торжественномъ звонѣ прекрасно гармонировалъ именно съ златоустовскими торжествами. Св. Іоаннъ много потрудился въ дѣлѣ устроенія народныхъ моленій (литія) и крестныхъ ходовъ въ противовѣсъ аріанамъ, привлекавшимъ православныхъ своими процессіями. Въ соборѣ былъ совершенъ молебенъ святителю Іоанну.

Въ понедѣльникъ 12-го ноября, наканунѣ дня памяти св. Іоанна Златоуста, во всѣхъ храмахъ Казани были совершены всенощныя бдѣнія. Въ половинѣ шестого по всему городу, вслѣдъ за звуками самаго большого соборнаго кололола, раздался празничный звонъ. Уже одни эти расплывавшіеся въ вечернемъ морозномъ воздухѣ по всему городу колокольные звуки были величественны. Соборная колокольня иллюминована. Совсѣмъ по пасхальному! Торжество вѣры въ неумирающее, вѣчное значеніе святости. Громадный соборъ не вмѣстилъ всѣхъ желающихъ помолиться. Намъ передавали, что многіе, пришедшіе попозже, не могли уже попасть въ соборъ. Такъ достойно чествовался творецъ и огранизаторъ этихъ ночныхъ народныхъ моленій! Пѣлъ хоръ И. С. Морева въ полномъ составѣ. Стройное пѣніе, полное освѣщеніе, переполнившіе соборъ молящіеся, большее, чѣмъ обычно, воодушевленіе священнослужащихъ—все это производило сильнѣйшее впечатлѣніе. Что-то пасхально торжественное чувствовалось въ этомъ служеніи. Цѣлый сонмъ священнослужителей (около 20) во главѣ съ маститымъ Архіепископомъ вышелъ на литію. Стѣсненные живою стѣною молящихся священнослужители какъ-бы терялись въ массѣ народной. Настоящая литія, народное моленіе! Бодрый обыкновенно голосъ Архіепископа кажется еще болѣе твердымъ. Отчетливо несутся по собору молитвенные звуки. „Молитвами иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоуста даруй намъ оставленіе прегрѣшеній нашихъ, покрый насъ кровомъ крилу твоею, отжени отъ насъ всякаго врага и супостата, умири нашу жизинь, Господи,

помилуй насъ и міръ Твой и спаси души наши яко благъ и человѣколюбецъ". Аминь. Обычное благословеніе хлѣбовъ. Архіерейское благословеніе всѣмъ присутствующимъ, и священнослужащіе уходятъ въ алтарь. Торжественные молитвенные звуки смѣняются полными сокрушенія словами шестопсалмія, которое читалъ свящ. о. П. Рождественскій. Великая ектенія, Богъ Господь и явися намъ, тропарь святителю Іоанну „Ликуетъ Божественная церковь", чтеніе каѳизмъ. Послѣ каѳизмъ ключарь собора свящ. о. В. Богоявленскій прочиталъ по брошюрѣ Высокопреосвященнаго Димитрія сказанія, свидѣтельствующія о необычайномъ почтеніи, съ которымъ современнники относились къ Іоанну Златоусту. „Современники его были убѣждены, что дивный дарь учительства св. Златоустъ получилъ отъ Самаго Бога, подобно величайшему изъ пророковъ вѣтхаго завѣта Исаіи и новозавѣтному глубочайшему созерцателю Божественныхъ таинъ—св. Іоанну Богослову". Старецъ Исихій, одаренный отъ Бога даромъ прозрѣнія, видѣлъ однажды какъ Іоанну явились св. апостолы Петръ и Іоаннъ Богословъ. Іоаннъ передалъ свитокъ Златоусту, говоря: „возьми сей свитокъ изъ моей руки. Господь даруетъ тебѣ знаніе всей глубины премудрости, дабы ты напиталъ людей негиблющимъ брашномъ ученія Христова". Петръ передалъ Златоусту ключи въ знакъ его пастырскаго служенія въ церкви Христовой. Ученикъ Златоуста Проклъ, впослѣдствіи Константинопольскій патріархъ, передаетъ, что при истолкованіи апостольскихъ посланій самъ св. Павелъ являлся Златоусту и тайно изъяснялъ ему точный смыслъ посланій. Епископъ города Кукузъ Адельфій, съ почетомъ принимавшій у себя въ Кукузѣ святителя, бывшаго въ изгнаніи, однажды послѣ смерти Златоуста увидѣлъ свѣтлаго юношу, который привелъ его въ рай. Среди многихъ церковныхъ учителей и святителей Адельфій не увидѣлъ Іоанна Златоуста и опечалился. Тогда стоявшій въ дверяхъ рая сказалъ: „Человѣкъ, находящійся въ тѣлѣ, не можетъ видѣть его, такъ какъ онъ предстоитъ престолу Божію, который окружаютъ только херувимы и серафимы". Такимъ

образомъ св. Златоустъ, по этомъ сказанію, прославленъ Богомъ въ царствѣ небесномъ выше всѣхъ святителей и причисленъ къ лику высшихъ ангеловъ.

Снова свѣтло-торжественный выходъ многочисленнаго духовенства на средину храма къ образу святителя подъ звуки величественнаго поліелея и при полномъ освѣщеніи собора. Тѣсными рядами съ зажженными свѣчами сплотились священники около возвышающагося на особой подставкѣ большого, въ ростъ человѣка, образа вселенскаго учителя. „Величаемъ, величаемъ тя, святителю отче Іоанне", раздается изъ устъ священнослужащихъ. Это преемники и продолжатели служенія святителя Іоанна прославляютъ своего учителя и вдохновителя. Моментъ глубокотрогательный. Потомъ началось чтеніе акаѳиста. Весь акаѳистъ прочитанъ былъ ясно и отчетливо Архіепископомъ Димитріемъ. Дѣятели и руководители воинствующей церкви вмѣстѣ съ паствой сплетаютъ похвальный вѣнецъ своему вождю. „Возбранный вождю церкве Христовы, златословесный учителю Іоанне, отъ юности добродѣтельми украсився, добрѣ потрудился еси, и за имя Христово гоненіе претерпѣвъ, въ изгнаніи житіе скончалъ еси. Сего ради на небесахъ сугубо прославленъ еси, мудрый чина церковнаго устроителю. Тѣмже и мы умиленно чтимъ тя, зовуще: радуйся, святителю великій Іоанне Златоусте!" Съ глубокимъ вниманіемъ молящіеся слѣдили за смѣной похвальныхъ пѣсней въ честь св. Іоанна Златоуста. Вся многообразная и многострадальная жизнь свѣтила церковнаго прошла передъ молитвеннымъ взоромъ собравшихся въ формѣ краткихъ образныхъ восхваленій. Многократно повторяемое „радуйся, святителю великій Іоанне Златоусте" содѣйствовало общему настроенію прославленія. Вотъ слышится и послѣдній кондакъ: „О, святителю великій Іоанне Златоусте! Призри съ небесныхъ высотъ на насъ, долу поверженныхъ, и пріемъ сіе, отъ любве нашея приносимое ти хваленіе, умоли Господа Бога, да изліетъ на насъ благодать свою, немощная врачующую, сущихъ во православіи укрѣпити, отпадшія-же отъ церкве паки въ лоно тоя приведетъ, благоутробіемъ сво-

имъ оскудѣвающая восполняя, и всѣхъ сподобитъ съ тобою и всѣми святыми пѣти Ему во вѣки: Аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа!“ По прочтеніи евангелія священнослужащіе преклоняютъ колѣна передъ образомъ святителя, лобызаютъ его и принимаютъ елеопомазаніе отъ своего Архипастыря. Затѣмъ потекли къ образу массы народа. Поклоны, крестное знаменіе, лобзаніе святой иконы—такъ продолжалось до самаго конца всенощной. Канонъ читалъ ключарь собора свящ. о. В. Богоявленскій. Долго, долго затянулась всенощная, но усталости не чувствовалось. Воодушевленіе молитвы, а также и прекрасное пѣніе поддерживали бодрое состояніе.

Въ самый день 13-го ноября центръ Златоустовскихъ торжествъ перенесенъ былъ въ духовную академію. Представительница высшей богословской науки не могла остаться равнодушной къ памяти святаго Іоанна Златоуста и не ознаменовать торжествомъ такой исключительный день. Наша Казанская академія сдѣлала это съ тѣмъ большею готовностію, что въ ней давно уже установилась патрологическая традиція. Очень многіе изъ профессоровъ академіи имѣютъ ученыя степени за патрологическія изслѣдованія и, кромѣ того, цѣлый рядъ учебныхъ работъ Казанской академіи патрологическаго характера.

Въ этотъ день назначена была въ академическомъ храмѣ литургія на греческомъ языкѣ, а послѣ нея въ актовомъ залѣ чтеніе проф. Л. И. Писарева о св. Іоаннѣ Златоустѣ. Литургію совершалъ Высокопреосвященный Архіепископъ Димитрій въ сослуженіи ректора Академіи епископа Алексія, епископа Чебоксарскаго Михаила, проф. академіи протоіерея Е. А. Малова, инспектора академіи Н. П. Виноградова, проф. свящ. И. В. Попова и нѣкоторыхъ священниковъ студентовъ академіи. Часы читалъ преподаватель академіи Жузе, символъ вѣры и молитву Господню проф. Преображенскій, псаломъ 33-й студентъ грекъ. Публика, присутствовавшая за греческой литургіей въ Академическомъ храмѣ, иного рода, чѣмъ въ Соборѣ. Замѣтно было преобладаніе интеллигенціи. Пѣли студенты академіи на два клира. Мощные звуки однород-

наго мужскаго студенческаго хора,—общій тонъ особенно осмысленнаго отношенія къ совершающемуся, вся такъ сказать атмосфера академіи, гдѣ имя и сочиненія Златоуста часто повторяются и изучаются,—все это внесло нѣкоторые новые штрихи въ пережитое 11-го ноября въ соборѣ. Сознаніе того, что находишься въ обстановкѣ постоянной работы пытливой молодой мысли, невольно вызывало образъ Златоуста, какъ учащагося и учащаго. Во время запричастна проф. священникъ А. И. Дружининъ произнесъ слово о св. Златоустѣ. Указывая на его заслуги, какъ глубокаго истолкователя Священнаго Писанія, проповѣдникъ призывалъ обучающихся въ академіи къ изученію трудовъ его. Онъ замѣтилъ, между прочимъ, что при всемъ преклоненіи передъ Златоустомъ русская богословская наука не имѣетъ еще капитальнаго, исчерпывающаго изслѣдованія о немъ. Призывалъ также проповѣдникъ слушателей-студентовъ въ подражаніе Златоусту къ служенію церкви Божіей въ санѣ священника.

По окончаніи литургіи былъ совершенъ молебенъ святителю Іоанну Златоусту. Въ молебнѣ приняли участіе всѣ студенты священники, такъ что всего участвующихъ было до 30.

Въ 1 часъ дня въ актовомъ залѣ академіи было торжественное собраніе, посвященное памяти святителя. Присутствовали: Архіепископъ Димитрій, епископы—Алексій епископъ Чистопольскій, Михаилъ епископъ Чебоксарскій, Андрей епископъ Мамадышскій, профессора академіи, студенты и много посторонней публики. Передъ чтеніемъ хоръ студентовъ исполнилъ концертъ: Всякую прискорбна еси душе моя. Чтеніе профессора Л. И. Писарева посвященно было обсужденію жизни св. І. Зл. въ связи съ исторіею его времени.—Закончилось академическое собраніе молитвою и архіерейскимъ благословеніемъ собравшимся.

Одновременно съ чествованіемъ Іоанна Златоуста въ Академіи 13-го ноября въ каѳедральномъ соборѣ дѣятели Казанской миссіи во главѣ съ епископомъ Андреемъ приносили дань благоговѣйнаго почтенія къ памяти великаго

миссіонера—Іоанна Златоуста. Здѣсь была совершена литургія на татарскомъ, греческомъ и славянскомъ языкахъ. Іоаннъ Златоустъ заботился о распространеніи христіанства въ странѣ скиѳовъ, и вотъ спустя 1500 лѣтъ послѣ блаженной его кончины обитатели этихъ скиѳскихъ странъ приносятъ ему на разныхъ языкахъ даръ любви и благодарности, молитвенно вспоминаютъ своего миссіонера. А дѣятели миссіи до сихъ поръ ищутъ въ его памяти вдохновенія и подкрѣпленія въ своемъ нелегкомъ дѣлѣ служенія распространенію и укрѣпленію вѣры Христовой между разноплеменными обитателями Казанскаго края.

Какъ-то не хотѣлось думать, что этимъ закончились златоустовскія торжества. Такъ много хорошихъ, свѣтлыхъ моментовъ пришлось пережить въ эти дни. Искренней и глубокой благодарности заслуживаютъ всѣ потрудившіеся въ эти дни и доставившіе высокое удовлетвореніе всѣмъ любителямъ церковности.

Свящ. **С. Спиринъ.**

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ
И
ЕГО ПАСТЫРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
ВЪ АНТІОХІИ.

Дѣятельность св. Іоанна Златоуста, какъ пастыря, замѣчательна по своему характеру, *отличному отъ характера дѣятельности другихъ пастырей той эпохи, въ которую онъ жилъ.* Извѣстно, что четвертый вѣкъ христіанства, ко второй половинѣ котораго относится большая часть жизни и дѣятельности св. Іоанна Златоуста, былъ временемъ великихъ богословскихъ споровъ, временемъ, когда не только всякій богословски образованный человѣкъ, но и люди совершенно чуждые какъ богословскаго, такъ даже и свѣтскаго образованія, считали любимымъ для себя дѣломъ упражняться въ рѣшеніи спорныхъ догматическихъ вопросовъ. Что-же касается людей, самымъ положеніемъ своимъ въ церкви призванныхъ къ защитѣ и разъясненію христіанскаго вѣроученія, то есть пастырей церкви, то вниманіе ихъ, какъ извѣстно, почти всецѣло поглощалось спорными догматическими истинами, такъ какъ главную цѣль своей дѣятельности они поставляли въ рѣшеніи однихъ догматическихъ вопросовъ своего времени.

Но св. Іоаннъ Златоустъ избралъ для себя дѣятельность совершенно другого характера, именно проповѣдь нравственнаго ученія. Проповѣдь нравственнаго ученія въ то время была столь же необходима, какъ и проповѣдь догматическаго ученія, потому что тогдашній христіанскій міръ, какъ мы впослѣдствіи увидимъ на примѣрѣ антіо-

хійскаго общества, оставлялъ *въ полнѣйшемъ небреженіи нравственныя начала и правила христіанской религіи* и погрязалъ въ нравственной распущенности. Внутренняя бытовая жизнь христіанъ четвертаго вѣка походила на жизнь язычниковъ, такъ что, по отзыву Златоуста, „въ христіанскомъ обществѣ трудно было найти истинныхъ христіанъ“. Нравы, обычаи и моральныя понятія христіанъ—все это нуждалось въ самой коренной реформѣ.

Но до Златоуста никто изъ пастырей не предался всецѣло этой дѣятельности. Правда, св. Василій Великій и особенно Григорій Богословъ въ проповѣдяхъ своихъ нерѣдко обращали вниманіе христіанъ на несоотвѣтствіе ихъ жизни требованіямъ христіанской религіи, но, придавая главное значеніе проповѣди догматическаго ученія христіанства и склонные къ отвлеченному умозрѣнію, они не могли съ успѣхомъ бороться съ нравственными недостатками общества.

Вліятельнымъ проповѣдникомъ нравственнаго ученія могъ быть только такой человѣкъ, какъ Златоустъ, интересовавшійся болѣе всего жизнію современныхъ христіанъ, ихъ внутреннимъ бытомъ и взаимными отношеніями. У Златоуста, какъ пастыря, по его собственному признанію, была „одна забота—о нравственномъ преуспѣяніи пасомыхъ“. Всю жизнь и дѣятельность свою онъ посвятилъ на служеніе нравственному улучшенію паствы и преимущественно предъ всѣми пастырями церкви долженъ быть названъ проповѣдникомъ христіанскаго нравоученія. Единственная задача, которую Златоустъ посвятилъ для своего пастырскаго служенія, состояла въ нравственномъ перевоспитаніи и преобразованіи современнаго христіанскаго общества. Онъ посвятилъ себѣ цѣлью измѣнить прежній, не сообразный съ духомъ христіанства, образъ жизни пасомыхъ и построить ихъ жизнь на новыхъ началахъ евангельскаго нравоученія. Златоустъ никогда не отступалъ отъ этой цѣли и не хотѣлъ для себя никакой другой дѣятельности, кромѣ дѣятельности проповѣдника нравственнаго ученія.

Почему св. Іоаннъ Златоустъ не послѣдовалъ общему примѣру современныхъ пастырей *изучавшихъ догматическое ученіе,* а избралъ для себя практическую дѣятельность, это мы увидимъ при изложеніи его біографіи.

Св. Іоаннъ Златоустъ родился въ 347-мъ году по Р. Х. Природа наградила его самыми блестящими умственными дарованіями, и именно такими, какія болѣе всего требуются для практической дѣятельности и особенно для дѣятельности проповѣдника нравственнаго ученія. Глубокая проницательность, необыкновенно-быстрая находчивость, постоянная наблюдательность надъ всѣмъ окружающимъ, счастливая память и всѣ другія свойства, необходимыя для проповѣдника нравственнаго ученія, были свойствами природнаго ума Златоуста. Въ то-же время Златоустъ отъ природы отличался завидной способностью къ краснорѣчивому изложенію своихъ мыслей. Даръ слова былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ его достоинствъ. Но, обладая этимъ даромъ, Златоустъ, однако, отъ природы не былъ склоненъ къ проповѣди догматическаго ученія. Послѣднее, какъ необходимаго условія, всегда требуетъ для себя способности къ отвлеченному мышленію, а Златоустъ награжденъ былъ умомъ, способнымъ лишь къ конкретному мышленію. Самоуглубляться и жить только внутри себя и для себя онъ не могъ, такъ какъ натура его склонна была къ чисто внѣшней жизни и дѣятельности среди другихъ и для другихъ. Отсюда и происходила въ Златоустѣ та неудержимая потребность служить для пользы общества и въ самомъ обществѣ, какою всегда онъ отличался; отсюда его полное забвеніе о себѣ и своихъ интересахъ, такъ прекрасно выраженное имъ въ слѣдующихъ словахъ къ своей паствѣ: „для меня нѣтъ другой жизни, кромѣ васъ и заботы о вашемъ спасеніи“. Наконецъ отсюда-же та общительность и склонность къ дружбѣ, вслѣдствіе которой у Златоуста ни въ юности, ни въ зрѣломъ особенно возрастѣ, никогда не было недостатка въ искреннихъ друзьяхъ.

Всѣ свойства природнаго ума и характера Златоуста развились потомъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Обстановка, среди которой онъ выросъ, воспитаніе, какое ему давалось, общество, въ которомъ онъ жилъ, — все могло развить въ немъ самымъ совершеннѣйшимъ образомъ естественныя его способности и задатки именно въ томъ направленіи, какое свойственно было самой его природѣ, т. е., въ направленіи практическомъ.

Родиной Златоуста, какъ и мѣстомъ пастырской его дѣятельности въ званіи пресвитера, была Антіохія, столичный городъ Сиріи, городъ, въ которомъ жители, какъ по происхожденію, такъ и по богатству, сначала раздѣлялись только на два класса. Одинъ изъ этихъ классовъ состоялъ изъ пришлыхъ Македонскихъ грековъ, образовавшихъ изъ себя, по праву побѣдителей и основателей города, аристократію, воспользовавшуюся всѣми мѣстными богатствами, а другой изъ побѣжденныхъ туземныхъ сирійцевъ, составлявшихъ собой бѣдное рабочее населеніе города. Оба эти класса до самыхъ дней Златоуста сохраняли самую рѣзкую противоположность и каждый изъ нихъ и въ четвертомъ вѣкѣ, какъ и прежде, отличался отъ другого главнымъ образомъ по происхожденію: люди привеллигированные и богатые были по большей части природные греки, а бѣдняками были сирійцы, изъ которыхъ многіе и при Златоустѣ объяснялись между собою все еще на своемъ родномъ нарѣчіи, хотя въ тоже время всѣ отлично знали и греческій языкъ. Отличительными качествами этихъ послѣднихъ всегда были: добродушіе, довѣрчивость, полная безотвѣтность и любовь къ труду, хотя бы даже къ самому непочетному и безвыгодному. Между тѣмъ македонскіе пришлецы, не смотря на свой живой и подвижной характеръ, вовсе не были склонны къ дѣятельности и отличались крайнимъ легкомысліемъ. Это былъ народъ, которому вполнѣ по сердцу пришлась азіатская роскошь и изнѣженность и который, безъ всякой мѣры, воспользовался безотвѣтственностью и любовію къ дѣятельности мѣстныхъ сирійцевъ и сталъ жить на счетъ ихъ труда, предаваясь постоянно какому-то беззавѣтному веселью и всевозможнымъ удовольствіямъ. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ основанія города, именно при второмъ

преемникѣ Антіоха Епифана, переселеніемъ въ Антіохію палестинскихъ іудеевъ положено бысо начало образованію здѣсь третьяго, промышленнаго и торговаго, класса жителей. Мало-по-малу классъ этотъ все болѣе и болѣе увеличивался людьми пришлыми и заѣзжими изъ разныхъ странъ и концовъ міра, такъ называемыми предпринимателями, хотѣвшими обогатиться на счетъ роскоши богатыхъ и изнѣженныхъ жителей города. Сдѣлавшись скоро восточной столицей, Антіохія вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась мѣстомъ еще большаго прилива новыхъ элементовъ населенія. Сюда, кромѣ людей промышленныхъ и торговыхъ, какъ для временнаго пребыванія, такъ и для постояннаго жительства, изъ разныхъ мѣстъ стекались люди всевозможныхъ общественныхъ положеній и по всевозможнымъ побужденіямъ. Однихъ привлекала въ Антіохію жажда удовольствій, которая въ столицѣ могла быть удовлетворена несравненно болѣе, чѣмъ въ провинціи; другіе стремились сюда для занятія науками и искусствами, всегда процвѣтавшими здѣсь; третьи для занятія ремеслами или службой и такъ далѣе. Вслѣдствіе всего этого въ Антіохіи всегда можно было встрѣтить людей всевозможныхъ мѣстностей, всевозможныхъ званій, состояній, родовъ дѣятельности, характеровъ и тому подобное. Вслѣдствіе того-же, городъ постоянно исполненъ былъ какъ празднаго шума, такъ и кипучей дѣятельности.—Родиться и вырости въ такомъ городѣ для Златоуста, какъ будущаго проповѣдника христіанскаго нравоученія, было чрезвычайно важно. Ему не для чего было объѣзжать свѣтъ, чтобы во всей полнотѣ изучить людей и современную жизнь: въ родномъ его городѣ, какъ въ фокусѣ, собрана была и, такъ сказать, била ключемъ вся современная дѣятельность со всѣми ея проявленіями. Само собою разумѣется, что, при подобныхъ условіяхъ, даже и не такой внимательный и любознательный человѣкъ, какъ Златоустъ, наталкиваясь во всякое время и на каждомъ шагу на людей разнообразныхъ званій, положеній, взглядовъ и характеровъ и на всевозможныя жизненныя проявленія, — могъ хорошо познакомиться съ современной

дѣйствительностію. Златоустъ-же, при своемъ живомъ, наблюдательномъ и проницательномъ умѣ, способномъ чрезвычайно быстро подмѣчать въ явленіяхъ даже самыя мелкія и неуловимыя подробности, какъ нельзя болѣе могъ изучить современную жизнь и современныхъ людей, со всѣми ихъ интересами, нуждами, пороками, взаимными отношеніями и вообще со всѣмъ тѣмъ, что нужно было ему знать, какъ проповѣднику нравственнаго ученія, и подъ вліяніемъ чего только онъ и могъ прійти къ самой мысли о значеніи этой дѣятельности.

По происхожденію своему Златоустъ принадлежалъ къ высшему классу антіохійскаго общества. Отецъ его, по имени Секундъ, былъ главнымъ помощникомъ начальника сирійскихъ войскъ. Но, онъ умеръ спустя всего два года послѣ рожденія сына. Поэтому первоначальное воспитаніе будущему великому проповѣднику христіанской нравственности пришлось получить подъ руководствомъ одной лишь матери — Анѳусы. Первыя 20 лѣтъ Златоустъ неотлучно находился при ней и обязанъ былъ ея вліянію развитіемъ всѣхъ лучшихъ нравственныхъ своихъ качествъ. Оставаясь во все продолженіе этого времени некрещенымъ, онъ, не смотря на то, благодаря своей матери,—строгой христіанкѣ, былъ на самомъ дѣлѣ ревностнымъ христіаниномъ, какъ по своимъ убѣжденіямъ, такъ и по строгой нравственной жизни. Анѳуса съ малыхъ лѣтъ пріохотила сына къ чтенію Св. Писанія, и это послѣднее было въ ея рукахъ главнымъ воспитательнымъ средствомъ, оплотомъ противъ всѣхъ соблазновъ, какіе предстояли въ будущемъ для Златоуста, какъ богатаго наслѣдника и геніальнаго человѣка, и ручательствомъ за лучшую его будущность. Кромѣ того, Анѳуса, была первой и даже пожалуй главной личностью, развившей въ Златоустѣ его практическое направленіе. Не смотря на свой кроткій нравъ, она была женщина въ высшей степени практическая, такая женщина, которая, оставшись послѣ мужа въ молодыхъ лѣтахъ, могла одна своими силами управляться со всѣми дѣлами богатаго дома и имѣнія, оставленнаго Секундомъ, съ дѣлами, требовавшими

много хлопотъ, ума и энергіи. Это была женщина, по собственному ея признанію, съумѣвшая не только быть дѣйствительной госпожей въ огромномъ домѣ, среди множества своевольныхъ слугъ, но и восторжествовать какъ надъ корыстолюбивыми умыслами родственниковъ покойнаго мужа, хотѣвшими поживиться на счетъ оставленнаго Секундомъ имущества, такъ и надъ различными нападками и притѣсненіями со стороны гражданскихъ властей. Понятно, что подъ руководствомъ такой мудрой, опытной и тактичной матери, изъ Златоуста, при практическихъ задаткахъ его собственной природы, могъ образоваться не иначе, какъ практическій дѣятель. Какъ увидимъ мы ниже, Анѳуса дѣйствительно и готовила своего сына къ полезной практической дѣятельности въ обществѣ.

Съ двадцатилѣтняго возраста началось обученіе Златоуста свѣтскимъ наукамъ. Только съ этого періода на него стали вліять другія, кромѣ Анѳусы, личности, хотя и теперь вліяніе матери всетаки оставалось преобладающимъ. Въ то время, по распоряженію императора Юліана, всѣ христіанскія училища были закрыты, а потому христіанамъ приходилось отдавать своихъ дѣтей для свѣтскаго образованія въ школы, находившіяся въ рукахъ языческихъ учителей. Предусмотрительные христіанскіе родители, опасаясь, чтобы дѣти ихъ, подъ вліяніемъ языческихъ учителей, не сдѣлались сами язычниками, не рѣшались отдавать ихъ въ языческія школы ранѣе двадцатилѣтняго возраста. Вслѣдствіе такого-же опасенія, вѣроятно, и Анѳуса держала при себѣ сына до обычнаго зрѣлаго возраста, и только тогда, когда онъ сознательно усвоилъ себѣ начала христіанской религіи, рѣшилась отдать его въ руки языческихъ учителей. Лучшей изъ языческихъ школъ была тогда въ Антіохіи школа Ливанія; въ неё Златоустъ и поступилъ. Главнымъ руководителемъ и наставникомъ въ этой школѣ былъ самъ Ливаній—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ язычниковъ того времени. Онъ, какъ извѣстно, находился въ близкихъ и даже дружескихъ отношеніяхъ къ императору Юліану и вмѣстѣ съ нимъ мечталъ о возстановленіи язычества. Самая школа

была основана имъ болѣе всего, кажется, въ тѣхъ видахъ, чтобы образовать въ языческомъ духѣ молодое поколѣніе. Впрочемъ, будучи однимъ изъ честнѣйшихъ и правдивѣйшихъ людей между язычниками, онъ не хотѣлъ намѣренно скрывать предъ своими слушателями недостатковъ языческой религіи, и если ревностно защищалъ предъ ними язычество, то вовсе не потому, чтобы слѣпо раздѣлялъ всѣ заблужденія язычниковъ. Онъ былъ жаркимъ почитателемъ язычества не столько ради его религіозно-нравственныхъ воззрѣній, сколько ради того великаго прошлаго, какое было съ нимъ связано, и особенно ради наукъ и искусствъ, выросшихъ на его почвѣ и развившихся подъ его покровительствомъ. Съ этой именно стороны Ливаній и усиливался въ своихъ краснорѣчивыхъ урокахъ представить слушателямъ язычество въ привлекательномъ видѣ, но успѣхъ, какъ извѣстно, имѣлъ не особенно большой. Не смотря на то, до самой своей смерти онъ не переставалъ съ жаромъ дѣйствовать въ этомъ направленіи. Онъ всегда внимательно изучалъ своихъ учениковъ, чтобы подыскать между ними хорошихъ помощниковъ своему дѣлу, и не пропускалъ ни одной даровитой личности безъ того, чтобы не позаботиться особеннымъ образомъ приготовить ее къ задуманному имъ возстановленію язычества. Изъ всѣхъ такихъ личностей, между учениками, Златоустъ особенно остановилъ на себѣ вниманіе Ливанія. Послѣдній видѣлъ въ новомъ своемъ питомцѣ не только хорошаго помощника себѣ, но и достойнѣйшаго преемника. Подмѣтивъ въ Златоустѣ необыкновенный даръ слова, Ливаній все свое риторское умѣнье приложилъ къ тому, чтобы развить этотъ даръ до самой высшей степени, и дѣйствительно, какъ нельзя болѣе, успѣлъ въ этомъ, потому что и Златоустъ съ своей стороны, видя въ Ливаніи опытнаго наставника, съ полнымъ вниманіемъ пользовался его уроками по части краснорѣчія. Изъ подъ руководства Ливанія онъ вышелъ такимъ ораторомъ, что могъ быть, по отзыву своего учителя, предметомъ гордости того времени. Извѣстны слова Ливанія, сказанныя по поводу одной рѣчи Златоуста, сочиненной въ похвалу

императора Валентиніана I-го: „Счастливъ писатель, умѣющій такъ прославлять императоровъ!- Но также счастливы и императоры, что царствуютъ въ такое время, когда міръ владѣетъ такимъ удивительнымъ писателемъ!". Но образовавъ въ Златоустѣ удивительную способность краснорѣчія, Ливаній не успѣлъ въ главномъ своемъ стремленіи—сдѣлать его преемникомъ въ своемъ училищѣ и внушить ему свои языческія убѣжденія. Златоустъ попрежнему остался христіаниномъ въ своей душѣ. Вліяніе матери оказалось, такимъ образомъ, сильнѣе вліянія учителя. Ливаній самъ призналъ себя побѣжденнымъ ею, когда сказалъ, что у него „похитили Златоуста христіане": первый починъ въ этомъ похищеніи, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Анѳусѣ, или, лучше сказать, она не похитила Златоуста, а только не выпустила его изъ своихъ рукъ и не дала похитить его самому Ливанію. Не даромъ послѣдній называлъ Анѳусу „удивительной женщиной". Она дѣйствительно была женщиной необыкновенной, не только по своей цѣломудренной жизни, которой особенно удивлялся Ливаній, но и по тому такту, съ какимъ воспитывала сына, равно какъ и по своему вліянію на него. Если бы Анѳуса не была увѣрена въ такомъ своемъ вліяніи на сына, то, вѣроятно, и не позволила бы ему поступить въ училище Ливанія, какъ такого человѣка, стремленія котораго и ей, и всѣмъ вообще современникамъ, хорошо были извѣстны. Значеніе Ливанія для Златоуста и его будущей проповѣднической дѣятельности слишкомъ понятно, что бы о немъ много говорить: Ливаній усовершенствовалъ до высшей степени самое орудіе, посредствомъ котораго Златоусту предстояло совершать нравственное преобразованіе общества.

Изъ другихъ свѣтскихъ учителей Златоуста біографы упоминаютъ только о философѣ Андрагаѳіи, но не сообщаютъ ни свѣдѣній о личности этого философа, ни того, былъ ли этотъ Андрагаѳій преподавателемъ философіи въ школѣ Ливанія, или имѣлъ свою собственную школу. Ничего также первоначальные біографы не говорятъ и о вліяніи этого учителя на Златоуста. Только нѣкоторые

изъ позднѣйшихъ описателей жизни Златоуста приписываютъ Андрагаѳію развитіе въ Златоустѣ „способности къ ясному представленію и пониманію вещей, къ строгости въ сужденіяхъ, отчетливому изложенію мыслей“ и т. под., но, кажется, развитіе всѣхъ этихъ качествъ въ Златоустѣ лучше всего приписать Ливанію, какъ учителю краснорѣчія. Самъ Ливаній, какъ извѣстно, отличался всѣми указанными достоинствами и, конечно, не преминулъ развить ихъ и въ Златоустѣ, когда хотѣлъ сдѣлать его преемникомъ себѣ по преподаванію риторики. Изъ уроковъ-же Андрагаѳія, какъ человѣка, не съумѣвшаго поселить въ своемъ ученикѣ никакого уваженія къ философіи и лучшимъ ея представителямъ, Златоустъ едва-ли могъ вынести что нибудь, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ свѣдѣній по философіи. Онъ, вѣроятно, и хотѣлъ слушать Андрагаѳія не столько за тѣмъ, чтобы основательно изучить философію, сколько ради того, чтобы не остаться въ совершенномъ невѣдѣніи такого предмета, который былъ тогда во всеобщемъ уваженіи у образованныхъ людей. Или-же, если Андрагаѳій былъ преподавателемъ въ школѣ Ливанія, то Златоусту приходилось слушать философію только потому, что того требовала общая программа школы, но въ такомъ случаѣ о вліяніи Андрагаѳія на Златоуста не можетъ быть и рѣчи, какъ нѣтъ этой рѣчи и у первоначальныхъ біографовъ Златоуста.

По окончаніи свѣтскаго образованія, Златоустъ поступилъ на гражданскую службу, въ качествѣ адвоката. Занятіе этой должности имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія для будущей проповѣднической дѣятельности Златоуста. Эта должность ставила его лицомъ къ лицу съ современной жизнью и неизбѣжно знакомила его со всѣми стремленіями, нуждами, пороками и неправдами общества и даже съ нуждами и неправдами именно извѣстныхъ лицъ въ городѣ. Кромѣ того, она пріучила его быть защитникомъ угнетенныхъ и бѣдныхъ противъ несправедливыхъ притѣсненій сильныхъ и богатыхъ и служила самымъ лучшимъ упражненіемъ для его краснорѣчія. Но въ то же время эта должность едва не повредила нрав-

ственности Златоуста. Новыя знакомства и связи съ представителями высшаго круга, знакомства, необходимо являвшіяся при занятіи должности адвоката, пріучили его къ разсѣянной свѣтской жизни. Онъ сталъ посѣщать театръ и другія увеселительныя мѣста и почти совсѣмъ оставилъ чтеніе Св. Писанія. Правда, впослѣдствіи и это все пригодилось Златоусту тѣмъ, что дало ему возможность на собственномъ опытѣ узнать всю трудность для человѣка устоять противъ мірскихъ соблазновъ, и лично познакомило его съ тѣми мѣстами, гдѣ крылись самые источники нравственной порчи общества. Тѣмъ не менѣе, нравственности Златоуста въ то время всетаки грозила серьезная опасность, которая миновала только благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, и при другихъ условіяхъ могла совершенно задержать его на скользкомъ пути. Златоустъ сошелъ съ этого пути только благодаря тому, что у него были искренніе друзья, отличавшіеся строгой нравственностью, настойчивыя убѣжденія и цросьбы которыхъ и заставили его одуматься. Замѣчательно, что приписывая друзьямъ Златоуста обращеніе его на путь истинный, біографы ничего не говорятъ о протестѣ Анѳусы противъ разсѣянной жизни сына. Анѳуса вѣроятно понимала, что съ прекращеніемъ этой жизни должны будутъ порваться связи ея сына съ тѣми лицами высшаго круга, которыя вовлекли Златоуста въ разсѣянность и отъ которыхъ, какъ кажется, зависѣла занимаемая имъ карьера. Должно быть разсѣянная жизнь въ то испорченное время была для людей высшаго круга неизбѣжной необходнмостью, такъ что оставить ее значило совсѣмъ выйти изъ аристократической среды, потерять въ ней всякое уваженіе къ себѣ и даже, пожалуй, лишиться занимаемаго по службѣ положенія. Все это, какъ извѣстно, и случилось съ Златоустомъ. Бросивъ разсѣянную жизнь, онъ долженъ былъ совсѣмъ оставить должность адвоката. Для Анѳусы это послѣднее обстоятельство, конечно, всего менѣе могло быть желательно. Вслѣдствіе этого она, хотя была благочестивая христіанка и заботливая мать, вѣроятно, и не протестовала противъ разсѣянной жизни Златоуста, мирясь съ

неизбѣжнымъ зломъ ради той пользы, какую ея сынъ сталъ приносить обществу, и ради того утѣшенія, какое онъ доставлялъ ей самой, занимая видную и полезную должность. Для друзей-же Златоуста подобныя соображенія не могли имѣть значенія. Они видѣли, что при талантахъ Златоуста, потерять должность адвоката значило еще не много, что для его способностей кругъ дѣятельности судебнаго защитника еще очень тѣсенъ, а потому и не опасались удерживать его отъ разсѣянной жизни, хотя и они не менѣе Анѳусы могли знать, что съ исправленіемъ жизни Златоустъ долженъ былъ стать совершенно чуждымъ высшему кругу и потерять въ немъ все для своей свѣтской карьеры. Какъ оказывается изъ свидѣтельствъ біографовъ, друзья Златоуста даже и хлопотали не только о томъ, чтобы онъ бросилъ разсѣянную жизнь, но и о томъ, чтобы онъ совершенно оставилъ свѣтскую службу. Они понимали, что Златоустъ, при своихъ необыкновенныхъ дарованіяхъ, гораздо болѣе можетъ принести пользы обществу, когда перемѣнитъ свѣтское званіе на духовное, и совѣтовали ему или поступить въ клиръ антіохійской церкви, или принять монашество. О послѣднемъ особенно хлопоталъ самый лучшій другъ Златоуста Василій. Но поступленію Златоуста въ иноки воспротивилась Анѳуса. Анѳуса, повидимому, не хотѣла даже, чтобы и послѣ ея смерти Златоустъ сдѣлался инокомъ. Упрашивая его остаться въ родномъ домѣ, она говоритъ: „Когда предашь тѣло мое землѣ, тогда предпринимай далекія путешестія, переплывай моря, какія хочешь", и однакожъ не рѣшается прямо сказать: тогда иди въ монастырь. Видно, что Анѳусѣ тяжело было и подумать объ иночествѣ сына. Златоустъ не захотѣлъ огорчить мать и остался въ ея домѣ. Кромѣ просьбъ матери на Златоуста въ этомъ случаѣ, кажется, много повліялъ антіохійскій епископъ Мелетій, съ которымъ Златоустъ вскорѣ послѣ оставленія свѣтской должности очень коротко сблизился, принялъ отъ его рукъ крещеніе и былъ постояннымъ его посѣтителемъ. Мелетій, по замѣчанію Палладія, „пророческимъ духомъ предви-

дѣлъ послѣдующее служеніе Златоуста“ и хотѣлъ въ своемъ клирѣ приготовить его къ будущей пастырской дѣятельности. Хотя не легко и не скоро, но всетаки епископу удалось убѣдить Златоуста сдѣлаться клирикомъ антіохійской церкви, въ качествѣ чтеца.

Со время вступленія въ клиръ, Златоустъ началъ свое богословское образованіе. Извѣстно, что въ то время еще не было спеціально богословскихъ школъ, какъ не было и богословской науки въ настоящемъ видѣ. Но зато жизнь въ клирѣ была хорошей школой какъ для полученія богословскаго образованія, такъ и вообще для приготовленія къ пастырской дѣятельности. „Здѣсь юноши, посвятившіе себя духовному званію“, подъ руководствомъ опытныхъ клириковъ „воспитывались сами и учились воспитывать другихъ въ духѣ христіанскаго благочестія и просвѣщенія“. Во времена Златоуста, клиръ антіохійской церкви отличался особеннымъ благоустройствомъ и имѣлъ въ своей средѣ много высокообразованныхъ и высоконравственныхъ клириковъ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчателенъ былъ самъ Мелетій, принадлежавшій къ числу тѣхъ пастырей, которые любили болѣе дѣло, чѣмъ слово, „болѣе благочестіе, чѣмъ мудрословіе“. По отзыву Златоуста, „онъ былъ мужъ высокой добродѣтели“. За святость жизни антіохійскіе граждане такъ уважали Мелетія, что „при одномъ имени его приходили въ восторгъ и каждый желалъ дать сыну своему имя Мелетія, считая это имя украшеніемъ родства, залогомъ благоденствія, радости и спасенія для носившихъ его“. На перстняхъ, печатяхъ, чашахъ и на стѣнахъ жилищъ постоянно можно было встрѣтить вырѣзаннымъ имя этого уважаемаго епископа. Насколько было сильно вліяніе Мелетія на антіохійское общество видно изъ того, что многіе изъ гражданъ переходили изъ аріанства въ православіе только ради того, что на сторонѣ православія былъ Мелетій. Всѣ благомыслящіе люди такъ привыкли считать любимаго архипастыря защитникомъ истины и православія, что Мелетію достаточно было просто заявить свой взглядъ, чтобы граждане, узнавъ его мнѣніе, воздержа-

лись отъ уклоненія въ ересь. Особеннымъ даромъ краснорѣчія Мелетій не отличался, хотя въ тоже время, по замѣчанію Златоуста, „былъ весьма опытенъ въ ученіи“, то есть, умѣлъ и взяться за дѣло учительства, какъ прилично опытному пастырю, и говорить именно для полезнаго ученія.

Изъ пастырской практики Мелетія записанъ историками одинъ фактъ, ясно показывающій, что Мелетій, какъ человѣкъ высоконравственный и дорожившій болѣе всего добродѣтельной жизнью, съ самаго начала своей пастырской дѣятельности рѣшился дѣйствовать на паству болѣе всего путемъ нравственнаго вліянія и только посредствомъ нравственнаго ученія думалъ склонить пасомыхъ и къ истинному вѣроученію. Ѳеодоритъ и Созоменъ разсказываютъ, что въ самый день своего посвященія на антіохійскую каѳедру, Мелетій, по приказанію императора, вмѣстѣ съ другими пастырями, долженъ былъ сказать экспромптомъ бесѣду на одно изъ самыхъ спорныхъ мѣстъ въ Св. Писаніи между православными и аріанами, именно на то мѣсто изъ книги Притчей, гдѣ говорится о созданіи Премудрости (Притч. 8, 20 и 23 ст.). Хотя предметъ, назначенный для собесѣдованія былъ чисто догматическаго характера и предложенъ былъ императоромъ въ интересахъ именно догматическихъ, не смотря на то, „Мелетій началъ свою рѣчь нравственными размышленіями, о внутреннемъ общеніи со Христомъ, какъ основѣ нравственной христіанской жизни“, и только тогда, когда завладѣлъ и вниманіемъ и сердцемъ слушателей, перешелъ уже къ догматическимъ разсужденіямъ, но и здѣсь ограничился самымъ простымъ изложеніемъ своего взгляда, и не столько старался рѣшить предложенный вопросъ, сколько „убѣждалъ слушателей не испытывать того, что не уловимо испытаніемъ“. Если такъ поступилъ Мелетій въ первый день своего епископства, когда и желаніе императора, и ожиданія слушателей, и примѣръ другихъ пастырей, говорившихъ прежде него бесѣды на тотъ-же текстъ, и, наконецъ, самая сущность предложеннаго вопроса, требовали отъ него догматическихъ разсужденій, — то послѣ-

дующая его учительская дѣятельность почти исключительно была направлена къ тому, чтобы удерживать свою паству отъ догматическихъ споровъ и внушать всѣмъ и каждому, что безъ добродѣтели не спасетъ человѣка и правая рука. Въ одномъ изъ жизнеописаній Златоуста личность Мелетія и его пастырская дѣятельность характеризуются слѣдующими чертами. „Богобоязненный Мелетій и въ жизни и въ ученіи всегда свидѣтельствовалъ истину того, что безъ любви къ Богу не могутъ быть соблюдаемы Божественныя заповѣди, что просвѣщеніе ума и сердца не возможно тамъ, гдѣ не свѣтитъ законъ Господень, и что только тотъ въ состояніи право уразумѣвать и возвѣщать слово истины, кто доброю жизнью содѣлалъ свою душу храмомъ Христа“. Понятно послѣ всего этого, каково должно было быть вліяніе Мелетія на Златоуста. Всѣ біографы и ученые изслѣдователи жизни этого послѣдняго согласны относительно того, что Мелетій своими наставленіями и примѣромъ святой жизни, какъ нельзя болѣе, развилъ и укрѣпилъ нравственныя убѣжденія Златоуста, и возбудилъ въ немъ то горячее рвеніе къ нравственному исправленію жизни христіанскаго общества, какимъ (рвеніемъ) отличался Златоустъ впослѣдствіи, когда выступилъ на проповѣдь христіанскаго ученія.

Въ то время, когда Мелетій такъ благотворно вліялъ на складъ нравственныхъ убѣжденій Златоуста, на его характеръ и направленіе его будущей пастырской дѣятельности, другой изъ антіохійскихъ клириковъ, пресвитеръ Діодоръ, впослѣдствіи епископъ Тарсійскій, оказалъ Златоусту чрезвычайно важную услугу тѣмъ, что обогатилъ его умъ познаніями въ разныхъ богословскихъ наукахъ и особенно познаніями въ Св. Писаніи. Епископъ Тарсійскій Діодоръ извѣстенъ въ исторіи, какъ одинъ изъ образованнѣйшихъ богослововъ своего времени и лучшихъ знатоковъ Св. Писанія. Онъ считается основателемъ антіохійской школы толкованія Св. Писанія, — школы не въ смыслѣ какого нибудь отдѣльнаго училища для преподаванія Св. Писанія, а въ смыслѣ отдѣльнаго на-

правленія въ толкованіи. Разсказываютъ, что Діодоръ не только не имѣлъ постоянной школы, но даже и постояннаго пристанища для себя. Онъ жилъ, гдѣ привелось, и училъ, подобно философу Сократу, по большей части тамъ, гдѣ можно было встрѣтить больше слушателей. Благодаря такимъ переходамъ съ мѣста на мѣсто, преподаваніе Діодора было чуждо всякихъ школьныхъ правилъ и пріемовъ. Въ виду постоянно мѣнявшихся слушателей, отличавшихся различными степенями пониманія, Діодоръ не могъ излагать своихъ уроковъ ни въ строго-научной системѣ, ни даже въ послѣдовательномъ порядкѣ. Толкованія его по Св. Писанію были ни чѣмъ инымъ, какъ импровизаціей, сказанной на извѣстный текстъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, по разнымъ поводамъ и при различныхъ обстоятельствахъ. Желая быть понятнымъ и полезнымъ для всѣхъ своихъ слушателей, Діодоръ старался избѣгать тѣхъ аллегорическихъ и умозрительныхъ объясненій, какія свойственны были александрійской школѣ. Въ противоположность преподавателямъ этой послѣдней, онъ обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на буквальный и нравственный смыслъ Св. Писанія и, объясняя его частію филологически, частію исторически, постоянно дѣлалъ практическія примѣненія своихъ уроковъ къ жизни слушателей. Вообще уроки Діодора, такъ сказать, сливались съ самою его жизнію, равно какъ съ жизнію и интересами его слушателей, а потому и отличались вполнѣ жизненнымъ и практическимъ характеромъ, были просты, наглядны и чужды всякихъ отвлеченностей. Всѣ эти свойства, вмѣстѣ съ обширными свѣдѣніями по разнымъ богословскимъ наукамъ, перешли отъ Діодора и къ Златоусту. Онъ такъ-же держался по большей части буквальнаго смысла Писанія, такъ-же прибѣгалъ къ филологическимъ и историческимъ объясненіямъ текста, такъ-же былъ простъ и общедоступенъ въ своихъ толкованіяхъ и, наконецъ, съ такимъ-же постоянствомъ, какъ Діодоръ, пользовался всякимъ случаемъ для того, чтобы познакомить съ Писаніемъ свою паству и вывести изъ него назидательный урокъ для нея. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ харак-

терахъ этихъ двухъ пастырей церкви замѣчается нѣкоторое сходство, такъ что можно думать, что Діодоръ отчасти раздѣлялъ съ Мелетіемъ и нравственное вліяніе на Златоуста. По свидѣтельству историковъ, Діодоръ имѣлъ въ высшей степени твердый и непоколебимый характеръ, стоялъ всегда за истину, какъ скала, и неустрашимъ былъ даже въ тѣ моменты, когда другихъ охватывалъ паническій страхъ. Такъ было напримѣръ во время гоненія на православныхъ при Валентѣ, когда весь городъ трепеталъ отъ ужаса, между тѣмъ какъ Діодоръ нисколько не потерялъ присутствія духа, ходилъ по домамъ укрѣплять гражданъ и убѣждалъ всѣхъ мужественно стоять за вѣру. Точно такимъ-же могучимъ и неустрашимымъ характеромъ отличался и Златоустъ, никогда не падавшій духомъ и нисколько не боявшійся говорить въ глаза правду самымъ сильнѣйщимъ и лютѣйшимъ своимъ врагамъ.

Въ клирѣ антіохійской церкви, въ качествѣ чтеца Златоустъ провелъ цѣлыхъ четыре года (370—374). Въ теченіе этого времени умерла Анѳуса, а подъ конецъ сосланъ былъ въ ссылку Мелетій, и Златоусту никто болѣе не препятствовалъ уже пройти самую послѣднюю и трудную воспитательную школу, именно школу иноческой жизни, сначала въ монастырѣ—подъ руководствомъ опытныхъ старцевъ, а потомъ вполнѣ самостоятельную—въ уединенной пещерѣ въ пустынѣ. Хотя монастырская и въ особенности пустынная жизнь была не по характеру Златоуста, любившаго болѣе дѣятельность въ обществѣ, чѣмъ созерцательную жизнь, тѣмъ не менѣе онъ рѣшился сдѣлаться инокомъ, чтобы дучше приготовить себя къ будущему служенію. Въ то время между людьми, готовившими себя къ пастырской дѣятельности, былъ обычай, прежде посвященія, удаляться на нѣсколько лѣтъ въ пустыню, которая считалась лучшей предварительной школой для пастыря церкви. Какъ извѣстно, всѣ знаменитые отцы церкви IV вѣка до епископства значительное время жили въ пустынѣ. Можетъ быть, что и Златоустъ оставилъ общество, отчасти уступая общему обычаю. Но были

и другія причины, заставившія его удалиться изъ міра. „Онъ“, говоритъ Поль Альбертъ, „поспѣшилъ удалиться отъ того печальнаго зрѣлища, которое представлялъ собою міръ. Всюду была анархія, безпорядки и возмущенія. Варвары, какъ волны, стремились со всѣхъ сторонъ на имперію... Гунны, переправившись черезъ море, наводнили собою востокъ. Въ то же время церковь раздираема была междоусобной религіозной войной . . . Аріанство, осужденное въ Никеѣ, но теперь покровительствуемое императорами Констанціемъ и Валентомъ, съ энергіей боролось противъ православія: созывало соборы, отрѣшало отъ должностей православныхъ епископовъ, назначало имъ преемниковъ, производило постоянныя, часто кровавыя, волненія и т. под. Въ самой Антіохіи низложенъ былъ Мелетій... Среди такихъ волненій, очень естественно, что души, жаждущія мира, съ радостію удалялись въ пустыню“. Самымъ-же сильнымъ побужденіемъ, заставившимъ Златоуста скрыться въ монастырь, было слѣдующее обстоятельство. По причинѣ гоненія на православныхъ со стороны аріанъ, о которомъ упоминаетъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ Поль Альбертъ, многія церкви потеряли своихъ пастырей. Одни умерли подъ гнетомъ разнообразныхъ притѣсненій и оскорбленій на своихъ каѳедрахъ, другіе заключены были въ темницы, а большая часть погибла въ мѣстахъ заточенія. Православные епископы, оставшіеся въ живыхъ, когда гоненіе начало стихать, стали замѣщать опустѣвшія епископскія каѳедры новыми достойными лицами. Въ народѣ разнеслась молва, что и Златоуста, вмѣстѣ съ другомъ его Василіемъ, хотятъ поставить въ епископы. Молва оказалась дѣйствительно справедливой. Вскорѣ прибылъ въ городъ епископъ, которому назначено было рукоположить Златоуста и Василія. Ни тотъ, ни другой, однакожъ, не считали себя достойными такого высокаго служенія и рѣшились отказаться отъ предложенной чести. Что касается Василія, то пріѣхавшему епископу удалось всетаки вынудить у него согласіе на посвященіе, и онъ былъ немедленно рукоположенъ. Опасаясь той же участи и для себя или,

еще хуже, насильственнаго посвященія, Златоустъ рѣшился бѣжать изъ города и укрылся въ одинъ сосѣдній съ Антіохіей монастырь, расположенный на берегу рѣки Оронта. Въ этомъ монастырѣ онъ и оставался цѣлыхъ четыре года (375—378), а затѣмъ для высшихъ аскетическихъ подвиговъ удалился въ уединенную пещеру. Пребываніе въ монастырѣ и въ пещерѣ было важно для Златоуста тѣмъ, что здѣсь, въ суровыхъ аскетическихъ подвигахъ, онъ окончательно выработалъ ту твердость и стойкость характера, которой нѣкоторое подобіе прежде могъ видѣть только въ учителѣ своемъ Діодорѣ и которой самъ до сихъ поръ не имѣлъ. Здѣсь-же, путемъ собственнаго опыта и различныхъ искушеній онъ познакомился со всѣми слабостями человѣческаго сердца и основательно изучилъ человѣческую природу. Наконецъ здѣсь-же, благодаря разнаго рода лишеніямъ и постоянной бдительности надъ собой, онъ одержалъ полную побѣду надъ своими страстями и съ полнымъ правомъ могъ впослѣдствіи говорить о себѣ, что „нѣтъ зла больше того зла, какое“ онъ „побѣдилъ“. Можно думать, что аскетическіе подвиги, пройденные Златоустомъ въ пустынѣ, не менѣе блестящаго краснорѣчія, сообщали дѣятельности его то значеніе и авторитетъ, предъ которымъ впослѣдстіи благоговѣли цѣлыя массы народа, какъ извѣстно, всегда отличающагося особенной любовію къ пустынникамъ.

Но тѣ же аксетическіе подвиги, при всѣмъ своемъ значеніи для нравственнаго самоусовершенствованія Златоуста, отозвались чрезвычайно вредно на состояніи его здоровья и заставили его возвратиться въ городъ. Мелетій, только что вернувшійся къ тому времени изъ ссылки, посвятилъ Златоуста въ санъ діакона, въ которомъ онъ и пробылъ цѣлыхъ пять лѣтъ (380—385), и также не безъ пользы для своей будущей дѣятельности. „Извѣстно“, говоритъ Поль Альбертъ: „какъ важна была въ древней церкви должность діакона. Онъ былъ слугою бѣдныхъ, раздаятелемъ милостыни, надзирателемъ и стражемъ у дверей храма. Епископъ часто возлагалъ на него разныя порученія. Должность трудная, требовавшая безотчетной

покорности во всякое время, но за то представлявшая собою—самое лучшее приготовленіе къ должности пастыря (священника и епископа) и вмѣстѣ самое неустанное упражненіе въ обязанностяхъ любви. Быть естественной опорой бѣдныхъ, изучать ихъ несчастія, видѣть собственными глазами крайность нуждъ, находить причины этому часто въ жадности и жестокости богачей, въ безжалостныхъ и несправедливыхъ притѣсненіяхъ правительства, являться къ неимущимъ и слабымъ какъ бы видимое орудіе церкви, получать общую признательность—быть любимымъ и благословляемымъ отъ тѣхъ, которые страдаютъ,—лучше такого служенія не могло быть для человѣка, сердце котораго было такъ любвеобильно и который такъ страстно ненавидѣлъ неправду"!—Діаконствомъ и закончилось приготовленіе Златоуста къ пастырскому служенію. Въ 386-мъ году, почти сорока лѣтъ отъ роду, онъ посвященъ былъ въ санъ пресвитера антіохійской церкви Флавіаномъ, преемникомъ Мелетія.

Послѣ всего сказаннаго, приготовленіе Златоуста къ пастырской дѣятельности для проведенія въ жизнь общества высокихъ началъ христ. нравственности представляется вообще въ такомъ видѣ. Въ родномъ городѣ Златоусту представлялась полная возможность познакомиться со всѣми родами жизни и съ самыми разнообразными характерами людей. Въ частности, въ домѣ матери, женщины, принадлежавшей къ высшему кругу общества, онъ постоянно долженъ былъ находиться въ средѣ людей высшаго круга, родныхъ и знакомыхъ Анѳусы, могъ изучить ихъ привычки, образъ мыслей и т. под. Еще болѣе онъ имѣлъ случаевъ изучить этотъ кругъ, когда самъ вошелъ въ него въ званіи судебнаго адвоката и началъ было вести жизнь свѣтскаго человѣка. Въ томъ-же званіи онъ могъ близко познакомиться съ жизнію и нуждами и другихъ классовъ общества, какъ защитникъ невинныхъ и угнетенныхъ людей, которые, конечно, могли принадлежать къ различнымъ общественнымъ сословіямъ. Въ концѣ приготовленія къ пастырской дѣятельности, именно въ званіи діакона, еще болѣе должно было увеличиться зна-

комство его съ людьми всѣхъ общественныхъ положеній и состояній.—Лѣтъ за 12 передъ тѣмъ, находясь въ школѣ язычника Ливанія, среди товарищей, также по большей части язычниковъ, Златоустъ непосредственно могъ видѣть жизнь, обычаи и привычки язычниковъ, равно какъ пріобрѣсти свѣдѣнія объ ихъ вѣрованіяхъ и учености.—Среди клириковъ хорошо изучилъ онъ жизнь бѣлаго духовенства.—Въ обществѣ монаховъ узналъ монастырскую жизнь, вмѣстѣ съ стремленіями и идеалами иноковъ. Мало того, Златоустъ не только могъ видѣть и хорошо знать людей въ самыхъ разнообразныхъ ихъ званіяхъ и положеніяхъ, но и самъ прошелъ опытно всѣ роды жизни—отъ разсѣяннаго свѣтскаго человѣка до строгаго аскета и уединеннаго затворника, отъ чтеца до пресвитера (и потомъ епископа), отъ одного изъ самыхъ богатыхъ людей въ Антіохіи, до бѣднѣйшаго нищаго, какимъ сдѣлался, когда предъ уходомъ въ монастырь отдалъ все свое богатство бѣднымъ.

Что касается воспитанія Златоуста, то и оно проходило при самыхъ лучшихъ условіяхъ. Практическая, но въ тоже время нѣжная и любящая мать, кроткій и искренно привязанный другъ Василій безспорно самымъ благотворнымъ образомъ вліяли на нѣжное сердце Златоуста. Умный и краснорѣчивый учитель Ливаній развилъ въ будущемъ проповѣдникѣ природный умъ и даръ слова; Діодоръ обогатилъ Златоуста разными богословскими познаніями, между тѣмъ какъ Мелетій оказалъ одно изъ лучшихъ вліяній на складъ нравственныхъ убѣжденій своего клирика и на направленіе будущей его дѣятельности. Наконецъ лишенія пустыни и борьба съ самимъ собой, какъ нельзя болѣе закалили волю Златоуста, сдѣлали его глубокимъ опытнымъ психологомъ и почти совсѣмъ освободили отъ страстей.

Съ такими рѣдкими качествами ума, сердца и воли съ такимъ полнымъ знаніемъ жизни и людей, выступилъ Златоустъ на поприще пастырской дѣятельности. Можно сказать, что люди, обстоятельства и разныя положенія, видѣнныя и испытанныя Златоустомъ—все какъ будто

нарочно подобрано было для того, чтобы образовать и приготовить въ немъ самаго лучшаго, могучаго и вліятельнѣйшаго проповѣдника христіанскаго нравоученія, такого проповѣдника, который выступилъ на свою дѣятельность во всеоружіи необходимыхъ средствъ, знаній и личныхъ достоинствъ.

Необыкновенный умъ, блестящее краснорѣчіе и замѣчательный практическій талантъ не замедлили выдвинуть Златоуста изъ ряда другихъ пресвитеровъ антіохійской церкви и „сдѣлать правой рукой архіепископа Флавіана“. Въ то время, какъ прочіе священники занимались отправленіемъ богослуженія и совершеніемъ требъ, Златоусту престарѣлый Флавіанъ поручилъ вмѣсто себя исключительно заняться проповѣдью. Но для новаго пастыря проповѣдь была не просто возложенной обязанностью, а и самой дорогой и близкой къ сердцу дѣятельностію. Она была природнымъ призваніемъ Златоуста, которому этотъ послѣдній не только не могъ противиться, но всегда отдавался со всѣмъ жаромъ и любовью. Златоустъ горячо любилъ своихъ согражданъ и забота объ ихъ благѣ непреодолимо побуждала его постоянно говорить съ ними и поучать ихъ. Случалось, что онъ въ одинъ день произносилъ по нѣскольку проповѣдей. Никакія неудачи въ дѣлѣ нравственнаго исправленія паствы не могли заставить его, въ продолженіи всего двѣнадцатилѣтняго пресвитерства своего въ Антіохіи, отказаться отъ проповѣди. Златоусту нерѣдко говорили: „Оставь совѣтовать, перестань увѣщевать: не хотятъ слушать тебя“; но онъ не обращалъ на это вниманія и по-прежнему, если не болѣе, занимался проповѣдью. Ему казалось невѣроятнымъ, чтобы его проповѣдь была совершенно безуспѣшна и чтобы никто изъ его слушателей не внялъ его слову. Въ тѣхъ случаяхъ, когда просили его прекратить бесѣды, онъ обыкновенно говорилъ: „Невѣроятно, чтобы сѣмя, повергаемое въ такомъ множествѣ, не принесло мнѣ плода. Если не всѣ послушаютъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые, или хотя даже одинъ, и того доста-

точно для моего утѣшенія". Вообще для нравственнаго воспитанія и исправленія своей паствы Златоустъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ, ни здоровья, и самая жизнь, по его собственнымъ словамъ, имѣла для него цѣну только потому, что была полезна для нравственнаго усовершенствованія его согражданъ.

Познакомимся теперь съ бытомъ и взглядами антіохійскихъ современниковъ Златоуства, то есть съ тѣмъ состояніемъ ихъ, которое вызвало Златоуста на противодѣйствіе; укажемъ всѣ, особенно выдающіеся, недостатки, пороки и заблужденія антіохійскаго общества; опишемъ порознь каждый порокъ тѣми чертами, какія находятся въ твореніяхъ Златоуста, и посмотримъ, какія мѣры употреблялъ онъ для того, чтобы уничтожить въ паствѣ ту или другую страсть, то или другое заблужденіе, и замѣнить чистой христіанской добродѣтелью.

Въ ряду пороковъ и заблужденій, распространенныхъ въ обществѣ антіохійскихъ христіанъ второй половины IV в., если не болѣе всего, то прежде и неизбѣжнѣе всего, Златоустъ долженъ былъ встрѣтить приверженность къ старымъ, частію языческимъ, частію іудейскимъ религіознымъ вѣрованіямъ и суевѣрнымъ обычаямъ, въ особенности приверженность къ религіознымъ языческимъ праздникамъ, повѣрьямъ, примѣтамъ, предзнаменованіямъ и тому подобнымъ остаткамъ старины. Всѣ эти принадлежности іудейско-языческой древности еще во всей силѣ господствовали между тогдашними христіанами Антіохіи вслѣдствіе разныхъ причинъ. Самою главною изъ нихъ была, безъ сомнѣнія, та, что со времени пріобрѣтенія христіанской религіей правъ гражданства, утвержденныхъ извѣстнымъ указомъ Константина Великаго, до вступленія Златоуста на поприще пастырской дѣятельности протекло всего нѣсколько десятковъ лѣтъ—срокъ слишкомъ недостаточный для того, чтобы истинный духъ христіанства, какъ слѣдуетъ, могъ проникнуть въ сознаніе и жизнь большей части новопросвѣщенныхъ христіанъ. Тѣмъ бобѣе этого не могло быть, что какъ только христіанство объявлено было господствующей религіей и на сторонѣ

его стали сами императоры, язычники и даже іудеи массами стали принимать христіанство, но только немногіе изъ нихъ по искреннему убѣжденію, большая-же часть по разнымъ практическимъ разсчетамъ и соображеніямъ. Иные становились христіанами потому, что боялись попасть въ немилость у правительства и потерять занимаемую должность, другіе изъ желанія обратить на себя вниманіе высшихъ лицъ и добиться повышенія въ службѣ, иные изъ боязни прослыть людьми отсталыми за исповѣданіе той религіи, которую уже давно стали называть „вѣрой грубыхъ поселянъ", а иные просто изъ любопытства, или же по примѣру другихъ. Само собою разумѣется, что подобные христіане только украшались и прикрывались именами христіанъ, а мыслили и жили по прежнимъ своимъ обычаямъ и уставамъ, языческимъ или іудейскимъ, смотря по тому, къ какому вѣроисповѣданію принадлежали до принятія новой вѣры, къ язычеству или іудейству; въ христіанствѣ-же довольствовались соблюденіемъ одной внѣшности, но и ту многіе въ душѣ искренно презирали и только изъ страха и разсчета не смѣли явно обнаружить своего презрѣнія. Вслѣдствіе всего этого требовалось не малое время для того, чтобы заставить однихъ перемѣнить взглядъ на новую вѣру, а другихъ разстаться съ прежнимъ привычнымъ образомъ жизни. Далѣе, для того, чтобы надлежащимъ образомъ перевоспитать общество и замѣнить прежнія его вѣрованія и старинные обычаи новыми христіанскими, нужна была усиленная проповѣдническая дѣятельность именно въ этомъ направленіи, а этой-то дѣятельности и недоставало между тогдашними проповѣдниками, благодаря тому, что почти всѣ они заняты были болѣе догматическими спорами, чѣмъ нуждами современной общественной жизни. При томъ, христіанству тѣмъ труднѣе было побѣждать и вытѣснять изъ среды новыхъ своихъ прозелитовъ укоренившуюся языческую и іудейскую старину, что та и другая имѣла живыхъ представителей въ лицѣ язычниковъ и іудеевъ, составлявшихъ вмѣстѣ болѣе половины всего антіохійскаго населенія и своимъ живымъ примѣромъ заразительно

дѣйствовавшихъ на христіанъ и не только недававшихъ имъ забыть своего недавняго и, можно сказать, излюбленнаго прошлаго, но и всячески старавшихся поддержать въ христіанахъ память объ оставленной старинѣ. Ко всему этому нужно наконецъ прибавить, что всего за нѣсколько лѣтъ до пресвитерства Златоуста, въ лицѣ Юліана явился коронованный защитникъ и возстановитель язычества, давшій многимъ изъ притворныхъ христіанъ поводъ думать и надѣяться, что языческая религія со временемъ снова возобладаетъ надъ христіанствомъ, тѣмъ болѣе, что язычество того времени, благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ ученыхъ своихъ приверженцевъ, начало повидимому періодъ своего обновленія, хотя, какъ оказалось на дѣлѣ, обновленіе это было послѣднимъ усиленнымъ вздохомъ отжившей свои счастливые дни религіи, вздохомъ, похожимъ на послѣдній глубокій вздохъ умирающаго. По всѣмъ указаннымъ, но не вполнѣ еще исчисленнымъ, причинамъ, въ обществѣ христіанъ второй половины IV в., въ частности въ обществѣ христіанъ антіохійской церкви, рѣдко можно было встрѣтить людей съ истинно христіанскимъ образомъ мыслей и, какъ увидимъ ниже, еще рѣже того—съ истинно-христіанскимъ образомъ жизни. Можно сказать, что IV вѣкъ христіанства—вѣкъ золотой по торжеству православія и развитію христіанскаго просвѣщенія,—знаменитъ былъ дѣятельностію св. отцевъ церкви, но далеко не могъ быть названъ золотымъ вѣкомъ христіанства по нравственной жизни громаднаго большинства христіанъ. Одни изъ нихъ, считаясь христіанами, по-прежнему продолжали принимать участіе въ языческихъ религіозныхъ торжествахъ, присутствовали при совершеніи обрядовъ языческаго культа, раздѣляли вмѣстѣ съ язычниками увеселенія, сопровождавшія отправленіе того или другого языческаго праздника, и вообще во многомъ увлекались еще языческой стариной. Другіе тоже самое дѣлали по отношенію къ іудейской религіи.

Проповѣди Златоуста къ антіохійскому народу служатъ самымъ яснымъ и нагляднымъ свидѣтельствомъ того,

насколько еще сильна была привязанность христіанъ его времени къ языческо-іудейской старинѣ. Такъ, многіе изъ современныхъ Златоусту христіанъ языческаго происхожденія не только питали уваженіе къ существовавшимъ еще языческимъ храмамъ, но не могли отказать въ уваженіи даже къ сожженному давно храму Аполлона, находившемуся въ антіохійскомъ предмѣстіи Дафнѣ, къ храму, отъ котораго остались однѣ голыя стѣны и обгорѣлыя колонны и въ которомъ не было уже ни знаменитаго прорицалища, ни идола. Сюда въ обычное время, вмѣстѣ съ язычниками, по старой, но все еще свѣжей, памяти собирались и многіе изъ христіанъ для того, чтобы въ честь сожженнаго кумира предаться плотскимъ удовольствіямъ въ окружавшей тогда храмъ раскошной кипарисовой рощѣ. Правда, присутствіе въ Дафнѣ храма мученика Вавилы и воспоминаніе о чудесномъ сожженіи капища заставляли многихъ держать себя приличнѣе, но уже то обстоятельство, что христіане, какъ свидѣтельствуетъ Златоустъ, всетаки собирались къ капищу, ясно показываетъ, что симпатіи ихъ все еще возвращались къ прежней религіи.

Неопровержимое подтвержденіе этому можно видѣть и въ извѣстной проповѣди Златоуста на новый годъ. Изъ многихъ подробностей встрѣчи и празднованія новаго года, взятыхъ прямо изъ язычества, укажемъ прежде всего на упоминаемый Златоустомъ обычай христіанъ убирать вѣнками и гирляндами изъ цвѣтовъ двери своихъ домовъ. Извѣстно, что первый мѣсяцъ года, январь, и особенно первое число этого мѣсяца, или календы, римскіе язычники, а потомъ и всѣ языческіе подданные римлянъ, каковыми были и антіохійцы,—посвящали Янусу, божеству, стоявшему, по вѣрованіямъ язычества, при дверяхъ неба и отправлявшему должность небеснаго привратника, или, по буквальному значенію латинскаго слова, janua,—дверь, —„придверника“. Въ честь этого именно Януса язычники и увѣнчивали двери домовъ, думая тѣмъ умилостивить небеснаго привратника на тотъ случай, если онъ вздумаетъ воспрепятствовать ихъ мольбамъ возноситься въ

небесное жилище боговъ. Такимъ образомъ обычай вѣшать въ день новаго года вѣнки на двери—обычай чисто языческій, и если антіохійскіе христіане временъ Златоуста въ январскіе календы увѣнчивали двери своихъ домовъ, то это обстоятельство ясно показываетъ, что они все еще питали расположеніе къ языческому культу и наравнѣ съ язычниками раздѣляли ихъ религіозныя заблужденія. Нельзя думать, чтобы разсматриваемый поступокъ антіохійскихъ христіанъ былъ простымъ, утратившимъ свой настоящій смыслъ, обыкновеніемъ, въ родѣ, напримѣръ, многихъ оставшихся отъ временъ язычества, обыкновеній въ нашемъ народѣ,—нельзя потому, что большая часть антіохійскихъ христіанъ едва только была обращена въ христіанство и, слѣдовательно,. хорошо могла помнить, что вѣшаніе вѣнковъ на двери есть ни что иное, какъ жертва извѣстному языческому божеству.—Кромѣ вѣшанія вѣнковъ и гирляндъ на двери, и другія подробности празднованія новаго года, какъ эти подробности изображаетъ Златоустъ, имѣли у антіохійскихъ христіанъ чисто языческій характеръ. Такъ, язычники, какъ извѣстно, первый день новаго года старались провести какъ можно веселѣе и торжественнѣе, въ той увѣренности, что Янусъ, расположенный въ ихъ пользу совершающимся въ честь него торжествомъ, будетъ въ продолженіи цѣлаго года отворять двери неба для ниспосланія имъ всевозможныхъ благъ и милостей отъ боговъ, изъ коихъ ни одинъ, не исключая даже и верховнаго Юпитера, ни самъ не можетъ сойти съ неба на землю, ни ниспослать отъ себя какое-либо благодѣяніе людямъ безъ вѣдома небеснаго привратника. „Ipse Jupiter it et rediit meo officio“, говорилъ однажды самъ Янусъ поэту Овидію о своихъ преимуществахъ. По примѣру язычниковъ и вмѣстѣ съ ними, и христіане, мужчины и женщины, предавались, по описанію Златоуста, въ этотъ день полному разгулу въ домахъ, на городской площади и еще болѣе по гостинницамъ, гдѣ всю ночь до разсвѣта происходили самыя неумѣренныя попойки, со всѣми ихъ гнусными и отвратительными слѣдствіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ день новаго года христіане

устрояли разнаго рода игры и производили гаданія о будущемъ счастіи, какъ все это дѣлали язычники. Недаромъ все торжество на новый годъ Златоустъ называетъ „дьявольскимъ бдѣніемъ, сатанинской пляской, бѣсовскимъ гуляніемъ"—и тому подобными рѣзкими словами: на языкѣ Златоуста, эти эпитеты—дьявольскій, бѣсовскій, сатанинскій и т. под. означаютъ тоже, что языческій, такъ какъ все языческое онъ, по примѣру другихъ отцовъ, считалъ ни чѣмъ инымъ, какъ именно служеніемъ сатанѣ и бѣсамъ. Двухъ приведенныхъ примѣровъ, т. е. участія христіанъ въ празднествѣ въ честь Аполлона и празднованія ими январскихъ календъ, достаточно для того, чтобы видѣть, какъ мало антіохійскіе христіане изъ язычниковъ во второй половинѣ IV в. освободились еще отъ вліянія прежняго своего культа.

Тоже самое проповѣди Златоуста свидѣтельствуютъ и относительно христіанъ іудейскаго происхожденія. И эти послѣдніе все еще не могли забыть своихъ старыхъ религіозныхъ вѣрованій и обыкновеній: ходили въ синагоги іудеевъ, принимали участіе въ іудейскихъ праздникахъ и постахъ и соблюдали многіе другіе іудейскіе обычаи, презирая въ тоже время праздники, посты и обычаи христіанскіе, и рѣдко заглядывая въ христіанскіе храмы. Насколько простиралось уваженіе христіанъ къ іудейскимъ синагогамъ въ ущербъ уваженію къ христіанскимъ храмамъ, показываетъ одинъ случай, видѣнный самимъ Златоустомъ, вѣроятно во время его судебной практики, и разсказанный имъ въ словѣ противъ іудеевъ. По словамъ Златоуста, у одной почтенной женщины-христіанки завязалось какое-то спорное дѣло съ мужчиной, тоже христіаниномъ, которое трудно было рѣшить обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ посредствомъ безпристрастнаго разбирательства, и приходилось обратиться къ религіозной клятвѣ. Вмѣсто того, чтобы взаимно поклясться въ христіанскомъ храмѣ, христіанинъ сталъ принуждать противную сторону поклясться непремѣнно въ еврейской синагогѣ,—знакъ, что по взгляду его послѣдняя была лучше и священнѣе, нежели храмъ христіанскій.—Въ

томъ-же самомъ словѣ противъ іудеевъ Златоустъ говоритъ о предпочтеніи праздниковъ и постовъ еврейскихъ праздникамъ и постамъ христіанскимъ. По его свидѣтельству въ одинъ годъ нѣкоторые изъ христіанъ во время праздника христіанской Пасхи соблюдали строгій постъ и ходили во власяницѣ, потому что въ это время еще не кончился постъ іудейскій, и только тогда сняли съ себя вретище, когда наступилъ праздникъ пасхи у евреевъ. Такимъ образомъ изъ проповѣдей Златоуста видно, что общество антіохійскихъ христіанъ его времени далеко еще не было настоящимъ христіанскимъ обществомъ, такъ какъ въ убѣжденіяхъ тогдашнихъ христіанъ господствовала какая-то смѣсь іудейскихъ, языческихъ и христіанскихъ вѣрованій.

Но примѣсь іудейскихъ и языческихъ религіозныхъ вѣрованій къ вѣрованіямъ христіанскимъ была еще не единственнымъ наслѣдіемъ, доставшимся антіохійскимъ христіанамъ отъ язычества и іудейства. Къ вѣрованіямъ и обычаямъ чисто религіознымъ присоединялось множество и другихъ остатковъ іудейства и язычества, относившихся не столько къ религіи, сколько къ обычаямъ бытовой жизни, хотя, впрочемъ имѣвшихъ не малую связь и съ самой рэлигіей, особенно съ языческой. Мы разумѣемъ здѣсь съ одной стороны существованіе у антіохійскихъ христіанъ множества повѣрій, примѣтъ и предзнаменованій, заимствованныхъ у язычниковъ, а съ другой—страсть къ ворожбѣ, которою хотя занимались и язычники, но которая между антіохійскими христіанами, какъ видно изъ проповѣдей Златоуста, поддерживалась болѣе іудеями.

Обратимся сначала къ разсмотрѣнію повѣрій, примѣтъ и предзнаменованій, въ которыхъ Златоустъ обличалъ своихъ согражданъ. Въ одной изъ проповѣдей Златоустъ говоритъ, что суевѣрные современники его всякій день, какъ выходили изъ дому, замѣчали, съ кѣмъ первый разъ встрѣтятся—съ здоровымъ или больнымъ человѣкомъ, съ богачемъ или бѣднымъ, съ цѣломудренной дѣвицей или блудницей и тому подобное, и по этой встрѣчѣ опредѣляли, добрый или худой будетъ наступающій день.

Встрѣча съ кривымъ или хромымъ и вообще съ больнымъ человѣкомъ считалась дурнымъ предзнаменованіемъ, равно какъ съ дѣвицей хорошаго поведенія считалась признакомъ безполезности дня; напротивъ встрѣча съ блудницей или здоровымъ человѣкомъ, особенно съ богачемъ, считалась, по примѣтѣ суевѣровъ, предзнаменованіемъ счастливаго дня. Такимъ образомъ здѣсь заразъ встрѣчаемся мы и съ вѣрой въ счастливые и несчастливые дни и встрѣчи, и вмѣстѣ съ обычаемъ примѣчать по разнымъ признакамъ или предзнаменованіямъ, т. е. со всѣми тремя указанными видами суевѣрій.—Кромѣ того у Златоуста находимъ еще свидѣтельство о томъ, что современники его вѣрили въ дурной глазъ и употребляли противъ него разныя предохранительныя средства, какія считали въ томъ или другомъ случаѣ дѣйствительными. Такъ, напримѣръ, чтобы предохранить отъ дурного глаза новорожденнаго младенца, бабки, няньки или кормилицы, вообще кто только присутствовалъ по той или другой обязанности при рожденіи дитяти, брали съ полу въ банѣ, гдѣ происходилъ актъ рожденія, нѣсколько грязи и мазали ей чело младенца, выводя на немъ какіе-то символическіе знаки. Нѣкоторые для той-же цѣли, т. е. для предохраненія отъ дурного глаза, обвязывали новорожденному голову пурпуровой повязкой, привѣшивали къ шеѣ его медальоны и небольшіе колокольчики, а къ ногамъ привязывали мѣдныя монеты съ изображеніемъ Александра Македонскаго. Вообще съ самаго рожденія и колыбели младенецъ окружался цѣлой массой всевозможныхъ суевѣрій. Даже названіе дитяти тѣмъ или другимъ именемъ давалось на основаніи суевѣрныхъ примѣтъ и предзнаменованій. Приписывая имени какое-то магическое вліяніе на оргзанизмъ человѣка, суевѣрные современники Златоуста, прежде чѣмъ такъ или иначе назвать младенца, зажигали множество свѣчъ и каждой изъ нихъ давали особое наименованіе, чтобы потомъ назвать младенца именемъ той свѣчи, которая дальше всѣхъ прогоритъ, что было, по ихъ мнѣнію, предзнаменованіемъ долголѣтней жизни.—И затѣмъ во время всей своей жизни антіохіецъ придер-

живался примѣтъ и такимъ образомъ опутывалъ себя и другихъ суевѣріями на каждомъ шагу. Особенно въ важныхъ случаяхъ своей и чужой жизни онъ „примѣшивалъ суевѣрія ко всѣмъ тѣмъ обстоятельствамъ, гдѣ на первомъ планѣ должно было стоять благословеніе церкви и обряды религіозные“. Заключеніе браковъ, проводы умершихъ и т. под. важныя событія человѣческой жизни,—все сопровождалось у современниковъ Златоуста наблюденіемъ тѣхъ или другихъ суевѣрныхъ примѣтъ.

Такъ-же сильно, если еще не болѣе, распространена была между антіохійскими христіанами и страсть къ ворожбѣ. „Антіохія, по свидѣтельству Тацита, „всегда была сборищемъ ворожей, гадателей, маговъ, дивотворцевъ и колдуновъ“. Географическое положеніе Антіохіи, по сосѣдству съ Персіей—родиной маговъ, было, кажется, главной причиной развитія волшебства въ такомъ городѣ, въ который постоянно стекались люди всевозможныхъ странъ, званій и занятій, въ городѣ при томъ въ высшей степени суевѣрномъ и, слѣдов., представлявшемъ самую удобную и благодарную почву для всякаго, кто бы и какія сѣмена суевѣрія не задумалъ здѣсь посѣять, чтобы только получить хорошую награду за свой трудъ. Во дни Златоуста, по словамъ Созомена, даже люди, украшавшіе себя философской мантіей, то есть философы, за недостаткомъ учениковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и за недостаткомъ въ средствахъ содержанія, промышляли въ Антіохіи ворожбой и гаданіями, такъ что разъ нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе неосторожнаго предсказанія преемника Валенту, подвергли себя и другихъ своихъ собратій по одеждѣ и ремеслу, ужасному преслѣдованію, жертвой котораго едва было не сдѣлался и Златоустъ, въ руки котораго нечаянно попала книга, носившая названіе магіи. Но гораздо болѣе, чѣмъ языческіе философы, постарались усвоить себя тайны волшебнаго искусства іудеи. Магія, каббалистика, астрологія, теургія и другія запрещенныя науки изучались іудеями самымъ тщательнымъ образомъ, потому что пріобрѣтали имъ славу знатоковъ сокровенныхъ тайнъ и силъ природы и чрезъ это привлекали къ нимъ вниманіе

и щедрость довѣрчивыхъ суевѣровъ, постигнутыхъ тѣмъ или другимъ несчастіемъ или хотѣвшихъ узнать свою будущую судьбу. Особенно приписывали себѣ іудеи знаніе тайнъ врачебнаго искусства, какъ самаго выгоднаго, и промышляли этимъ знаніемъ не только мужчины, но и женщины, которыя, вѣроятно, самыми науками о волшебствѣ вовсе и не занимались, а только усвояли себѣ отъ мужей внѣшніе пріемы чародѣйства. По словамъ Златоуста, еврейки, своими волшебными чарами, магическими заклинаніями и заговорами, такъ дѣйствовали на суевѣрные умы антіохійскихъ христіанъ и особенно христіанокъ, что можно было признать нравственнымъ подвигомъ поступокъ той женщины, которая, въ виду опасной болѣзни своего сына, не обращалась бы къ помощи заговоровъ „этихъ болтливыхъ старухъ“. Даже по переходѣ въ христіанство хитрыя обманщицы не оставляли искусства волхвованія и, по свидѣтельству Златоуста, самое имя Христа вносили въ рядъ своихъ заклинательныхъ словъ, чтобы такимъ образомъ показать видъ, будто онѣ дѣйствуютъ именемъ Божіимъ и что, слѣдовательно въ ихъ ворожбѣ нѣтъ ничего предосудительнаго. Нерѣдко еврейки за тѣмъ и принимали христіанство, чтобы удобнѣе завлечь въ свои сѣти христіанъ, и на столько успѣвали въ этомъ, что многіе изъ антіохійскихъ пасомыхъ предъ самимъ Златоустомъ извиняли свое обращеніе къ заговорамъ тѣмъ, что имъ ворожили христіанки и употребляли при этомъ имя Божіе. Мало того, нѣкоторые изъ евреевъ и евреекъ, недовольствуясь этимъ обманомъ, употребляли для врачеванія христіанъ такіе пріемы и средства, которые прямо разсчитаны были на то, чтобы возбудить въ христіанахъ уваженіе къ синагогѣ и вообще къ обрядамъ и вѣрованіямъ іудейскимъ. Въ одномъ изъ своихъ словъ противъ іудеевъ Златоустъ говоритъ, что знахари іудейскіе, промышлявшіе врачествомъ болѣзней, внушали обращавшимся къ нимъ за леченіемъ христіанамъ, что еврейская синагога, находящаяся въ Дафнѣ, состоитъ подъ особымъ покровительствомъ высшихъ силъ и что больному только стоитъ отправиться къ этой синагогѣ и провести въ ея

предверіи только одну ночь, чтобы узнать въ сонномъ откровеніи средство къ уврачеванію болѣзни. Само собою понятно, что больной, поддавшійся такому обману, изъ преддверія синагоги легко могъ попасть и въ самую синагогу, особенно если волшебная продѣлка надъ нимъ такъ или иначе удалась, къ чему конечно хитрые обманщики прилагали всѣ старанія, а затѣмъ, не только самъ получившій откровеніе, но и всѣ, кто только могъ знать и слышать о немъ, дѣлались явными или тайными почитателями этой и другихъ синагогъ. Точно также и языческіе знахари и ворожеи нерѣдко пользовались своимъ искусствомъ для того, чтобы привлечь сочувствіе христіанъ къ языческой религіи. Такъ, когда замѣчено было, что многіе изъ христіанъ стали оставлять языческія сборища въ честь дафнійскаго Аполлона, то ворожеи и знахари изъ язычниковъ хотѣли другимъ путемъ заставить христіанъ ходить къ развалинамъ Аполлонова капища. Совершивши ту или другую ворожбу надъ христіаниномъ, они въ заключеніе непремѣнно совѣтовали ему сходить напиться воды изъ озера, находящагося около развалинъ упомянутаго храма, внушая при этомъ, что ворожба или заговоръ подѣйствуютъ только при исполненіи послѣдняго условія и что иначе испортится все дѣло. Такимъ образомъ и своя собственная память о прежней старинѣ со всѣми ея суевѣрными обычаями, и усилія со стороны язычниковъ и іудеевъ, не прямымъ, такъ окольнымъ путемъ старавшихся дѣйствовать въ интересахъ своихъ религій—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало положеніе антіохійскихъ христіанъ самымъ безвыходнымъ и само собою вызывало Златоуста на открытую и рѣшительную борьбу.

Первымъ дѣломъ его въ этомъ отношеніи было опроверженіе языческихъ и іудейскихъ заблужденій, для чего проповѣдникъ собралъ всѣ болѣе или менѣе сильные доводы, приводившіеся прежними защитниками христіанства противъ язычниковъ и іудеевъ, и, изложивъ эти доводы сильнымъ, понятнымъ и общедоступнымъ языкомъ, произнесъ съ церковной каѳедры. Новаго въ этомъ случаѣ онъ хотя ничего не сказалъ, но за то мысли и доказательства,

доступныя прежде только не многимъ, сдѣлалъ достояніемъ всѣхъ антіохійскихъ христіанъ и такимъ образомъ далъ обществу возможность самому увидѣть съ одной стороны всю нелѣпость и всѣ смѣшныя стороны язычества съ его безнравственными обрядами, съ другой—совершенную неумѣстность іудейства при существованіи христіанства, упразднившаго собою и законъ синагоги.

Но, если Златоустъ не былъ самостоятельнымъ въ опроверженіи языческихъ и іудейскихъ заблужденій и взялъ доводы у другихъ пастырей и апологетовъ, то въ мѣрахъ противъ суевѣрій и ворожбы пришлось ему быть вполнѣ самостоятельнымъ уже потому, что не у кого было заимствоваться. Вопросъ о суевѣріяхъ и ворожбѣ не особенно интересовалъ предшествовавшихъ Златоусту пастырей восточной церкви, и вся дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи, за исключеніемъ развѣ одного Кирилла Іерусалимскаго, ограничивалась одними простыми запрещеніями. Златоустъ первый отнесся къ этому вопросу съ надлежащимъ вниманіемъ. „Онъ видѣлъ“, говоритъ Неандеръ, „что въ большинствѣ случаевъ распространеніемъ примѣтъ и употребленіемъ разныхъ предохранительныхъ средствъ руководитъ не одна привычка и слѣпое подражаніе уже установившемуся обычаю, но гораздо болѣе этого—антихристіанскія понятія о судьбѣ, языческая вѣра въ фатализмъ и въ неопредолимую силу демоническаго вліянія“. Эта вѣра вызвала со стороны Златоуста его знаменитое ученіе о свободѣ воли въ связи съ ученіемъ о Божественномъ провидѣніи, которое Златоустъ и противопоставилъ всѣмъ вообще суевѣріямъ. Кромѣ этой общей мѣры, Златоустъ разсматривалъ и опровергалъ и каждое изъ суевѣрій въ отдѣльности, показывая, какъ то или другое изъ нихъ несовмѣстимо съ понятіями христіанства, или-же какъ то или другое вредно въ житейскомъ отношеніи христіанъ. На послѣднее обстоятельство, т. е. на вредъ отъ суевѣрій для жизни и дѣятельности христіанъ, Златоустъ всегда обращалъ особенное вниманіе, потому что суевѣрія были дѣйствительно огромной помѣхой въ дѣйствіяхъ и величайшимъ зломъ въ житейскомъ

быту христіанъ. Вотъ что, напр., говоритъ проповѣдникъ о наблюденіи счастливыхъ и несчастливыхъ дней: „Кто убѣжденъ, что день бываетъ худъ или хорошъ, тотъ ни въ худой день не будетъ заниматься дѣломъ, думая что все тогда дѣлалъ-бы онъ напрасно и ни отъ чего не получилъ бы пользы по необходимому свойству дня, ни въ хорошій день опять не станетъ заниматься, думая, что собственное его нерадѣніе нисколько не повредитъ ему, по счастливому свойству дня; и такимъ образомъ считая труды свои то безполезными, то излишними, будетъ жить постоянно въ бездѣйствіи“. Также точно отзывался Златоустъ и о вѣрѣ въ счастливыя и несчастливыя встрѣчи, прибавляя при этомъ, что вѣра во встрѣчи служитъ еще бо́льшимъ зломъ въ жизни и отношеніяхъ христіанъ между собою, такъ какъ часто бываетъ причиной совершенно напрасныхъ неудовольствій между ближними, заставляя ихъ враждебно смотрѣть другъ на друга изъ-за того только, что по примѣтѣ, они не во время встрѣтились.—Иногда Златоустъ дѣйствовалъ противъ суевѣрій тѣмъ, что показывалъ настоящую причину ихъ происхожденія — именно указывалъ на различныя скрытыя побужденія, которыми руководились суевѣры, считая ту или другую примѣту доброй или худой. Напримѣръ то обстоятельство, что люди держащіеся суевѣрій признавали худымъ предзнаменованіемъ встрѣчу съ нищимъ, онъ объяснялъ безсердечнымъ нежеланіемъ помочь бѣдному человѣку, а въ исканіи встрѣчи съ блудницей видѣлъ внутреннюю развращенность гражданъ, которые, не желая явно позорить себя прямымъ отношеніемъ къ развратнымъ женщинамъ, ищутъ по крайней мѣрѣ случая полюбоваться ими. Нерѣдко проповѣдникъ, видя ту или другую смѣшную сторону суевѣрія, намѣренно преувеличивалъ её. Такъ, напримѣръ, тѣмъ, кто вѣрилъ въ предохранительную силу грязи отъ дурнаго глаза, онъ совѣтовалъ не только чело, но и всего младенца обмазывать грязью и даже употреблять это средство по отношенію къ взрослымъ, прибавляя, что грязь тогда была-бы болѣе дѣйственна и при томъ возбуждала бы „болѣе смѣха и забавы“.—Про-

тивъ вѣры во врачебную силу колдовства и заговоровъ Златоустъ обыкновенно говорилъ, что вѣра эта свойственна только язычникамъ, у которыхъ въ случаяхъ опасной болѣзни, неизлѣчимой никакими врачебными средствами, нѣтъ другой надежды, кромѣ надежды на высшую силу демонической помощи, тогда какъ христіане въ таинствахъ елеосвященія и причащенія располагаютъ средствами, которыя могутъ врачевать всякія болѣзни. Но особенно любилъ проповѣдникъ предлагать христіанамъ, взамѣнъ заговоровъ, прибѣгать къ крестному знаменію, какъ средству самому легкому, и при томъ такому, за которымъ не нужно обращаться ни къ кому другому. У Златоуста встрѣчаются нерѣдко весьма обширныя, подробныя описанія тѣхъ великихъ дѣйствій, какія произвелъ въ мірѣ крестъ Христовъ,—описаній, сдѣланныхъ съ той именно цѣлью, чтобы поселить въ умахъ христіанъ убѣжденіе въ силѣ крестнаго знаменія и показать полное ничтожество сравнительно съ этимъ средствомъ „нашептываній и бабьихъ басенъ", какъ называлъ обыкновенно Златоустъ заговоры. Какъ извѣстно, предлагая замѣнить заговоры крестнымъ знаменіемъ, проповѣдникъ встрѣтилъ себѣ возраженіе, что и знахари весьма многіе употребляютъ то-же самое средство при своихъ нашептываніяхъ. Но Златоустъ съ полной силой опровергъ это возраженіе, доказавъ, что знахари въ этомъ случаѣ хотятъ совмѣстить несовмѣстимое—силу Божію съ силой діавола, и совѣтывалъ бѣжать отъ такихъ знахарей даже болѣе, чѣмъ отъ тѣхъ, которые просто дѣйствуютъ одной демонической силой, потому что послѣдніе вредятъ только самимъ христіанамъ, между тѣмъ какъ тѣ, которые прикрываются именемъ Божіимъ или силою крестнаго знаменія, употребляютъ во зло самую святыню христіанъ, „дѣйствуя въ этомъ случаѣ по тайному внушенію дьявола, который, видя, что христіане оставили языческія капища, другимъ путемъ—повязками и бабьими баснями захотѣлъ заставить христіанъ совершать языческія дѣла".

Другимъ, послѣ суевѣрій, зломъ, вызывавшимъ Златоуста еще на болѣе сильное противодѣйствіе себѣ, была

страсть антіохійскихъ гражданъ къ театральнымъ зрѣлищамъ и къ конскимъ ристалищамъ.

Скажемъ сначала о зрѣлищахъ перваго рода. При Златоустѣ театральныя зрѣлища были далеко уже не тѣмъ, чѣмъ они были въ прежнее время. Будучи первоначально установлены въ честь Діониса или Вакха—бога вина и веселья, и Аѳродиты—богини плотскихъ наслажденій, они, какъ извѣстно, долгое затѣмъ время находились въ самой тѣсной связи съ поклоненіемъ этимъ двумъ божествамъ и составляли такимъ образомъ часть самой языческой религіи, такъ что нерѣдко и представлялись даже въ храмахъ упомянутыхъ божествъ или по крайней мѣрѣ послѣ совершенія Діонису и Аѳродитѣ разнаго рода куреній и жертвоприношеній. Въ первые три вѣка христіанства, какъ видно изъ сочиненій Тертулліана, Кипріана, Татіана и др., сценическія представленія все еще находились въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ религіознымъ вѣрованіямъ и представленіямъ языческаго міра, и связь театра съ древнимъ культомъ почти нисколько не ослабѣвала. Вслѣдствіе этого проповѣдники и защитники христіанства первыхъ трехъ вѣковъ смотрѣли на театръ главнымъ образомъ съ религіозной точки зрѣнія, то есть преимущественно вооружались противъ него, какъ такого учрежденія, посредствомъ котораго поддерживалась вѣра въ языческихъ боговъ, и задерживались успѣхи христіанства.

Но съ того времени, какъ во главѣ имперіи стали лица, принявшія христіанство и потому переставшіе видѣть въ языческой религіи опору государству, связь театра съ древнимъ культомъ быстро порывается и, театральныя зрѣлища перестаютъ быть вредными для христіанства въ религіозномъ отношеніи. Къ несчастію, съ этого же времени, подъ вліяніемъ господствовавшей тогда въ грекоримскомъ мірѣ страсти къ чувственныхъ удовольствіямъ, общество начинаетъ требовать, чтобы театральное искусство было для него средствомъ для чувственнаго наслажденія. И вотъ, театръ, взамѣнъ прежняго религіознаго вреда христіанству, начинаетъ вредить ему въ нравственномъ отношеніи. Первоначальный театръ, какъ извѣстно, много

менѣе приносилъ вреда въ нравственномъ отношеніи благодаря тому, что рѣдко допускалъ къ игрѣ на сценѣ женщинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и драматическія представленія прежней сцены отличались болѣе серьезнымъ характеромъ. Такъ, кромѣ чисто-миѳологическихъ представленій, въ прежнемъ театрѣ, предъ глазами зрителей по большей части воспроизводились или первобытныя преданія родины съ болѣе или менѣе правдоподобными происшествіями изъ жизни древнихъ ея героевъ и властелиновъ, или замѣчательныя историческія событія съ тѣми или другими выдающимися политическими и общественными дѣятелями и т. под. Понятно, что при такихъ условіяхъ театръ могъ приносить прямую пользу для общества, если не въ нравственномъ, то по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что знакомилъ зрителей съ исторіей своего отечества и возбуждалъ въ нихъ патріотическія чувства. Но еще до пастырства Златоуста характеръ театральныхъ зрѣлищъ существенно измѣняется; на сценѣ въ качествѣ актрисъ и танцовщицъ появляется множество женщинъ и „серьезная драма вытѣсняется сладострастными сценами и соблазнительными пантоминами“, а еще болѣе того— сладострастными танцами. При Златоустѣ-же, театръ сдѣлался въ полномъ смыслѣ „школой разврата“ и такимъ мѣстомъ, гдѣ втаптывалось въ грязь все дорогое и священное для порядочнаго человѣка: религія, добродѣтель, семейныя узы—все это подвергалось посмѣянію и поруганію на сценѣ, а объ общественномъ долгѣ не было и помина. Въ разыгрывавшихся на сценѣ драматическихъ произведеніяхъ этого времени не только не было ничего эстетическаго или сколько нибудь поучительнаго, но, какъ свидѣтельствуетъ Златоустъ, „говорилось только о прелюбодѣяніи“, а иногда дѣло доходило до того, что глазамъ зрителей представлялись отвратительныя сцены изъ жизни публичныхъ домовъ, со всей подробностью ихъ обстановки. Не лучше драматическихъ представленій были въ то время и такія „зрѣлища безстыдства“, какъ танцы и пантомины, изъ которыхъ изгнано было все художественное и прекрасное и замѣнено „нескромностью,

отсутствіемъ цѣломудрія и всякаго приличія“ не только въ движеніяхъ, мимикѣ и положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, но и въ костюмировкѣ. Златоустъ свидѣтельствуетъ, что на сценѣ нерѣдко являлись женщины почти совсѣмъ обнаженныя. Что касается лицъ, исполнявшихъ обязанности актеровъ, актрисъ, танцоровъ, танцовщихъ и т. под., то уже изъ того, что въ ихъ мнѣніи не было предосудительнымъ являться на сценѣ почти въ совершенно непокрытой наготѣ, исполнять самыя постыдныя и отвратительныя роли и безъ краски стыда въ лицѣ допускать самыя возмутителвныя движенія,—уже изъ этого само собою очевидно, что всѣ они были люди самой низкой нравственности, „люди потерянные“, какъ выражался о нихъ Златоустъ. Такимъ образомъ характеръ театральныхъ зрѣлищъ—повторяемъ—ко времени Златоуста существенно измѣнился: почти безвредный въ религіозномъ отношеніи, театръ теперь сталъ крайне вреденъ по своему деморализующему вліянію на общество. Этимъ измѣненіемъ характера театральныхъ зрѣлищъ и объясняется то обстоятельство, что Златоустъ смотритъ на театръ уже не съ религіозной, какъ прежніе моралисты, а съ чисто нравственной точки зрѣнія, именно видитъ въ зрѣлищахъ главный и существенный источникъ нравственной порчи общества. При разсмотрѣніи тѣхъ мѣстъ твореній Златоуста (антіохійскаго періода), которыя направлены противъ театральныхъ зрѣлищъ, оказывается, что эти зрѣлища приносили нравственный вредъ обществу главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны они вредны были сами по себѣ непосредственно, то есть тѣмъ, что безнравственностью своихъ представленій развращали гражданъ, а вмѣстѣ съ ними и ихъ семейную и общественную жизнь, въ особенности-же молодую и еще неиспорченную жизнь юношей; съ другой стороны, по мнѣнію Златоуста, зрѣлища причиняли обществу громадное зло тѣмъ, что отвлекали гражданъ отъ училища и источника чистой нравственности, то есть отъ храма.

Въ развращающемъ дѣйствіи театральныхъ зрѣлищъ Златоустъ, лично знакомый съ ними, до такой степени былъ убѣжденъ, что никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы кто нибудь, разъ побывавши въ театрѣ, остался свободенъ отъ грѣха. „Развѣ тѣло твоё камень? Развѣ оно желѣзо?“ говорилъ онъ обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда заходила рѣчь о вредѣ театральныхъ представленій для посѣтителей, показывая подобными вопросами, что никакой зритель по самой своей природѣ не огражденъ отъ дурного вліянія зрѣлищъ, потому что природа его не каменная и не желѣзная, а обыкновенная человѣческая природа, которая не можетъ не быть воспріимчивой ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ, особенно такимъ заразительнымъ, какъ театральныя. Въ доказательство этой мысли Златоустъ указывалъ обыкновенно на подвижниковъ, которые, при всей своей нравственной высотѣ и при постоянной строгой бдительности надъ своими мыслями и желаніями, нерѣдко мгновенно падали въ самую бездну разврата отъ одного только взгляда случайно встрѣтившейся „полуодѣтой женщины“. Между тѣмъ въ театръ приходитъ зритель разсѣянный, и именно затѣмъ, чтобы получить впечатлѣніе, полюбоваться и поусладиться соблазнительными сценами. Къ тому-же обстановка и все другое въ театрѣ разсчитаны и направлены именно къ тому, чтобы разстроить воображеніе праздныхъ зрителей и посредствомъ разнаго рода „приманокъ и обольщеній сдѣлать сердца ихъ легко уловимыми для соблазна“. „Тамъ“, говорилъ Златоустъ, „и безчестныя женщины, и развратныя рѣчи, и блудныя пѣсни, и любострастный голосъ, и подкрашенныя брови и нарумяненныя щеки, тамъ наряды, подобранные съ особеннымъ искусствомъ, поступь, исполненная очарованія, и многое другое“ гораздо худшее этого, такъ что Златоустъ не рѣшался даже и продолжать свое описаніе театральной обстановки, находя, что „надо быть или безстыднымъ, разсказывая обо всемъ, что тамъ находится и происходитъ, или молчать, краснѣя отъ стыда“. Подъ вліяніемъ такой чарующей обстановки, зритель, по мнѣнію Златоуста, естественно и неизбѣжно „долженъ

воспламеняться огнемъ нечистой любви, сожигающимъ не тѣло, но — что гораздо хуже — разрушающимъ благосостояніе души и при томъ совершенно незамѣтно для заражаемаго, безъ чувства боли и даже при крикахъ радости". —Особенно указывалъ Златоустъ на нравственный вредъ отъ театральныхъ представленій для молодыхъ юношей, „возрастъ которыхъ", говорилъ онъ, „способенъ какъ елей, къ воспламенѣнію, а для подвиговъ цѣломудрія весьма слабъ". Если еще въ прежнее время, когда театральныя зрѣлища имѣли болѣе серьезный характеръ, Кипріанъ могъ говорить, что „присутствуя на театральныхъ представленіяхъ одни (взрослые) повторяютъ пороки, которые имъ извѣстны изъ домашней ихъ жизни, а другіе (юноши) учатся, какъ можно быть порочными", то тѣмъ болѣе долженъ былъ опасаться за юношей Златоустъ, заставшій, какъ мы видѣли, театръ въ самомъ испорченномъ видѣ. Онъ съ большимъ, чѣмъ другіе моралисты, правомъ могъ сказать, что „юноши губили въ театрѣ свою молодость, отцы развращали дѣтей, матери бросали въ бездну разврата своихъ дочерей", и не безъ основанія называетъ дѣтоубійцами тѣхъ родителей, которые водили въ театръ своихъ дѣтей, особенно въ самомъ началѣ невиннаго ихъ возраста. На молодыхъ людей безнравственная обстановка зрѣлищъ должна была дѣйствовать самымъ сильнымъ и неотразимымъ образомъ: будучи нравственно еще не испорчены, они знакомились въ театрѣ съ порокомъ, нарочито представлявшимся здѣсь не столько въ вредоносномъ, сколько въ чарующемъ видѣ, и такимъ образомъ у нихъ являлось желаніе собственнымъ опытомъ извѣдать то, что видѣли на сценѣ. Что въ юношахъ, вслѣдствіе живости изображенія и пылкости натуры, послѣ соблазнительнаго театральнаго представленія, „должна возгорѣться непреодолимая любодѣйская страсть", это доказывалъ Златоустъ обыкновенно тѣмъ, что даже и опытный и благоразумный зритель не оставляетъ своего впечатлѣнія въ театрѣ, „но уходитъ и домой плѣненный и уязвленный" до такой степени, что и здѣсь, у роднаго очага, въ кругу жены и дѣтей, не можетъ „отдѣлаться

отъ всѣхъ блудныхъ образовъ, навѣянныхъ на него театромъ. „Какъ скоро блудница“, говоритъ Златоустъ: „представитъ зрителямъ и одежду, и взоръ, и голосъ, и поступь, и все, что можетъ возбудить любострастіе, они выходятъ изъ театра, воспламененные страстію, и возвращаются домой уже плѣнниками“.—Это послѣднее обстоятельство,—то есть что впечатлѣніе отъ зрѣлища не прекращается съ окончаніемъ представленія, но настолько глубоко западаетъ въ душу зрителя, что со всей силой продолжаетъ владѣть имъ даже и тогда, когда онъ возвратится домой,—обыкновенно служило для Златоуста поводомъ подробно распространяться еще и о томъ, какъ посѣщеніе театра неблагопріятно отражается на домашней жизни гражданъ, внося въ ихъ семейныя и хозяйственныя отношенія „тысячу золъ“. Пагубному вліянію театра Златоустъ приписывалъ большую часть непріятныхъ домашнихъ сценъ между супругами, равно какъ ихъ небрежное отношеніе къ воспитанію дѣтей и дурное управленіе домомъ и хозяйствомъ. „Не отсюда-ли“ (то есть отъ посѣщенія театра), часто спрашивалъ Златоустъ, „раззоряются домы? Не отсюда-ли потеря цѣломудрія? .Не отсюда-ли расторженія браковъ? Не отсюда-ли вражда и ссоры? Не отсюда-ли неудовольствія безъ всякихъ причинъ? Потому-что, когда ты возвращаешься домой, будучи исполненъ мыслями о ней (т. е. объ актрисѣ), то и жена твоя кажется тебѣ уже не столько хороша, и дѣти не милы, и слуги несносны, и домъ скученъ, и обыкновенныя попеченія о хозяйствѣ досадны: всякій, кто ни придетъ, для тебя скученъ и несносенъ. А причиною этому то, что приходишь домой не одинъ, но приводишь съ собой блудницу, не явно, не открыто, что было-бы лучше, потому что жена тотчасъ выгнала-бы ее; но она находится у тебя въ мысляхъ и сердцѣ, и воспламеняетъ вавилонскій, или еще сильнѣйшій, огонь внутри“.—Вредному дѣйствію театра Златоустъ приписывалъ множество безпорядковъ и нестроеній и въ общественномъ быту. Не говоря уже о томъ, что театръ нравственно портилъ составъ общества, онъ вреденъ былъ, по мнѣнію Златоуста, уже тѣмъ, что

заставлялъ затрачивать на представленія огромныя суммы изъ общественныхъ доходовъ, отвлекалъ отъ службы и исполненія обязанностей общественныхъ дѣятелей, отнималъ у рабочихъ и мастеровыхъ людей время для занятія полезными обществу ремеслами, вытягивалъ у нихъ послѣднюю трудовую копѣйку и всѣмъ этимъ какъ замедлялъ теченіе общественныхъ дѣлъ, такъ равно разстраивалъ и матеріальное благосостояніе общества".

Кромѣ того, Златоустъ возставалъ противъ театра, какъ мы сказали выше, еще и за то, что онъ отвлекалъ христіанъ отъ посѣщенія храма — этой воспитательной школы, гдѣ могли брать уроки чистой нравственности не только взрослые, но, что особенно было важно для Златоуста, и малые. Златоустъ, какъ мы прежде говорили, хотѣлъ произвести коренную перемѣну въ нравственной жизни всего общества и потому не думалъ ограничиться однимъ обличеніемъ взрослыхъ людей, но задался еще цѣлью воспитать на совершенно новыхъ началахъ молодое поколѣніе дѣтей, не успѣвшихъ еще во всей силѣ заразиться обычаями и привычками старой жизни, а для этой цѣли наученіе съ церковной каѳедры казалось Златоусту не только самымъ лучшимъ и вѣрнымъ, но почти и единственнымъ въ то время, средствомъ, потому что ни школы того времени, проникнутыя древними традиціями, ни домашняя жизнь гражданъ, въ высшей степени грубая и суевѣрная, не могли быть для юнаго поколѣнія хорошей воспитательной средой. Такой средой могъ быть одинъ только храмъ. Въ немъ посредствомъ проповѣди Златоустъ хотѣлъ, на сколько возможно, перевоспитать старое и образовать новое поколѣнія. Между тѣмъ театръ какъ разъ стоялъ на дорогѣ къ задуманному Златоустомъ плану: „Эта школа разврата" также хотѣла быть средоточіемъ общественнаго воспитанія, совершенно противоположнаго тому, какого хотѣлъ Златоустъ. Театръ въ самой основѣ разрушалъ то, что со всей настойчивостью и энергіей онъ созидалъ. „Я учу", говорилъ онъ, „а театръ развращаетъ, я прилагаю лекарство къ болѣзни, а онъ болѣе ее растравляетъ". Къ великому огорченію Златоуста,

театръ весьма часто бралъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми его стараніями, такъ что случалось, что когда гражданамъ предстоялъ выборъ между церковью и театромъ, то они большею частію склонялись въ пользу послѣдняго. Въ дни театральныхъ представленій, по свидѣтельству Златоуста, всѣ жители города, и малые, и взрослые, и даже старики, убѣленные сѣдинами, не чувствуя старческой немощи и боли въ ногахъ, на перерывъ другъ передъ другомъ, устремлялись въ театръ, такъ что въ церкви почти никого не было. „Театръ и портики полны, а домъ Божій пустъ",—вотъ выраженіе, которое не одинъ и не два, а множество разъ слышалось въ устахъ Златоуста на церковной антіохійской каѳедрѣ.—На сколько сильно было соперничество театра съ церковію во вліяніи на общество и на сколько онъ бралъ перевѣсъ въ этомъ вліяніи, видно ужъ изъ того, что когда посѣтители театра и бывали въ храмѣ, то вели себя здѣсь совершенно какъ на зрѣлищахъ. Златоустъ замѣчалъ въ слушателяхъ не только разсѣянность и отсутствіе благоговѣнія въ церкви, но и слышалъ постоянно громкій смѣхъ и разговоры, часто даже разговоры о томъ, что дѣлается на зрѣлищахъ. Мало того: онъ видѣлъ, что большая часть слушателей ходитъ въ церковь изъ одного эстетическаго наслажденія послушать краснорѣчиваго проповѣдника, то есть и въ церкви видитъ такое же мѣсто для развлеченія, какъ и въ театрѣ, и даже восторгъ свой краснорѣчивымъ проповѣдникамъ выражаетъ тѣми-же самыми знаками одобренія, какіе употребляются въ театрѣ, то есть посредствомъ рукоплесканій, нисколько не взирая ни на святость мѣста, ни на строгія обличенія проповѣдника, такъ что рукоплещетъ даже на самое запрещеніе имъ рукоплесканій. Такимъ образомъ театральныя зрѣлища не только увлекали народъ изъ церкви, но и эту послѣднюю награждали обычаями театра. Понятно послѣ этого, почему Златоустъ, часто говоря о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ, всякій разъ противопоставлялъ церковь театру: онъ видѣлъ, что театръ, пріучая гражданъ безъ всякаго стѣсненія даже въ храмѣ обнаруживать свои дикія и грубыя наклонности,

вмѣстѣ съ тѣмъ притупляетъ въ нихъ всякую воспріимчивость и расположеніе къ возвышеннымъ вліяніямъ церковной проповѣди, посредствомъ которой только и можно было преобразовать общество. „Возвращаясь съ зрѣлищъ“, говорилъ однажды Златоустъ: „вы и на церковь смотрите непріятно и слова проповѣдника о цѣломудріи слушаете неохотно, потому что слова эти служатъ для васъ осужденіемъ“.—Чтобы ослабить дурное вліяніе театральныхъ зрѣлищъ на успѣхъ своей проповѣднической дѣятельности и вообще охладить въ гражданахъ страсть къ театру, Златоустъ рѣшился показать имъ истинное значеніе театра. Не отвергая того, что театральныя представленія могутъ доставить и дѣйствительно доставляютъ удовольствіе развращенному вкусу зрителей, онъ старался показать, что это удовольствіе не только растворено вмѣстѣ съ тѣмъ ужаснымъ нравственнымъ вредомъ, но и содержитъ въ себѣ ядъ разнаго рода слѣдующихъ затѣмъ печальныхъ послѣдствій, не дающихъ театральному зрителю „ни днемъ, ни ночью покоя“ и являющихся „настоящимъ палачомъ для его душевнаго спокойствія“. Въ тоже время проповѣдникъ указывалъ на полное ничтожество, мимолетность и безплодность театральныхъ удовольствій сравнительно съ тѣми чистыми, возвышенными и спасительными вліяніями, какія христіанинъ можетъ получить въ храмѣ.

Что касается другого рода зрѣлищъ, то есть конскихъ ристалищъ, то и они не могли не возбудить противъ себя Златоуста. Правда, зрѣлища эти были невиннѣе, сравнительно съ зрѣлищами театра, потому что не могли имѣть такихъ предметовъ соблазна, какіе были на театральной сценѣ; тѣмъ не менѣе и они, съ точки зрѣнія высшей нравственности, должны были казаться далеко небезупречными. „Они не только вели къ пустословію и празднолюбію и вселяли въ душу разсѣянность, но и служили весьма часто причиною ссоръ, дракъ и даже убійствъ“. Предводители конскихъ ристалищъ дѣлились на партіи, домогались первенства надъ другими партіями, употребляли въ дѣло интригу, старались всячески вредить противоположной партіи, возбуждали въ народѣ постоян-

ныя волненія и всѣмъ этимъ, если не прямо, то по крайней мѣрѣ косвеннымъ путемъ нравственно растлѣвали общество. При томъ, конскія ристалища, не менѣе театральныхъ представленій, отвлекали народъ отъ храма. За это послѣднее обстоятельство болѣе всего и вооружался противъ нихъ Златоустъ, дѣлая часто такія-же точно сопоставленія между удовольствіями храма и конскихъ бѣговъ, какія онъ дѣлалъ, когда возставалъ противъ театральныхъ зрѣлищъ. „Тамъ" (т. е. на ристалищахъ) говорилъ онъ однажды: „дьявольское торжество", а въ храмѣ христіанскій праздникъ; тамъ веселятся бѣсы, а здѣсь ликуютъ ангели; тамъ погибель душъ, а здѣсь спасеніе. И тамъ доставляется нѣкоторое удовольствіе, но не такое, какъ здѣсь. Что за удовольствіе смотрѣть на коней, бѣгающихъ тщетно и напрасно?".

Вмѣстѣ съ страстію къ зрѣлищамъ въ жизни антіохійскаго общества широко развитъ былъ еще другой порокъ, встрѣтившій въ Златоустѣ такого-же неумолимаго обличителя и стоявшій, по мнѣнію послѣдняго, въ тѣсной связи къ зрѣлищами,—это именно страсть къ щегольству моднымъ и дорогимъ платьемъ и вообще ко всему тому, что Златоустъ обыкновенно называлъ „покупной красотой". Какъ всегда бываетъ, такъ было и въ IV вѣкѣ, порокъ этотъ преобладалъ между женщинами. Впрочемъ, по свидѣтельству Златоуста, и мужчины весьма многіе тщательно заботились о покроѣ, изяществѣ и дороговизнѣ платья и обуви, о красотѣ лица, прическѣ волосъ и тому подобномъ, и „всѣмъ этимъ гордились болѣе, чѣмъ какой нибудь военачальникъ побѣдами". Между нѣкоторыми изъ мужчинъ страсть эта развилась до того, что ради нея „они прибѣгали къ разнымъ безчестнымъ и унизительнымъ средствамъ: продавали себя, дѣлались шутами у богатыхъ и принимали на себя исполненіе другихъ, еще болѣе низкихъ обязанностей". Если такъ могла развиться страсть къ щегольству у мужчинъ, то между женщинами, особенно между тѣми, для которыхъ красота лица и наряды были единственнымъ средствомъ къ прельщенію мужчинъ, страсть эта, кажется, не имѣла себѣ границъ. Щеголь-

ство антійохійскихъ женщинъ роскошными и дорогими нарядами доходило, по словамъ Златоуста, просто „до безумія“ и въ конецъ раззоряло самыхъ богатыхъ мужей. Знатныя и богатыя гражданки Антіохіи одѣвались въ самыя дорогія шелковыя и златотканныя одежды, вывезенныя непремѣнно изъ далекихъ странъ, испещренныя, по обычаю, самыми прихотливыми рисунками и усыпанныя, на сколько только было возможно, жемчугомъ, алмазами и другими драгоцѣнными каменьями. Шея, руки и даже ноги этихъ женщинъ были обвѣшаны и обшиты золотомъ такъ, что оно служило для нихъ „едва выносимымъ бременемъ“, а въ уши вдѣвали серги до такой степени дорогія, что двухъ серегъ, вынутыхъ изъ ушей одной богатой женщины, „хватило бы, по словамъ Златоуста, „на прокормленіе нѣсколькихъ тысячъ бѣдняковъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ антіохійскія современницы Златоуста сорили огромными деньгами на покупку дорогихъ притираній, румянъ, бѣлилъ и т. под. и любили пощеголять париками съ модной прической и завивкой волосъ, что̀ стоило также большихъ денегъ, потому что, какъ самые парики были дорого купленые, такъ и прическа ихъ оплачивалась не дешево. Обличая такую чрезмѣрную роскошь и щегольство, Златоустъ имѣетъ въ виду тѣ побужденія, которыми руководятся (вообще) женщины при прикрасахъ и нарядахъ,— это именно: удивить однихъ и обольстить другихъ. Руководясь первымъ побужденіемъ, женщины, по мнѣнію Златоуста, жестоко ошибаются въ своемъ разсчетѣ, потому что имъ приходится удивлять не тѣхъ, кого бы онѣ желали, т. е. не богатыхъ и знатныхъ людей, для которыхъ роскошные и щегольскіе наряды—вещи самыя обыкновенныя, а людей лишь бѣдныхъ, „какихъ нибудь каменьщиковъ, носильщиковъ, мелкихъ лавочниковъ“ и т. под., на которыхъ разряженныя женщины, конечно, менѣе всего разсчитываютъ и на которыхъ по большей части даже и смотрѣть не хотятъ. Очевидно, на этотъ разъ Златоустъ хотѣлъ пристыдить роскошествующихъ женщинъ и ихъ-же горделивымъ превозношеніемъ надъ бѣдными людьми,— надъ этими „каменьщиками и носильщиками“, воспользо-

ваться, какъ средствомъ для того, чтобы отучить ихъ отъ роскоши. Но особенно Златоустъ надѣялся затронуть самолюбіе этихъ женщинъ тогда, когда разбиралъ второе побужденіе. Онъ указывалъ на то, что они уподобляются блудницамъ, когда нарядами и подкрашиваніемъ лица стараются пріобрѣсти себѣ какъ можно болѣе поклонниковъ, потому что только блудницамъ свойственно желаніе нравиться многимъ мужчинамъ, цѣломудренныя-же жены стараются всегда нравиться только однимъ своимъ мужьямъ. И при томъ совершенно другими средствами, именно: хорошимъ попеченіемъ о домѣ и воспитаніемъ дѣтей, благочестіемъ, скромностію, цѣломудріемъ и вообще „душевной красотой, которая и болѣе плѣняетъ и никогда не прекращается, которую ни старость не разрушаетъ, ни болѣзнь не уничтожаетъ". Эта послѣдняя красота „и некрасивую женщину дѣлаетъ благообразною", между тѣмъ красота покупная всякую женщину дѣлаетъ „безобразной, срамной и постыдной". Въ виду того, что щегольство заставляетъ человѣка останавливать все свое вниманіе только на себѣ самомъ, Златоустъ считалъ этотъ порокъ не только величайшимъ нравственнымъ, но и религіознымъ зломъ". По его мнѣнію, человѣкъ, преданный щегольству, и на религіозныя дѣла, напр., на церковную молитву, смотритъ только, какъ на средство „показать себя и свою внѣшность". Въ молитвѣ такихъ людей Златоустъ видѣлъ одно только лицемѣріе и притворство. „Въ церковь", говорилъ онъ, „приходятъ для того, чтобы просить, молиться о грѣхахъ своихъ, умолять Господа, чтобы склонить Его къ милосердію. Какъ-же ты (разодѣтая женщина) можешь вздыхать? Какъ плакать? Какъ можешь усиленно молиться, будучи одѣта въ такой нарядъ? Если и будешь плакать, то слезы твои покажутся достойными смѣха для того, кто будетъ видѣть ихъ; потому что плачущей не слѣдуетъ носить золота. Ибо это есть лицемѣріе и притворство. И въ самомъ дѣлѣ, какъ-же это не лицемѣріе, когда та-же самая душа, отъ которой родилось и это великолѣпіе и тщеславіе, та-же самая, говорю, душа и слезы проливаетъ"?—Вмѣстѣ съ тѣмъ въ щегольствѣ Златоустъ видѣлъ величайшее зло и для се-

мейной жизни. Въ этомъ отношенiи онъ указывалъ прежде всего на то, что щегольство подрываетъ матерiальное благосостоянiе семейства, такъ какъ служитъ причиной совершенно „излишнихъ и часто даже не благовременныхъ издержекъ“. Затѣмъ, какъ на неизбѣжное слѣдствiе излишняго мотовства, проповѣдникъ указывалъ на частыя ссоры между супругами, доходящiя иногда до полнаго семейнаго разлада. „Жена“, говорилъ онъ: „постоянно заботящаяся объ украшенiяхъ, становится непрiятной и даже ненавистной для мужа, какъ потому, что, требуя большихъ издержекъ, приводитъ въ стѣсненное положенiе его имѣнiе, такъ и потому, что причиняетъ мужу много хлопотъ. Когда она будетъ постоянно требовать отъ него нарядовъ и золота, онъ будетъ убѣгать отъ нея, какъ отъ человѣка, пристающаго къ нему съ требованiями на торжищѣ“. Кромѣ того Златоустъ выставлялъ на видъ еще подозрѣнiя со стороны супруга, когда жена его наряжается для того, чтобы прельщать другихъ, подозрѣнiя, порождающiя ревность и уничтожающiя одно изъ самыхъ существенныхъ и необходимыхъ условiй для счастiя супруговъ, именно взаимное довѣрiе. Наконецъ, какъ на самый важный вредъ, происходящiй отъ щегольства для семейный жизни, Златоустъ указываетъ на то, что при видѣ нарядовъ матери и ея старанiй разными искусственными средствами понравиться другимъ, прiучаются къ суетности и развращаются младшiе члены семейства, „любящiе поддѣлываться подъ нравъ взрослыхъ, и особенно дочери, которымъ всего ближе и естественнѣе брать примѣръ въ своемъ поведенiи съ матери“. Вообще Златоустъ старался увѣрить пасомыхъ, что счастiе между супругами было-бы прочнѣе, дѣти ихъ были-бы благовоспитаннѣе и доходы изобильнѣе, „если бы золото не лежало вокругъ тѣла женщинъ и не связывало ихъ рукъ, но употреблялось на необходимыя нужды: на содержанiе слугъ, на попеченiе о дѣтяхъ“ и т. под. Равнымъ образомъ проповѣдникъ доказывалъ, что и общественная жизнь, по удаленiи изъ семейной жизни щегольства, могла бы быть несравненно лучше, такъ какъ щегольство весьма часто ведетъ обще-

ственныхъ дѣятелей къ несправедливостямъ и служитъ для нихъ однимъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ къ лихоимству. При этомъ Златоустъ обыкновенно приводилъ въ примѣръ судей, которые въ погонѣ за деньгами ради роскоши, нерѣдко обвиняютъ бѣднаго человѣка, одѣтаго въ рубище, хотя бы онъ былъ совершенно правъ, и въ то же время прикрываютъ явнаго негодяя потому только, что онъ располагаетъ въ свою пользу своей наружностью и своимъ богатствомъ, на счетъ котораго судья можетъ поживиться и нарядить себя, жену и дѣтей.

Щегольство модными и изысканными нарядами было не единственной роскошью антіохійскихъ гражданъ. Рядомъ съ этимъ щегольствомъ и такъ же сильно, какъ послѣднее, развита была между знатными и богатыми классами жителей Антіохіи еще страсть къ построенію роскошныхъ зданій и къ пышной обстановкѣ ихъ. Для разныхъ временъ года у вельможъ и богачей города существовали особенные „дворцы", устроенные и съ наружной и съ внутренней своей стороны самымъ великолѣпнымъ и изысканнымъ образомъ. Множество домовъ на главной улицѣ города, называвшейся именемъ *λεοφόρος*, имѣли вызолоченныя крыши, съ карнизами самой изящной и причудливой архитектуры, и поражали зрителя многочисленностью и еще болѣе того величественностью своихъ колоннъ, образовывавшихъ собою обширныя галлереи по обѣимъ сторонамъ улицы и не прерывавшихся во всю ея длину, равнявшуюся 36 стадіямъ. Внутри домовъ блескъ и великолѣпіе были еще поразительнѣе. Стоитъ только указать на упоминаемые Златоустомъ золотые потолки, мозаическія стѣны, мраморные полы, на множество разставленныхъ всюду мраморныхъ статуй, на вызолоченную мебель, на кровати изъ слоновой кости, на золотыя чаши для пищи и питья и, наконецъ, на то, что изъ серебра имѣлись сосуды для одного изъ самыхъ низкихъ употребленій, чтобы представить, насколько сильна была въ согражданахъ Златоуста страсть къ роскошной обстановкѣ. — Но богатые и знатные жители Антіохіи еще не ограничивались обстановкой своихъ „дворцовъ" всевозможными

дорогими предметами. Страсть къ роскоши побуждала ихъ окружать себя еще многочисленной толпой слугъ, евнуховъ, шутовъ, льстецовъ, приживальщиковъ и приживалокъ разнаго рода, содержаніе которыхъ въ возможно-большемъ количествѣ считалось какой-то необходимостью и стоило громадныхъ расходовъ, потому что тщеславіе заставляло и слугъ и проживавшихъ водить въ шелку и въ золотѣ. Мало того, даже на коней, при парадныхъ выѣздахъ господина или госпожи, надѣвалась золотая сбруя, убранная дорогими каменьями. — Въ Златоустѣ и этотъ видъ роскоши встрѣтилъ такого-же сильнаго обличителя, какъ и роскошь въ одеждѣ. Часто изобразивъ въ той или другой изъ своихъ проповѣдей роскошную обстановку богачей, ихъ хлопоты по устройству большихъ и изящныхъ домовъ, ихъ парадные выходы и выѣзды въ сопровожденіи толпы слугъ,—Златоустъ спрашивалъ: „Къ чему все это?" и сводилъ рѣшеніе этого вопроса къ тому, что „все это излишне и безполезно, и что богачи не могутъ представить рѣшительно „никакого разумнаго основанія и оправданія для такой безумной роскоши". Такъ, однажды онъ говорилъ: „Каждый изъ людей имѣетъ какую нибудь цѣль и основаніе своей дѣятельности: земледѣлецъ, если потребовать отъ него отчета, скажетъ, для чего онъ запрягалъ воловъ, проводилъ борозды, тащилъ плугъ; купецъ скажетъ, для чего онъ велъ корабль по морю, нанималъ работниковъ, тратилъ деньги;.... а ты, украшая ложе свое серебромъ, позлащая коня и камень, какую представишь причину? Какой скажешь предлогъ? Развѣ сонъ бываетъ пріятнѣе на такомъ ложѣ? Не можешь сказать этого. Зданіе развѣ дѣлается безопаснѣе отъ золота? Нѣтъ. Развѣ конь бываетъ лучше отъ такой узды? или слуга отъ такой одежды? Въ этомъ случаѣ бываетъ все напротивъ..... Къ чему-же это множество хлопотъ?" Единственное основаніе, которое, по мнѣнію Златоуста, могутъ привести въ свое оправданіе люди, окружающіе себя пышностью, заключается въ томъ, что великолѣпіе домовъ и обстановки пріобрѣтаютъ имъ славу и похвалу у людей. Но „основаніе это пустое и ложное", потому что „велико-

лѣпіе дома составляетъ славу самаго дома и архитектора, а не хозяина; великолѣпіе золотыхъ вещей—также похвала мастеру золотыхъ дѣлъ, а не тому, кто эти вещи имѣетъ" и такъ далѣе. Правда, Златоустъ соглашался, что пышностью обстановки богачи могутъ пріобрѣсти себѣ извѣстность между людьми, но только извѣстность, по его мнѣнію, очень плохую. „Эти великолѣпные и обширные дома", говорилъ онъ, „даже по смерти владѣльцевъ громко говорятъ противъ нихъ, какъ самые злые обвинители. Тѣло ихъ предано землѣ, но видъ зданій не позволяетъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣломъ была погребена память объ ихъ любостяжаніи; каждый проходящій, при взглядѣ на высоту и величіе обширнаго и великолѣпнаго дома, скажетъ себѣ или ближнему: сколькихъ слезъ стоило построеніе этого дома? сколько ограблено сиротъ? сколько обижено вдовъ? сколько людей лишено платы? Такимъ образомъ даже по окончаніи жизни ты не избавишься отъ обвинителей: какъ мѣдная колонна, этотъ домъ будетъ передавать твое имя изъ потомства въ потомство и заставлять даже тѣхъ, которые не видѣли тебя при жизни, осыпать тебя безчисленными укоризнами.

Вслѣдствіе того, что богачи и вельможи антіохійскіе окружали себя огромной толпой слугъ, приставниковъ и приставницъ разнаго рода, исполнявшихъ за своихъ господъ всѣ, какія только было возможно, обязанности,—у послѣднихъ, то есть у господъ, естественно оставалось слишкомъ много свободнаго, ничѣмъ не занятаго, времени, которое нужно было такъ или иначе убивать, чтобы избавиться отъ неизбѣжныхъ спутницъ праздности—скуки и тоски. Театральныхъ зрѣлищъ и конскихъ ристалищъ слишкомъ мало было для того, чтобы наполнить всю пустоту свободнаго времени, тѣмъ болѣе, что зрѣлища, какъ извѣстно, представлялись не каждый день. Приходилось, поэтому, прибѣгнуть еще къ какому нибудь новому роду удовольствій и развлеченій. И вотъ, благодаря такой необходимости, зарождается и получаетъ широкое развитіе въ обществѣ страсть къ третьему еще виду роскоши, именно къ роскошнымъ пиршествамъ. По описанію Златоуста,

вся жизнь богатыхъ и знатныхъ гражданъ Антіохіи была какимъ-то веселымъ и шумнымъ пиромъ, продолжавшимся изо-дня въ день почти безъ всякихъ перерывовъ. Весьма многіе изъ гражданъ настолько были преданы сластолюбію, что каждый день, съ ранняго утра и до поздней ночи, только и знали, что хорошо пили и сладко ѣли, а въ промежутки то отдыхали, то дѣлали приготовленія къ слѣдующему дню, истощая всѣ силы своего изобрѣтательнаго ума и запасы кошелька на устройство новыхъ, еще болѣе изысканныхъ, пиршествъ, съ новыми, гораздо лучшими яствами и напитками. Осуждая вообще такое безумное препровожденіе времени въ гражданахъ, Златоустъ особенно возставалъ противъ двухъ самыхъ крайнихъ проявленій сладострастной жизни—именно противъ чрезмѣрнаго пресыщенія и чрезмѣрнаго пьянства. Златоустъ старался показать прежде всего слушателямъ, что пресыщеніе и чрезмѣрное пьянство вовсе не доставляетъ человѣку удовольствія. „Пища", говорилъ онъ: „бываетъ пріятна только тогда, когда въ ней есть потребность, а вино, употребленное чрезъ мѣру, не можетъ быть пріятнымъ уже потому, что въ состояніи опьяненія человѣкъ лишается не только вкуса, но и сознанія, и такимъ образомъ одновременно теряетъ и способность наслаждаться, и способность различать, чтó для него пріятно и чтò нѣтъ". Мало того, пресыщеніе и пьянство, по мнѣнію Златоуста, вмѣсто удовольствія, причиняютъ человѣку большія огорченія и сами по себѣ, какъ излишнее бремя, и по своимъ дурнымъ послѣдствіямъ для здоровья. Пресыщенію онъ прямо приписываетъ нѣкоторыя болѣзни, которыми страдали граждане, напр.: боли въ ногахъ, въ головѣ, въ глазахъ, въ рукахъ, дрожаніе всего тѣла, желтуху, продолжительныя и острыя горячки и многія другія болѣзни, даже ударъ". А о вредѣ пьянства для здоровья онъ не считалъ нужнымъ даже и говорить, потому что вредъ вина въ этомъ отношеніи слишкомъ очевиденъ для всякаго уже изъ того обстоятельства, что въ состояніи опьяненія человѣкъ „теряетъ равновѣсіе и при паденіи получаетъ жестокіе ушибы, вслѣдствіе которыхъ нерѣдко дѣлается

увѣчнымъ и несчастнымъ на всю жизнь, а иногда удовольствіе отъ питья оплачивается и цѣной самой жизни". Говоря о вредѣ пресыщенія для здоровья, Златоустъ обыкновенно сравнивалъ человѣческій желудокъ съ жерновомъ и при этомъ дѣлалъ оригинальное, но совершенно вѣрное, объясненіе, почему именно употребленіе излишней пищи отзывается дурными послѣдствіями для здоровья. „Богъ", говорилъ проповѣдникъ: „далъ намъ чрево, какъ бы какую мельницу, сообщилъ ему соразмѣрную силу и назначилъ опредѣленную мѣру, сколько оно должно перемолоть въ каждый день. Поэтому, если кто положитъ въ него болѣе надлежащаго, то оставшееся непередѣланнымъ и причиняетъ вредъ всему тѣлу". Въ числѣ мѣръ, какія употреблялъ Златоустъ противъ разсматриваемыхъ нами пороковъ, особенно замѣчательны живыя и картинныя изображенія людей, находящихся въ состояніи крайняго опьяненія и пресыщенія,—изображенія, въ которыхъ пресытившіеся въ одно и тоже время являются и людьми безконечно жалкими, незнающими себѣ, ни днемъ, ни ночью, покоя, и вмѣстѣ смѣшными по своей неповоротливости, а пьяницы представляются въ такомъ ужасномъ и грязномъ видѣ, что невольно возбуждаютъ отвращеніе къ своему безобразію. „Когда роскошествующіе встанутъ изъ-за стола", говоритъ Златоустъ, изображая состояніе людей пресытившихся, „то послѣдуй за ними, и ты увидишь, что они болѣе походятъ на скотовъ и безсловесныхъ животныхъ, нежели на людей. Ты увидишь, какъ они страдаютъ головокруженіемъ, разслабленіемъ и неповоротливостью, нуждаются въ ложѣ и глубокой тишинѣ; мечутся, какъ бы во время сильнаго волненія, требуютъ помощи другихъ и желаютъ придти въ то состояніе, въ которомъ были прежде, нежели насытились. Они ходятъ, подобно беременнымъ женщинамъ съ отягченнымъ чревомъ, едва переступаютъ, едва видятъ, едва говорятъ, и все едва дѣлаютъ. Всю ночь они проводятъ въ безсонницѣ и, не смотря на множество ухищреній, не вкушаютъ пріятнаго сна. Если-жъ имъ и случится заснуть, то имъ видятся нелѣпые сны и безмысленныя грёзы".—Что ка-

сается изображенія состоянія людей упивающихся, то въ этихъ изображеніяхъ Златоустъ обыкновенно показывалъ какъ „упивающіеся постоянно теряютъ сознаніе, забываютъ всякій стыдъ и приличіе, развязываютъ свой невоздержный языкъ и безъ разбора извергаютъ изъ устъ все, что взбредетъ въ ихъ шальныя головы, не зная, что приберечь, и что издержать“; какъ затѣмъ, „качаясь, они бродятъ съ мѣста на мѣсто, ругаются, скрежещутъ зубами и съ яростью кидаются на окружающихъ, или же сидятъ подобно неподвижнымъ истуканамъ, которые очи имѣютъ и не видятъ, уши имѣютъ и не слышатъ“, и какъ наконецъ „лишенные опоры и равновѣсія, они, кружась падаютъ, извращаютъ глазные зрачки, извергаютъ нечистую слюну, багровѣютъ“ и т. д. Вообще, при изображеніи состоянія пресытившихся и упившихся людей, Златоустъ не стѣснялся никакими подробностями. И нужно думать, что такой способъ обличенія былъ одной изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для пресѣченія страсти къ чревоугодію и пьянству, особенно если принять при этомъ во вниманіе характеръ слушателей Златоуста. Послѣдній хорошо зналъ какъ природныя, такъ и заимствованныя отъ азіатовъ, свойства своихъ согражданъ-грековъ, и на эти именно свойства, кажется, болѣе всего и разсчитывалъ, когда рисовалъ мрачныя картины пьянства и изображалъ жалкое положеніе роскошествующихъ чревоугодниковъ. Извѣстно, что грекъ, живой и подвижной по своей натурѣ, очень высоко цѣнилъ легкость и граціозность движеній и всегда искренно презиралъ неуклюжесть и неповоротливость. Указывая на послѣднюю, какъ на слѣдствіе пресыщенія, и употребляя при этомъ яркія изображенія печальнаго состоянія объѣдающихся людей, Златоустъ хотѣлъ на этотъ разъ случайно развившейся и въ сущности не свойственной греку страсти къ чревоугодію противопоставить чисто природную склонность грека къ легкости и изяществу тѣлесныхъ движеній.—Тоже самое, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ сказать и о постоянно дѣлаемыхъ Златоустомъ указаніяхъ на то, что излишняя пища, въ особенности изысканная, разслабляетъ тѣлесный

организмъ. Для грека, измыслившаго въ свое время цѣлую систему искусственныхъ средствъ для развитія своихъ физическихъ силъ и нерѣдко доводившаго ихъ, путемъ гимнастическихъ упражненій, до размѣровъ силъ атлетовъ, крѣпость тѣла всегда была предметомъ глубокаго уваженія.—Не менѣе хорошо Златоустъ зналъ и то, что современные ему антіохійскіе греки, потомки македонскихъ выходцевъ, давно уже успѣли усвоить себѣ страсть къ восточной азіатской нѣгѣ, не терпѣвшей и избѣгавшей всего непріятнаго,—и вотъ онъ пользуется этимъ отличительнымъ свойствомъ своихъ согражданъ для того, чтобы отучить ихъ отъ чревоугодія и изображаетъ имъ въ живыхъ и наглядныхъ чертахъ мучительное состояніе одышки и безсонницы,—неизбѣжныхъ слѣдствій пресыщенія, которыми нарушается всякій покой и благосостояніе человѣка, даже и не такого требовательнаго, какъ изнѣженный восточною жизнію антіохійскій грекъ.—Что касается, наконецъ, картинныхъ изображеній пьянства, то и ихъ, по нашему мнѣнію, Златоустъ употреблялъ въ той именно увѣренности или по крайней мѣрѣ надеждѣ, что на грека, питавшаго искреннюю любовь къ прекрасной внѣшности и не менѣе искреннее отвращеніе ко всему грязному и безобразному, такія изображенія должны дѣйствовать всего сильнѣе и неотразимѣе.

Между обличеніями, направленными Златоустомъ противъ пресыщенія и пьянства, весьма часто встрѣчаются обличенія противъ свадебныхъ пиршествъ. Въ виду того, что Златоустъ указывалъ въ этихъ пиршествахъ одну изъ главныхъ причинъ развращенности антіохійскихъ женщинъ, не лишне будетъ, на основаніи его твореній, сказать нѣсколько словъ о томъ, при какой обстановкѣ совершалось тогда заключеніе браковъ и какимъ образомъ брачные пиры могли такъ дурно отзываться на нравственности антіохіянокъ. По свидѣтельству Златоуста, дѣвица въ антіохійскомъ семействѣ, какъ и всегда было у грековъ, заключена была въ уединенномъ гинекеѣ и воспитывалась въ совершенномъ невѣденіи дѣйствительной жизни. Только бракъ вводилъ ее въ дѣйствительный

круговоротъ жизни, но, къ несчастію, съ перваго-же раза знакомилъ ее со всѣмъ, что только было низкаго и порочнаго въ житейскомъ быту. Въ день, такъ называемыхъ, смотринъ, дѣвица изъ тихаго своего затворничества вдругъ попадала въ шумное общество родныхъ и знакомыхъ ея будущаго мужа, „тщеславно разодѣтыхъ въ роскошные наряды и одурѣвшихъ отъ пьянства", и если удостоивалась чести быть признанной невѣстой этимъ пьянымъ обществомъ, то принуждена была совершенно отбросить всякій стыдъ, чтобы видѣть всѣ грязныя сцены, которыми исполнены были брачныя пиршества, и слышать самыя возмутительныя пѣсни нанятыхъ скомороховъ.—Убійственнѣе всего должны были дѣйствовать на нравственныя чувства невѣсты проводы ея въ домъ жениха. Ее вели къ ея будущему супругу самымъ торжественнымъ, но въ тоже время исполненымъ многихъ безнравственностей образомъ. Ее сопровождали не только родные и знакомые, но и всѣ, кому только была охота „позѣвать" на зрѣлище, поострить на счетъ красоты ея лица и другихъ тѣлесныхъ прелестей. Плоскія шутки и намеки на супружескія отношенія, безнравственныя пѣсни, распѣвавшіяся подъ звуки трубъ и флейтъ, соблазнительныя пляски, исполнявшіяся приглашенными на пиръ танцовщицами, которыя обычно набирались изъ публичныхъ женщинъ,—всё это должна была увидѣть и выслушать невѣста, прежде чѣмъ переступить порогъ дома своего жениха. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ оставленіемъ терема и стѣнъ отцовскаго дома, заслонявшихъ отъ ея ушей „всѣ пошлости" жизни, „вмѣстѣ съ снятіемъ дѣвическаго покрывала и, такъ сказать, съ первымъ взглядомъ на дѣйствительный міръ Божій, невѣста знакомилась лишь съ тѣмъ, что только было худаго въ жизни" и что сразу лишало ее прежней скромности и невинности, „ввергая въ самую бездну разврата". „Пьянство, безстыдство, дерзость, расточительность и роскошь"—вотъ первое впечатлѣніе невѣсты, при первомъ-же вступленіи ея на поприще дѣйствительной и болѣе или менѣе самостоятельной жизни. „И послѣ этого", говорилъ Златоустъ: „ты спрашиваешъ: отчего бываетъ распутство, отчего пре-

любодѣяніе, отчего расторженіе браковъ? Какой добрый урокъ цѣломудрія получитъ невѣста, видя и слыша все это?... Она, всегда пребывавшая во внутреннемъ покоѣ и научившаяся стыдливости съ дѣтскаго возраста, вдругъ принуждается оставить всякій стыдъ, въ началѣ брака научается безстыдству и выводится на средину въ кругъ людей безчестныхъ и безнравственныхъ, блудниковъ и развратниковъ. Какое зло не посѣется въ душѣ невѣсты съ того дня? ибо она захочетъ проводить такъ же и всѣ будущіе дни. Оттого бываютъ жены небережливыя и расточительныя; оттого въ нихъ не достаетъ скромности; оттого въ нихъ безчисленное множество золъ".

Театръ, дорогіе наряды, роскошная обстановка, пышныя и изысканныя пиршества и вообще неумѣренное удовлетвореніе необузданной потребности къ удовольствіямъ жизни, — все это очевидно требовало большихъ денегъ, которыя нужно было такъ или иначе постоянно добывать, чтобы имѣть возможность постоянно расточать. И вотъ, вслѣдствіе этого, между современными Златоусту богатыми и знатными жителями Антіохіи до того развилась страсть къ наживѣ, что многіе изъ нихъ „какъ хищные звѣри на добычу, съ жадностію бросались на деньги". Честь, совѣсть, красота, долгъ, правосудіе, однимъ словомъ все безъ разбора продавалось за деньги и приносилось въ жертву страсти къ удовольствіямъ. „Добродѣтель нестяжанія", говоритъ Златоустъ, „стала въ наше время повидимому, невозможною и даже не вѣрится, чтобы кто-нибудь ей слѣдовалъ". Его глубоко возмущала эта погоня за наживой и постоянно вызывала на самыя сильныя противодѣйствія. Большинство антіохійскихъ проповѣдей Златоуста, и особенно извѣстныя проповѣди о богатомъ и Лазарѣ, исполнены самыхъ рѣзкихъ обличеній сребролюбія богатыхъ и знатныхъ классовъ общества. Прямая и честная душа Златоуста побуждала его иногда даже въ лицо называть вельможъ и богачей „звѣрями и грабителями", а свой родной и горячо любимый городъ—„Вавилономъ", ради хищничества этихъ людей.

Но особенно не могъ сносить Златоустъ самаго крайняго проявленія страсти къ наживѣ, именно скряжничества. Наряду съ богачами, добывавшими себѣ всѣми неправдами денегъ для удовольствій, въ Антіохіи, по описанію Златоуста, нерѣдко встрѣчались и такіе богачи, которые старались увеличивать свое огромное богатство вовсе не для того, чтобы съ большимъ удобствомъ обставить свою жизнь и имѣть возможность удовлетворять своимъ порочнымъ страстямъ, а единственно для того, „чтобы насчитать у себя побольше золота". Видя въ пріобрѣтенномъ богатствѣ какую-то святыню, они „покланялись ему, какъ покланяются язычники идолу", тщательно охраняли его „какъ какіе-нибудь стражи или псы, за твердыми дверями и крѣпкими запорами", и не смѣли прикоснуться къ нему, „живя хуже бѣдныхъ и голодая до изнуренія силъ", между тѣмъ какъ житницы ихъ ломились отъ изобилія хлѣба, а погреба едва могли вмѣстить огромное количество бочекъ съ виномъ. Нечего и говорить о томъ, что такіе люди никогда не помогали бѣднымъ. По словамъ Златоуста, „они лучше выливали на землю цѣлыя бочки вина, чѣмъ давали хотя бы одну чашу нищимъ, лучше высыпали въ рѣку цѣлыя житницы хлѣба, чѣмъ удѣляли хотя бы одинъ кусокъ алчущимъ; лучше зарывали богатство въ землю, нежели давали хотя бы одну монету нуждающимся". Изъ проповѣдей Златоуста не видно, къ какому изъ трехъ племенъ, составлявшихъ собою населеніе Антіохіи, принадлежали подобные скряги, почти не пользовавшіеся плодами своихъ пріобрѣтеній и не дѣлившіеся ими ни съ кѣмъ другимъ. Трудно предположить, чтобъ подобными скрягами могли быть легкомысленные греки, съ ихъ всегдашней и, можно сказать, поголовной страстью къ удовольствіямъ жизни, Еще труднѣе видѣть въ изображаемыхъ Златоустомъ скрягахъ сирійцевъ, съ ихъ неизмѣннымъ добродушіемъ, тѣмъ болѣе, что сирійцы составляли въ Антіохіи бѣдный, чернорабочій классъ населенія. Вѣроятно, обличаемые Златоустомъ скряги принадлежали къ числу христіанъ изъ іудейскаго племени, которое дѣйствительно всегда любило и любитъ

пріобрѣтеніе ради самаго пріобрѣтенія и особенно деньги ради денегъ, а не ради тѣхъ удобствъ, какія онѣ доставляютъ въ жизни. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, извѣстно одно, что скрягъ въ Антіохіи было „много", и при томъ самыхъ закоренѣлыхъ. Златоустъ не находилъ словъ и сравненій для того, чтобы вполнѣ выразить хищничество и сребролюбіе этихъ людей. „Волки и медвѣди", говорилъ онъ, „какъ бы ни были хищны и жадны, все же знаютъ мѣру своимъ страстямъ, а эти сребролюбцы все желаютъ большаго и большаго: если пріобрѣли сто талантовъ, жалѣютъ, что не тысячу, если пріобрѣли тысячу талантовъ, жалѣютъ, что не десять тысячъ" и такъ далѣе. —Какъ противъ пьянства и пресыщенія, такъ и въ данномъ случаѣ, противъ скряжничества, самымъ лучшимъ средствомъ въ рукахъ Златоуста, вмѣстѣ съ рѣзкими и сильными обличеніями, были яркія изображенія порока. Чтобы возбудить въ скрягахъ отвращеніе къ страсти сребролюбія, Златоустъ часто прибѣгалъ къ картиннымъ описаніямъ того мучительнаго состоянія, которое постоянно испытываютъ скряги и которое, по мѣрѣ накопленія богатства, все болѣе и болѣе усиливается, „мучитъ и терзаетъ ихъ, какъ лютый и хищный звѣрь, или жестокій тиранъ, ни днемъ, ни ночью не давая покоя, и то поджигаетъ къ большему и большему пріобрѣтенію, то возбуждаетъ опасеніе за цѣлость и сохранность уже накопленнаго. При этомъ Златоустъ нерѣдко указывалъ и на жалкое положеніе скрягъ между другими людьми, положеніе еще болѣе увеличивающее тѣ жестокія внутреннія страданія, которыя переживаетъ каждый скряга въ своей душѣ. Въ то время, какъ самъ скряга смотритъ на всѣхъ окружающихъ враждебно, видя въ однихъ свою добычу, а въ другихъ хищниковъ, которые каждую минуту готовы выхватить у него награбленное богатство, въ это время всѣ знающіе его, какъ закоренѣлаго скупца и богача, въ свою очередь питаютъ къ нему не менѣе враждебныя чувства,— одни потому, что ограблены имъ, другіе изъ опасенія какъ-нибудь попасться въ его руки и быть ограбленными, третьи изъ состраданія къ ограбленнымъ, четвертые, та-

кіе же хищные, какъ и онъ, по зависти къ его богатству и по негодованію на то, что сами не могутъ ограбить его, и такъ далѣе. Такимъ образомъ, терзаемый внутри своею страстію, скряга не находитъ себѣ успокоенія и въ окружающей его средѣ; у него нѣтъ ни друзей, ни знакомыхъ, ни родныхъ, а существуютъ одни только враги, постоянно заставляющіе его трепетать за себя и за свои богатства. Благодаря всему этому, Златоустъ представлялъ положеніе скрягъ до такой степени ужаснымъ и невыносимымъ, что могъ сравнить его только съ адскимъ состояніемъ. „Эти корыстолюбцы, говорилъ онъ, мучатся непрестанно подобно богачу, просившему каплю воды и не получившему ея, душа ихъ горитъ въ огнѣ даже болѣе его души, такъ что, если бы не было ни геенны, ни будущаго наказанія, то въ самой настоящей жизни для нихъ—величайшее наказаніе: постоянно страдать и не видѣть конца своимъ страданіямъ“.

Вооружаясь противъ страсти къ наживѣ, въ какомъ бы видѣ эта страсть не проявлялась,—въ видѣ-ли безцѣльнаго скряжничества, или въ видѣ пріобрѣтенія, имѣвшаго цѣлію удовольствіе,—Златоустъ всегда старался не только о томъ, чтобы отучить сребролюбцевъ отъ ихъ порочной страсти, но и о томъ, главнымъ образомъ, чтобы защитить отъ ихъ хищничества бѣдный народъ, на счетъ котораго нажива обыкновенно производилась. Златоустъ всегда питалъ горячую любовь къ простому бѣдному народу, не потому, что этотъ народъ заслуживалъ его любовь по своимъ нравственнымъ достоинствамъ, а болѣе изъ состраданія къ его жалкому положенію. Во времена Златоуста простой народъ страшно обремененъ былъ непосильными налогами, въ то время какъ имѣлъ самый скудный заработокъ, а иногда даже и вовсе принужденъ былъ сидѣть безъ дѣла, и слѣдовательно безъ куска хлѣба, потому что большая часть работъ производилась рабами. Кромѣ того ему приходилось терпѣть самыя жестокія несправедливости отъ всѣхъ, кто только могъ его притѣснять начиная отъ самаго важнаго сановника и крупнаго богача, до самыхъ мелкихъ чиновниковъ. Матеріальное

бѣдствіе народа, бывшаго жертвой всевозможнаго лихоимства—вотъ что главнымъ образомъ побуждало Златоуста любить этотъ народъ и быть его горячимъ защитникомъ противъ высшихъ и богатыхъ классовъ общества. Во все время своего пастырскаго служенія Златоустъ стоялъ на сторонѣ несчастныхъ и бѣдныхъ людей и такъ сочувствовалъ имъ, что рѣдко даже обличалъ ихъ въ порокахъ. Обыкновенно вину за грѣхи народа Златоустъ слагалъ на высшіе классы общества, а самому народу, ради его угнетенія, готовъ былъ простить все. Особенно въ немъ возбуждали участіе такіе бѣдняки, которые не имѣли ни одежды, ни пріюта, ни куска хлѣба и жили на счетъ подаянія. При Златоустѣ бѣдняковъ этого рода было въ Антіохіи до 20 тысячъ. Существованіе такого огромнаго количества нищихъ рядомъ съ изысканной роскошью богатыхъ и знатныхъ классовъ антіохійскаго общества, было самымъ возмутительнымъ явленіемъ въ жизни послѣдняго, тѣмъ болѣе, что богачи и вельможи, такъ или иначе доведшіе этихъ людей до безпомощнаго состоянія, были къ нимъ настолько жестоки, что отвергали ихъ даже въ томъ случаѣ, когда они просили себѣ одинъ только кусокъ хлѣба для утоленія голода, или худой лоскутъ изношеннаго платья для прикрытія наготы, или даже одного пріюта для ночлега, хотя бы даже и на дворѣ. Въ виду всего этого, Златоустъ рѣшился во что бы то ни стало помочь бѣдному нищенствующему народу и, какъ только сдѣлался пастыремъ, началъ постоянно говорить о благотвореніи, убѣждая богачей быть милостивыми къ бѣднымъ. Онъ часто признавался, что желалъ бы говорить объ одномъ благотвореніи, если бы не отвлекала его борьба съ разными пороками общества. Случалось, поэтому, что онъ произносилъ проповѣдь о какомъ нибудь предметѣ, совершенно не имѣвшемъ никакого отношенія къ бѣдности, и однако-жъ, не смотря на это, незамѣтно для слушателей склонялъ рѣчь къ вопросу о бѣдныхъ и заговаривалъ о милостынѣ—своемъ любимомъ предметѣ, о которомъ онъ говорилъ всегда такъ живо, страстно и увлекательно, что изъ всѣхъ его пропо-

вѣдей и изъ всѣхъ мѣстъ въ его проповѣдяхъ самыми лучшими оказываются именно тѣ, гдѣ рѣчь идетъ о благотворительности. Какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ, на помощь Златоусту являлось прежде всего его искусство трогать слушателей живыми и наглядными изображеніями предмета. Но нигдѣ такое искуство не достигало у него такой высокой степени и силы, какъ именно въ проповѣдяхъ о благотвореніи. Ни у одного изъ христіанскихъ проповѣдниковъ, когда либо говорившихъ въ защиту бѣдности, нельзя встрѣтить лучшаго и болѣе трогательнаго описанія жалкой участи нищихъ, какое мы находимъ у Златоуста. Въ самомъ дѣлѣ, друдно нарисовать картину бѣдности, болѣе поразительную, чѣмъ напр. слѣдующая. „Ты бѣжишь къ готовому столу“, говорилъ однажды Златоустъ, объясняя, почему нищіе вечеромъ бываютъ особенно назойливы и почему прибѣгаютъ иногда къ возмутительнымъ средствамъ для того, чтобы возбудить къ себѣ сострадательность: „ты бѣжишь къ готовому столу и не можешь потерпѣть немного, а бѣдный стоитъ до самаго вечера, стараясь и усиливаясь собрать насущный хлѣбъ; и видя, что день уже окончился, а денегъ еще не собрано столько, сколько нужно на насущный хлѣбъ, горюетъ и разжигается и вынуждается дѣлать то, что выше силъ его. Вотъ почему нищіе вечеромъ налегаютъ на насъ сильнѣе,—клянутся, божатся, плачутъ, рыдаютъ, протягиваютъ руки, и поневолѣ дѣлаютъ безъ стыда весьма многое другое. При наступленіи ночи бѣдняга бродитъ по площадямъ и всѣмъ переулкамъ, недоумѣвая и не зная, какъ провести ему ночь. И можетъ-ли онъ спать, когда чрево его прогоняетъ его сонъ, терзаясь мучительнымъ голодомъ, когда наступаетъ холодъ и идетъ дождь. Ты вымывшись въ банѣ, облекаешься въ мягкія одежды, возвращаешься съ радостію и веселіемъ домой, поспѣшая къ приготовленному роскошному ужину, а онъ, непрестанно гонимый холодомъ, и голодомъ, ходитъ по всѣмъ площадямъ съ поникшей головою, протягивая руки и даже отъ страха не смѣя напомнить сытому и покоющемуся о необходимой пищѣ, а часто и отходитъ осы-

паемый укоризнами.... Подобно псамъ, онъ ходитъ по переулкамъ въ мракѣ и грязи и возвращается оттуда часто не домой, не къ женѣ, не на ложе, а на кучу сѣна, подобно, псамъ лающимъ во всю ночь, и, лежа въ рубищѣ на сѣнѣ и въ грязи, переноситъ страшный холодъ.... Но все это насъ не трогаетъ. И вотъ, чтобы тронуть наше безчувствіе, нѣкоторые принуждены бываютъ ослѣплять малолѣтнихъ дѣтей. Такъ какъ, скитаясь зрячими и обнаженными, они не могли привлечь вниманія жестокосердыхъ ни нѣжностію возраста, ни несчастіемъ, то присоединили къ своимъ бѣдствіямъ еще другое плачевнѣйшее бѣдствіе для утоленія голода, находя болѣе легкимъ лишиться общаго свѣта и дарованныхъ всѣмъ лучей солнечныхъ, нежели непрестанно бороться съ голодомъ и подвергаться самой жалкой смерти.... Есть бѣдные, легкомысленные и малодушные, которые не могутъ переносить голода и готовы терпѣть все другое, кромѣ этого. Они, неоднократно приступая къ вамъ съ жалкимъ видомъ, и жалобными словами, но не получивъ никакой помощи, наконецъ оставляютъ просьбу и прибѣгаютъ къ хитростямъ не хуже кудесниковъ: одни жуютъ кожи изношенной обуви, другіе вбиваютъ въ голову острые гвозди, иные ложатся на лёдъ обнаженнымъ чревомъ, а иные подвергаюъ себя еще болѣе нелѣпымъ мученіямъ, дабы представить жалкое зрѣлище". Вмѣстѣ съ подобными картинами, разсчитанными на то, чтобы возбудитъ въ богачахъ сострадательность кь жалкой участи нищихъ, Златоустъ старался указывать богачамъ и всевозможныя побужденія къ благотворительности. Въ перечисленіи этихъ побужденій онъ былъ положительно неистощимъ, такъ что самъ сознавался, что можетъ указать ихъ „цѣлыя тысячи".

Каждый богачъ, по мнѣнію Златоуста, долженъ благотворить другимъ уже потому, что это для него самаго можетъ быть очень полезно, такъ какъ онъ самъ нечаянно можетъ очутиться въ положеніи такой бѣдности, что будетъ нуждаться въ помощи другихъ, между тѣмъ какъ нищій случайно можетъ сдѣлаться богачемъ. „Богатство",

говоритъ Златоустъ, есть бѣглый рабъ, который нынѣ служитъ одному, а завтра перебѣгаетъ къ другому". При такой перемѣнчивости счастія, богачъ, помогающій другимъ, пріобрѣтаетъ себѣ на случай бѣдности друзей, всегда готовыхъ по мѣрѣ силъ помочь ему, тогда какъ скупецъ въ трудную минуту можетъ остаться совершенно безпомощнымъ. Далѣе. Такъ какъ богачи стараются обыкновенно пріобрѣсти себѣ извѣстность между людьми, то имъ для этой цѣли не можетъ быть лучшаго средства, какъ благотворительность. Вмѣсто пустой и ложной славы, достигаемой чрезъ роскошь, которая скорѣе безславитъ богачей, благотворительность можетъ доставить имъ самую лучшую извѣстность и самую добрую славу. „Милостивыхъ людей", говорилъ проповѣдникъ: „хвалятъ не только тѣ, которые облагодѣтельствованы ими, но и тѣ, которые ничего не получили отъ нихъ. О человѣкѣ милосердомъ всѣ говорятъ: „да вознаградитъ его Богъ! Какое-же ты получилъ отъ него благодѣяніе? Не я, но братъ мой, не я, но сочленъ мой; добро, сдѣланное ему, я отношу къ себѣ".... О милосердомъ, если случится съ нимъ какое нибудь несчастіе, всѣ молятся: „помилуй его Боже, сохрани его, надѣли его добромъ!" Мало того: любятъ и уважаютъ не только самихъ милосердыхъ людей, но и дѣтей ихъ. Представь-же, какая честь видѣть своихъ дѣтей любимыми множествомъ людей, и слышать, какъ всѣ говорятъ, когда богатство употреблено на пропитаніе бѣдныхъ: „это—сынъ человѣка любимаго, это—сынъ милостиваго". Такимъ образомъ уже въ интересахъ самихъ богачей кроются довольно сильныя побужденія къ благотворительности.

Но интересы каждаго человѣка тѣсно связаны съ интересами цѣлаго общества и находятся въ прямой зависимости отъ нихъ; поэтому каждый человѣкъ долженъ заботиться не только о своемъ собственномъ благѣ, но и о благѣ другихъ членовъ общества, если хочетъ обезпечить прочность своего благополучія. Кто употребляетъ все, что имѣетъ, только на себя одного, тотъ по мнѣнію Златоуста, такъ-же вредитъ себѣ и обществу, какъ

вредило бы себѣ и всему человѣческому организму чрево, если бы оно одно пользовалось тою пищей, которую оно принимаетъ въ себя, нисколько не удѣляя ея другимъ частямъ тѣла. Съ другой стороны и само общество, по взгляду проповѣдника, должно заботиться одинаково обо всѣхъ своихъ членахъ, а не о нѣкоторыхъ только избранныхъ. Въ противномъ-же случаѣ, то есть когда одни изъ его членовъ будутъ благоденствовать, а другіе терпѣть всевозможныя лишенія, обществу будетъ грозить опасность разложенія, такъ какъ между членами его неизбѣжно явится вражда, уничтожающая самое главное условіе для прочности общества, именно единодушіе членовъ. Многіе города и даже цѣлые народы погибли, по мнѣнію Златоуста, именно вслѣдствіе того, что допущено было слишкомъ большое неравенство въ распредѣленіи богатства между различными общественными сословіями.

„Всѣ люди, говоритъ еще Златоустъ, по природѣ своей одинаковы и надѣлены отъ Творца одними и тѣми-же дарами счастія, всѣ живутъ на одной и той-же землѣ, для всѣхъ существуетъ одно небо и хоръ звѣздъ, всѣхъ безъ различія освѣщаетъ одно и то же солнце, всѣ имѣютъ одинаковую потребность въ пищѣ, одеждѣ и т. под. Поэтому, если люди думаютъ, что богатство, какъ средство для удовлетворенія нуждъ, составляетъ собственность только нѣкоторыхъ, то думаютъ такъ не иначе, какъ вопреки собственной своей природѣ, нуждающейся у всѣхъ въ одномъ и томъ-же, и вопреки природѣ внѣшней, предлагающей всѣмъ одни и тѣ-же блага". „Даже и у безсловесныхъ животныхъ", говорилъ Златоустъ: „все общее: и земля, и источники, и пастбища, и горы, и лѣса, и ни одно изъ нихъ не имѣетъ больше другого, а ты, человѣкъ, кротчайшее животное, дѣлаешься свирѣпѣе звѣря, заключая въ одномъ своемъ домѣ пропитаніе тысячи и даже многихъ тысячъ бѣдныхъ".

Но главнѣе всего, Златоустъ проводитъ ту мысль, что никто изъ людей не имѣетъ права называть что либо своимъ, такъ какъ все принадлежитъ Богу. „Кто присвояетъ себѣ богатство и тратитъ его только на свои из-

лищества, тотъ, по мнѣнію Златоуста, есть воръ собственности у Бога и у всѣхъ тѣхъ, кому Онъ заповѣдалъ благотворить, подобно тому, какъ считается воромъ царскій казнохранитель, которому ввѣрено имущество для того, чтобы онъ сберегалъ его, расходовалъ на свои необходимыя нужды и раздавалъ, кому будетъ приказано, но который злоупотребилъ довѣріемъ государя и истратилъ все ввѣренное на свои прихоти". И какъ этотъ казнохранитель за растрату „подвергается наказанію и погибели, такъ точно и богачъ, который есть не болѣе, какъ пріемщикъ денегъ, слѣдующихъ къ раздачѣ, если истратитъ на себя сколько нибудь сверхъ необходимой нужды, то подвергается жесточайшему наказанію и погибели; ибо его имущество не ему принадлежитъ, но сорабамъ его". Такимъ образомъ подавая милостыню, богачъ, по мнѣнію Златоуста, возвращаетъ бѣднымъ лишь то, что принадлежитъ имъ по праву, данному самимъ Богомъ. Уважать это право, какъ заповѣдь Божію, есть прямая обязанность всѣхъ имущихъ христіанъ.

Къ сему присоединяется еще полное и безусловное право Христа, „Который, въ лицѣ нищихъ, Самъ приходитъ просить подаянія" и этимъ сообщаетъ благотворительности характеръ самаго священнаго и непреложнаго долга для тѣхъ изъ своихъ послѣдователей, которые имѣютъ возможность благотворить. Кто отказываетъ Христу въ кускѣ хлѣба, когда Онъ доставляетъ людямъ всѣ блага, и въ стаканѣ воды, когда Онъ пролилъ за всѣхъ Свою кровь, вообще кто не подаетъ Христу изъ принадлежащаго Ему-же, тотъ, по мнѣнію Златоуста, оказываетъ по отношенію къ Нему не только жесточайшую неблагодарность, но и самую вопіющую несправедливость, требующую возмездія, равносильнаго оскорбленію самой личности Христа Спасителя, такого возмездія, для котораго мало и геенны. Напротивъ, кто въ лицѣ нищихъ подаетъ Христу, „скитающемуся въ наготѣ, переходящему отъ дверей къ дверямъ, стоящему на распутіяхъ и простирающему руки", тотъ оказываетъ величайшую заслугу передъ Нимъ и покрываетъ своей милосты-

ней всѣ, даже самые тяжкіе, грѣхи. „Милостыня", говорилъ Златоустъ: „имѣетъ такую силу, что можетъ спасти милостивыхъ людей даже въ томъ случаѣ, еслибъ они умерли, не успѣвши покаяться въ своихъ грѣхахъ". Такіе люди спасутся по ходатайству за нихъ облагодѣтельствованныхъ ими лицъ и въ особенности по ходатайству Христа, „Который всѣ благодѣянія, сдѣланныя нишимъ, относитъ къ Самому Себѣ" и хотя принимаетъ руками бѣдныхъ изъ своего-же собственнаго добра, тѣмъ не менѣе считаетъ Себя „одолженнымъ" со стороны благотворителей и не можетъ поэтому допустить, чтобы они остались безъ вѣчной награды. О спасительной силѣ милостыни Златоустъ товорилъ несравненно чаще, чѣмъ о всѣхъ другихъ побужденіяхъ къ благотворительности, такъ какъ вѣроятно надѣялся, что мысль о прощеніи грѣховъ за милосердіе можетъ болѣе всего расположить къ подаянію грѣшныхъ гражданъ Антіохіи, не привыкшихъ и не хотѣвшихъ долгимъ и усиленнымъ трудомъ завоевывать себѣ вѣчное счастіе. „Милостыня", говорилъ проповѣдникъ, „есть царица добродѣтелей. Легки ея крылья, велика сила ея ходатайства; она достигаетъ до самаго царскаго престола и безпрепятственно возноситъ туда своихъ питомцевъ", то есть людей благотворительныхъ.

Указывая богачамъ различныя побужденія къ благотворительности, Златоустъ въ тоже время постарался опровергнуть и различныя возраженія, какія выставлялись ими противъ подачи милостыни. Особенно сильнымъ возраженіемъ со стороны богачей была ссылка на то, что нищіе почти всѣ обманщики и заражены самыми низкими пороками и, слѣдовательно, недостойны милостиваго отношенія къ нимъ. Хотя богачи, повидимому, были и правы, однако Златоустъ съумѣлъ съ полной силой опровергнуть ихъ доводъ. Признавая, какъ несомнѣнный фактъ, то, что нищіе дѣйствительно сильно развращены, онъ подорвалъ упомянутое возраженіе тѣмъ, что показалъ настоящую причину развращенности нищихъ, обвинивъ самихъ богачей въ томъ, въ чемъ на первый разъ казались виноватыми одни нищіе. По мнѣнію Златоуста, богачи сами,

своимъ жестокосердіемъ и безчеловѣчностью, развращаютъ бѣдныхъ и вызываютъ развитіе между ними самыхъ ужасныхъ пороковъ и даже преступленій, каково, напримѣръ, ослѣпленіе дѣтей. Если бы богачи были милостивы и не отгоняли отъ себя нищихъ, то послѣднимъ не къ чему было-бы прибѣгать къ разнаго рода хитростямъ и обманамъ, а стоило бы только попросить, чтобы получить удовлетвореніе. Всѣ пороки нищихъ—слѣдствіе ихъ бѣдности, и отъ милосердія богачей зависитъ уничтожить ихъ. Осуждать-же бѣдныхъ и презирать за ихъ пороки богачи не имѣютъ никакого права, какъ потому, что сами ведутъ жизнь хуже нищихъ и своимъ худымъ примѣромъ развращаютъ ихъ, такъ и потому, что обладаніе богатствомъ налагаетъ на нихъ обязанность не судить бѣдныхъ, а оказывать имъ помощь, не обращая вниманія на ихъ достоинства. „Милостыня", говорилъ Златоустъ, „есть дѣло милосердія, а не правосудія, и потому самому называется милостыней, что подается изъ милости, а не по заслугамъ или по достоинству. Все достоинство нищаго—его нужда. Кто придетъ къ намъ съ ней, ни о чемъ не будемъ разыскивать, потому что подаемъ не нраву, а человѣку—сожалѣемъ о немъ не за добродѣтель, а по причинѣ несчастія".—Другимъ, хотя менѣе сильнымъ, но также часто приводимымъ возраженіемъ противъ подачи милостыни была ссылка на то, что бѣднымъ должна благотворить церковь, въ распоряженіи которой находится имущество, назначенное именно для благотворительности". Основательность и этой отговорки опровергнута Златоустомъ самымъ блестящимъ образомъ. Онъ не оспаривалъ того, что церковь не можетъ не заботиться объ участи бѣдныхъ, но разъяснилъ богачамъ, что отсылать нищихъ за помощью къ церкви или къ кому бы то ни было другому, когда просятъ помощи у нихъ самихъ, значитъ то же самое, что отказываться отъ молитвы, потому что церковь молится, или отъ поста, потому что постятся другіе. Дѣлай все самъ и получишь награду". Затѣмъ Златоустъ выставлялъ на видъ богачамъ то, что главная забота церкви—вовсе не матеріальное благосостояніе паствы,

а ея духовное преуспѣяніе. Если-жъ церковь принимаетъ на себя заботу объ улучшеніи матеріальнаго положенія нищихъ и имѣетъ для этой цѣли особое имущество, то-потому только, что богачи сами не хотятъ, помимо церкви, обратить вниманія на бѣдныхъ. Вообще: церковь, по мнѣнію Златоуста, благотворитъ по необходимости, и благотворительность скорѣе отвлекаетъ ее отъ настоящаго своего дѣла, чѣмъ составляетъ прямую ея обязанность. Наконецъ, проповѣдникъ указывалъ богачамъ на то, что церковь не имѣетъ въ своемъ распоряженіи столько средствъ, чтобы удовлетворить нуждамъ всѣхъ бѣдныхъ, между тѣмъ какъ богачи владѣютъ такими громадными средствами, что безъ особеннаго ущерба для себя могли бы избавить отъ нужды всѣхъ бѣдныхъ своего города.

Такимъ образомъ для защиты бѣдныхъ Златоустъ сдѣлалъ все, что только можно было сдѣлать человѣку, облеченному въ санъ пресвитера. Онъ описалъ въ самыхъ яркихъ чертахъ несчастную участь бѣдныхъ, выяснилъ, въ чемъ заключается ея причина, указалъ въ частной благотворительности средство для ея облегченія, представилъ богачамъ всевозможныя побужденія къ благотворительности и постарался опровергнуть всѣ ихъ возраженія противъ помощи бѣднымъ. Такое широкое и горячее заступничество за бѣдныхъ было въ тѣ грубыя времена новостью не только для Антіохіи, но и для всего греко-римскаго міра. „Со временъ Спурія Кассія“, говоритъ Амедей Тьери: „громившаго предъ римскими плебеями ростовщичество патриціевъ, со временъ Гракховъ, проповѣдовавшихъ аграрные законы, никогда подобныя рѣчи до появленія Златоуста... не поражали человѣческаго слуха“. Тоже самое говоритъ въ своей монографіи о Златоустѣ и Поль Альбертъ. И нужно признать, что оба эти писателя совершенно правы въ томъ отношеніи, что считаютъ за рѣдкость такое энергичное заступничество за бѣдныхъ, какимъ отличался Златоустъ. Но Тьери и Поль Альбертъ глубоко ошибаются въ томъ, что ставятъ Златоуста на ряду съ упомянутыми историческими личностями и видятъ въ немъ какого-то демагога. Спурій Кассій и

Гракхи были политическими дѣятелями и хотѣли основать имущественное равновѣсіе на политико-экономическихъ началахъ, между тѣмъ какъ Златоустъ былъ учитель нравственности и думалъ устроить лучшій порядокъ вещей на началахъ чисто нравственныхъ.—При томъ онъ хотѣлъ только сгладить двѣ противоположныя крайности въ отношеніи обладанія дарами счастія, а вовсе не домогался того, чтобы сдѣлать всѣхъ людей одинаково богатыми. Отъ совершеннаго уничтоженія бѣдности Златоустъ не только не ожидалъ улучшенія общественнаго быта, а напротивъ видѣлъ въ этомъ уничтоженіи даже подрывъ для общественной жизни и дѣятельности. „Уничтожь бѣдность, говорилъ онъ, „и ты уничтожишь весь порядокъ жизни: тогда не будетъ ни корабельщика, ни земледѣльца, ни плотника, ни ткача, ни сапожника, ни кузнеца, ни кожевника и никого изъ ремесленниковъ, а безъ нихъ у насъ все разстроится. Если бы всѣ были богаты, то всѣ стали бы жить въ праздности—и тогда все разстроилось бы и погибло". Вмѣстѣ съ тѣмъ Златоустъ признавалъ и нравственное значеніе имущественнаго неравенства. Неравномѣрное распредѣленіе богатства онъ считалъ однимъ изъ существенныхъ условій для поддержанія тѣсной связи между людьми. Богатые, по его мнѣнію, существуютъ для того, чтобы благотворить бѣднымъ, а бѣдные для того, чтобы обращаться къ нимъ за помощью. Первые чрезъ благотворительность пріобрѣтаютъ себѣ въ бѣдныхъ друзей, людей, готовыхъ служить имъ, а послѣдніе видятъ въ благотворителяхъ опору своего существованія. Ни тѣ, ни другіе обойтись другъ безъ друга не могутъ, а потому и привязываются другъ къ другу. Таковъ взглядъ Златоуста на существованіе различій между людьми въ отношеніи обладанія богатствомъ. Оставаясь вѣрнымъ этому взгляду, Златоустъ могъ желать только улучшенія быта бѣдныхъ и быть „не народнымъ вождемъ", какъ думаютъ Тьери и Поль Альбертъ, а ходатаемъ и защитникомъ народа предъ богачами города. И дѣйствительно, Златоустъ, какъ мы видѣли, всегда только возбуждалъ богачей къ благотворительности и никогда не принуждалъ ихъ къ ней.

Вмѣстѣ съ заботами объ улучшеніи быта бѣдняковъ, Златоустъ не могъ не обратить серьезнаго вниманія и на положеніе рабовъ, которыхъ антіохійскіе богачи нерѣдко имѣли тысячи по двѣ, и которые обречены были еще на болѣе жалкую участь, чѣмъ нищіе, особенно въ нравственномъ отношеніи. „Въ современномъ Златоусту обществѣ было распространено мнѣніе о рабахъ, какъ о чемъ-то среднемъ между людьми и животными; ихъ считали неспособными къ благородному и честному образу дѣйствій, имъ ни въ чемъ не довѣряли и полагали, что только грубыя исправительныя мѣры могутъ остановить ихъ отъ всевозможныхъ преступленій". Понятно, что при такомъ взглядѣ на рабовъ, различныя притѣсненія и нравственныя оскорбленія въ отношеніяхъ господъ къ этимъ несчастнымъ людямъ были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Правда, такихъ безчеловѣчныхъ и возмутительныхъ проявленій въ этихъ отношеніяхъ, какія (проявленія) имѣли мѣсто въ древнемъ мірѣ, когда на рабовъ смотрѣли даже хуже, чѣмъ на животныхъ, при Златоустѣ быть не могло, такъ какъ со времени Константина Великаго христіанское правительство начало издавать благодѣтельные указы въ пользу рабовъ; тѣмъ не менѣе въ IV вѣкѣ участь послѣднихъ была еще очень тяжела. Вслѣдствіе долговременнаго существованія рабства, общество настолько привыкло къ этому явленію, что по большей части не хотѣло знать никакихъ императорскихъ указовъ и считало заступничество за рабовъ отнятіемъ у рабовладѣльцевъ ихъ естественныхъ и законныхъ правъ, освященныхъ самой древностью. Чтобы улучшить участь невольниковъ недостаточно было однихъ внѣшнихъ мѣръ, каковы указы, а нужно было перевоспитать самыя убѣжденія общества и, главнымъ образомъ, тѣхъ членовъ его, въ ближайшей зависимости отъ которыхъ рабы находились и которые болѣе, чѣмъ всѣ другіе члены общества, были убѣждены и въ правильности своихъ взглядовъ на рабовъ, и въ естественности грубыхъ отношеній къ нимъ. Златоустъ и принялъ на себя эту задачу: измѣнить взглядъ общества на рабовъ, какъ на „презрѣнную, безправную и

безличную массу, по самому происхожденію своему неспособную ни къ чему благородному и хорошему". Онъ прежде всего постарался внушить рабовладѣльцамъ, что достоинство, или благородство кого бы то ни было заключается не въ происхожденіи, а въ нравственныхъ качествахъ, въ которыхъ нельзя совершенно отказать и рабамъ и которые у послѣднихъ нерѣдко бываютъ даже лучше, чѣмъ у господъ. „Для благородства", говорилъ проповѣдникъ: „требуется не знатность предковъ, а добродѣтельный нравъ. И раба назову благороднымъ, и господина рабомъ, какъ скоро узнаю ихъ нравы. И благородный человѣкъ для меня не благороденъ, если у него рабская душа, ибо кто и рабъ, какъ не работающій грѣху?... Сколько господъ лежатъ пьяные на постели, а слуги подлѣ нихъ трезвые. Кого-же изъ двухъ назвать рабомъ? Раба-ли, служащаго человѣку, или плѣнника страстей"? Такимъ образомъ, уравнивая нравственное достоинство рабовъ и господъ и отдавая въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочтеніе первымъ, Златоустъ доводилъ рабовладѣльцевъ до сознанія, что рабы такіе-же люди, какъ и они, и потому наравнѣ съ ними должны пользоваться всѣми общечеловѣческими правами. При этомъ проповѣдникъ напоминалъ, что общечеловѣческія права отняты у рабовъ не природой и не Богомъ, Который не создалъ рабства, а „ненасытнымъ корыстолюбіемъ нѣкоторыхъ невѣжественныхъ людей", воспользовавшихся такими случайными обстоятельствами, каковы „кровопролитныя войны", для того, чтобы обратить въ свою собственность побѣжденныхъ противниковъ, имѣвшихъ прежде такія же права и такую-же свободу, какъ и сами побѣдители. Въ тоже время Златоустъ постарался выяснить и причину развращенности рабовъ, говорившей повидимому противъ правоспособности ихъ „къ честному и благородному образу дѣйствій" и служившей, какъ казалось рабовладѣльцамъ, достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы обращаться съ рабами самымъ грубымъ образомъ. Какъ въ нравственной испорченности нищихъ онъ обвинялъ богачей, такъ и развращенность рабовъ онъ ставилъ въ вину самимъ рабовла-

дѣльцамъ, которые, по его мнѣнію, своимъ дурнымъ примѣромъ и постоянными оскорбленіями сами довели нравственность рабовъ до крайне низкаго уровня. Чтобы удержать рабовъ отъ пороковъ и преступленій, Златоустъ предлагалъ рабовладѣльцамъ употреблять не грубыя исправительныя мѣры, которыя могли только забивать и ожесточать рабовъ, а тѣже самыя мѣры, какія употребляются для людей свободныхъ. Такъ, онъ совѣтовалъ господамъ позаботиться о нравственномъ воспитаніи рабовъ и о томъ, чтобы подавать имъ хорошій примѣръ своимъ поведеніемъ. Лучшимъ-же изъ всѣхъ средствъ для исправленія рабовъ Златоустъ считалъ дарованіе имъ свободы и часто убѣждалъ рабовладѣльцевъ отпустить на волю по-крайней мѣрѣ тѣхъ рабовъ, которые служили только для одной роскоши и въ которыхъ не было рѣшительно никакой нужды,—убѣждалъ отпустить, впрочемъ, не на произволъ судьбы, а такъ или иначе напередъ устроивъ ихъ судьбу, обучивъ ихъ, напр., какому нибудь ремеслу, чтобы они могли добывать себѣ и пропитаніе и все другое необходимое для жизни, а не умножали собой и безъ того многочисленный классъ бездѣльнаго, нищенствующаго люда. Замѣчательно, что Златоустъ, являясь горячимъ защитникомъ рабовъ, однако воздерживался отъ проповѣди о совершенномъ уничтоженіи рабства, потому, вѣроятно, что видѣлъ цѣлую массу предразсудковъ, дѣлавшихъ невозможнымъ осуществленіе полной свободы въ то время, когда самая проповѣдь объ ограниченіи рабства и особенно о нравственномъ воспитаніи рабовъ была дѣломъ совершенно новымъ и неслыханнымъ для общества.

Разсмотрѣнными нами вопросами исчерпываются почти всѣ главные пункты нравоучительныхъ бесѣдъ Златоуста къ антіохійскому народу, а потому думаемъ, что всего сказаннаго нами совершенно достаточно какъ для характеристики проповѣднической дѣятельности св. Іоанна Златоуста, такъ и для знакомства съ современнымъ ему состояніемъ общественной жизни, которая своими темными и порочными сторонами вызвала его на противодѣйствіе себѣ.

Цитаты:

Стран.	*Строки сверху* *).	
4	5	Толков. на 1 посл. къ Коринѳ. бес. 12, § 7.
—	23	Сл. и бес. Златоуста на разные случаи. Томъ 2-й, стр. 473.
5	31	Златоустъ. Бес. 8-я по поводу низверженія статуй.
6	11	Труды Кіев. Дух. Ак. 1879 г. № 9, стр. 4.
11	1	Монфоконъ. Т. XIII, стр. 284.
—	12	Созоменъ. Кн. 8 я, гл. 2-я.
—	17	Слова Златоуста. Т. 3-й. Слово къ молодымъ вдовамъ, § 3, стр. 406.
12	2	Агапитъ. Жизнь св. Іоанна Злат. Испр. и дополн. изд., стр. 14.
14	27	Златоустъ. Слово о священствѣ.
15	5	Палладій. Разговоръ о жизни Златоуста § 5.
—	12	Прибавл. къ изд. Твор. св. отц. 1855 г., ч. 14, стр. 183.
—	23	Златоустъ. Похвальное слово Мелетію.
16	14	Ѳеодоритъ. Кн. 2-я, гл. 22; Созоменъ 4, 28.
—	24	Epiphan. Haeres. 78.
17	7	Лебедевъ. Подробное описаніе жизни и пастырской дѣят. Златоуста, стр. 11.
19	4	Сократъ. Кн. VI, гл. 3. Созоменъ. Кн. VII, гл. 2.
20	2	Paul Albert, p. 23—24.
21	19	8-я бес. Злат. на 1-е посланіе къ Коринѳ.
—	33	Paul Albert, p. 26—27.
24	10	Прав. Обозр. 1873 г., ч. 2, стр. 189.
—	27	1 т. бес. къ ант. народу, ктр. 508.
—	34	Тамъ же, стр. 509.
28	21	I т. словъ и бес. на разные случаи. Бесѣда о мучен. Вавилѣ, стр. 177.
—	23	2. т. словъ и бес. на разные случаи. Слово на новый годъ, стр. 11.

---

*) Цитаты относятся къ тому мѣсту въ указанной строкѣ, гдѣ поставлена точка.—При ссылкахъ на творенія св. I. Златоуста—имѣлось въ виду первое изданіе этихъ твореній, сдѣланное при Петербургской Духовной Академіи.

Стран.	*Строки сверху.*	
29	30	Ovid. in fast de Ian., стр. 67.
30	3	Слово на новый годъ, стр. 5.
—	28	1-е слово противъ іудеевъ, § 2.
—	37	Тамъ же, § 4, стр. 458.
31	9	Тамъ же.
32	7	2 т. сл. и бес. на разные случаи, стр. 306.
—	22	12 бес. на 1 посл. къ корино.
—	27	2 т. сл. и бес. на разн. сл., стр, 305.
32	37	12-я бес на 1 посланіе къ Коринѳ.
33	3	Правосл. Обозр. 1873 г., ч. 2, стр. 838.
—	12	Tacit. Annal. 11, 69.
—	23	Созоменъ. Кн. 6, гл. 18.
—	34	Лебедевъ. Подр. опис. жизни и пастыр. дѣят. Златоуста, стр. 125.
34	14	Златоустъ. 8-е слово противъ іудеевъ.
—	21	Тамъ же.
35	2	1-е слово противъ іудеевъ.
—	23	2-е слово о мученикѣ Вавилѣ.
36	19	Neander. Crysostom. und seine Zeit. Th. 1, s. 340.
37	2	Златоустъ. Слово на новый годъ, стр. 7.
—	11	2 т. словъ и бесѣдъ на разные случаи, стр. 306.
—	30	Тамъ же.
—	38	12 бес. на первое посланіе къ Коринѳ.
38	36	2 т. сл. и бес. на разные случаи.
39	19	Правосл. Обозр. 1873 г., ч. 2, стр. 202.
40	12	Душеп. Чт. 1878 г., январь, стр. 44.
—	22	Шерра. «Всеобщ. ист. литературы». Перевод. издан. 1867 г., стр. 116.
—	31	2 т. бес. къ антіох. народу, стр. 180.
—	35	Душеп. Чт. 1878 г., январь, стр. 45.
41	5	Тамъ же, стр. 44.
—	13	2 т. бес. къ антіох. народу, стр. 68.
42	5	2 т. словъ и бес. на разные случаи, стр. 342.
—	20	2 т. бес. къ антіох. народу, стр. 178.
—	36	Тамъ же, стр. 360.
43	5	« стр. 120.
—	9	1 т. сл. и бес. на разные случаи, стр. 231.
—	11	Кипріанъ Каро. Письма къ Донату, стр. 12.
—	23	2 т. сл. и бес. на разные случаи, стр. 341.
44	6	О покаяніи 4 бес. § 3, стр. 362.
—	34	68-я бес. на Еванг. Мѳ., § 4.
45	8	2-й т. бес. къ антіох народу. стр. 67 и 186.
—	38	« « стр. 361.
46	10	« « стр. 466.

Стран.	*Строки сверху.*	
—	31	1 т. бес. къ антіох. народу, стр. 224.
47	8	» » стр. 181.
—	20	1 т. сл. и бес. на разные случаи, стр. 231.
—	24	» » стр. 15.
—	35	Душеп. Чт. 1878 г., январь, стр. 47.
48	15	1 т. сл. и бес. на разные случаи, стр. 15.
—	29	Агапитъ. Жизнь св. І. Златоуста, стр. 233.
—	34	Тамъ же.
49	8	2 т. сл. и бес. на разные случаи, стр. 303.
50	15	Агапитъ, стр 228.
—	37	Бес. на 1 посл. къ Тимоѳею, стр. 112.
51	5	2 т. бес. на Еванг. Іоанна, стр. 353.
—	16	2 т. бес. на псалмы, стр. 529
—	21	Бес. на 1 посл. къ Коринѳ., стр. 4. § 4.
—	29	Тамъ же, § 5.
—	35	2 т. бес. на Еванг. Іоанна, стр. 354.
52	10	Тамъ же.
—	28	Труды Кіев. Дух. Ак. 1879 г., сентябрь, стр. 3.
53	8	2 т. бес. на Еванг. Іоанна, стр. 601.
—	10	2 т. бес. на псалмы, стр. 548.
—	33	Тамъ же. » стр. 547.
54	3	Тамъ же. » стр. 543.
—	21	Тамъ же. » стр. 535.
55	25	1 т. бес. къ антіох. народу, стр. 238.
—	36	1 т. бес. на Еванг. Іоанна, стр. 270.
56	2	Тамъ же.
—	13	Тамъ же.
—	38	2 т. бес. на 1 посл. къ Коринѳ., стр. 365
57	14	2 т. сл. и бес. на разные случаи, стр. 152—153.
58	38	1 т. бес. на 1 посл. къ Коринѳ., стр. 205.
59	7	Тамъ же, стр. 107.
—	33	Тамъ же, стр. 108.
60	12	Тамъ же, стр. 109.
—	29	2 т. бес. на Еванг. Іоанна, стр. 515.
61	10	Тамъ же, стр. 713.
—	18	Тамъ же, стр. 412.
—	25	Тамъ же, стр. 414.
62	12	1 т. бес. на 1 посл, къ Коринѳ. стр. 254.
—	26	2 т. бес. на Еванг. Іоанна, стр. 413.
63	3	2 т, бес. на псалмы, стр. 520.
—	17	1 т. бес. на 1 посл. къ Коринѳ., стр. 190—191.
64	14	66 бес. на Еванг. Матѳея, стр. 657.
66	24	2 т. бес. къ антіох. народу, стр. 429.
67	2	2 т. бес. на псалмы, стр. 544.

Стран.	*Строки сверху.*	
—	28	Тамъ же, стр. 546.
68	4	10 бес. на 1 посл. къ Коринѳ., стр. 85.
—	34	2 т. бес. на псалмы, стр. 548—549.
69	8	1 т. бес. къ антіох. народу, стр. 69
—	15	Тамъ же.
—	25	1. т. бес. на Еванг. Іоанна, стр. 326,
—	34	Тамъ же, стр. 128.
—	37	Тамъ же, стр. 127.
70	1	2 т. бес. къ антіох. народу, стр. 311.
—	4	Тамъ же.
—	12	Тамъ же, стр. 312.
—	23	2 т. бес. на псалмы. стр. 549.
—	31	21 бес. на 1 посл. къ Коринѳ.
71	23	Бесѣда о милостыни.
—	27	21 бес. на 1 посл. къ Коринѳ.
—	36	Тамъ же.
72	5	85 бес. на Еванг. Мѳ.
—	8	Тамъ же, стр. 657.
—	14	21 бес. на 1 посл. къ Коринѳ.
—	31	Amedée Thiery. S. Iean Chrysostome et l'Impera' Eudoxie, p. 39.
—	32	Paul Albért, p. 289.
73	19	1 т. бес. къ антіох. народу, бес. 5, стр. 95.
74	12	Правосл. Обозрѣн. 1873 г., ч. 2, стр. 208.
—	22	Прав. Собес. 1860 г., ч. 1, стр. 149.
75	2	Прав. Обозр. 1873 г., ч. 2, стр. 207.
—	16	Бесѣда о Лазарѣ, стр. 180.
—	30	22 бес. на книгу Бытія.
76	11	Правосл Обозр. 1873 г., ч. 2, стр. 208.

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ

И ЕГО ВРЕМЯ.

Ровно 1500 лѣтъ тому назадъ, въ самую пору расцвѣта христіанства, 14 сентября, въ тяжеломъ и безвѣстномъ изгнаніи, въ окрестностяхъ глухой армянской деревушки Команы, въ церкви св. Василиска, отошелъ въ вѣчность знаменитый столпъ христіанства, св. Іоаннъ Златоустъ, архіепископъ стольнаго города Константина, добрый, нелицепріятный пастырь и твердый борецъ за правду Христову, человѣкъ необыкновеннаго нравственнаго подъема и воодушевленія, выдающійся духовный ораторъ, покорявшій своихъ слушателей удивительнымъ краснорѣчіемъ, въ которомъ счастливо сочетались внѣшнія формы ораторскаго таланта съ идейнымъ горѣніемъ христіанскаго сердца,—чистаго, пламеннаго, воодушевленнаго высокими идеалами Евангельской Христовой истины.

Теперь, когда насъ отдѣляетъ отъ момента блаженной кончины Златоуста уже цѣлое полуторатысячелѣтіе, объ этомъ знаменитомъ дѣятелѣ христіанства конечно не можетъ быть двухъ мнѣній. Исторія давно уже произнесла свой безпристрастный судъ надъ личностью Златоустаго пастыря. Весь христіанскій міръ, безъ различія вѣроисповѣданій, замѣчательно единодушно сплетаетъ вокругъ его главы пышный лавровый вѣнокъ и окружаетъ его личность ореоломъ неувядаемаго величія и славы. Католическая церковь въ настоящіе юбилейные дни посвящаетъ ему цѣлый рядъ торжествъ. Православная Церковь точно

также сегодня по всей Россіи достойно чтитъ его святое имя. Но если мы перенесемся своею мыслію въ глубь сѣдой старины и пойдемъ вслѣдъ за живымъ Златоустомъ, по стопамъ его жизни, то мы ясно увидимъ тернистый путь его многострадательной пастырской дѣятельности, закончившейся, какъ извѣстно, лишеніемъ каѳедры и постыднымъ изгнаніемъ,—постыднымъ, конечно, не для личности самого Златоуста, а для его властныхъ враговъ. Послѣдніе моменты жизни Златоуста вообще составляютъ скорбныя страницы въ исторіи Церкви. Когда геній Златоуста, можно сказать, достигъ апогея своего величія, когда его нравственный обликъ, какъ пастыря и администратора, особенно величаво обрисовался среди окружающей мрачной дѣйствительности, когда онъ сдѣлался въ буквальномъ смыслѣ слова властелиномъ душъ и сердецъ врученной ему паствы, когда сами язычники — съ нескрываемымъ удивленіемъ—питали зависть предъ его личностью и выражали свое искреннее сожалѣніе, что „христіане его похитили у нихъ“,—въ этотъ именно историческій моментъ моральнаго торжества христіанства Златоустъ и долженъ былъ испытать всю бездну несчастій, которыя обрушились на его голову. Онъ палъ, сраженный интригами придворной аристократіи, поддержанной своенравной мстительной императрицей Евдоксіей, державшей въ это время бразды государственнаго правленія при слабомъ безвольномъ императорѣ Аркадіи. Нравственно чистый, непреклонно твердый, не знавшій сдѣлокъ съ совѣстью, Златоустъ оказался для придворныхъ интригановъ слишкомъ тяжелымъ нравственнымъ ярмомъ, чтобы удержаться въ Константинополѣ, этомъ второмъ Вавилонѣ, по выраженію историка. Были пущены въ ходъ его врагами всѣ средства, чтобы только отдѣлаться отъ ненавистной личности этого „новаго Катона“, который въ это время пріобрѣлъ неограниченное нравственное вліяніе среди простого Константинопольскаго народа, среди всѣхъ, кому дороги были высшіе идеалы христіанской жизни и нравственности. И среди высшаго духовенства нашлись тогда люди, вродѣ Ѳеофила, патр. Александрійскаго, Ака-

кія, еп. Берійскаго, Серапіона, еп. Гавальскаго, которые, по личной злобѣ къ Златоусту, рѣшились устроить видимость канонически-церковнаго осужденія Златоуста.

Такъ составился въ 403 году соборъ въ Халкидонѣ, который извѣстенъ въ исторіи подъ названіемъ „Придубскаго". Небольшое число епископовъ, нарочно привезенныхъ изъ Египта, поддержанное съ одной стороны Евдоксіей, а съ другой епископами—Серапіономъ, Акакіемъ, Кириномъ, подъ предсѣдательствомъ Ѳеофила, и вынесло Златоусту обвинительный вередиктъ, осудивъ его на изгнаніе съ каѳедры. Въ вину Златоусту было поставлено главнымъ образомъ его неуваженіе къ личности императрицы, которую онъ, будто бы, злонамѣренно оскорбилъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, сравнивъ ее съ Іезавелью и назвавъ „Адоксіей", т. е. безславной. При этомъ былъ поставленъ на видъ Златоусту и его еретическій образъ мыслей, который, будто бы, явно обнаружился покровительственнымъ отношеніемъ его къ оригенистамъ, почитателямъ извѣстнаго богослова Оригена, надъ которымъ въ данное время. по проискамъ все того же Ѳеофила, сгущались уже черныя тучи. Собору 39 епископовъ, при покровительственномъ отношеніи къ нему Евдоксіи, конечно, не трудно было добиться утвержденія обвинительнаго акта со стороны императора. Златоустъ былъ осужденъ на низверженіе и долженъ былъ отправиться въ ссылку. Впрочемъ, на этотъ разъ гроза прошла для него сравнительно благополучно. Когда онъ, подъ конвоемъ солдатъ, находился уже въ предмѣстьяхъ Константинополя,—въ Пренсетѣ,—сильное землетрясеніе, разрушившее многія зданія въ Константинополѣ, заставило раскаяться Евдоксію въ своемъ проступкѣ противъ личности Златоуста. Евдоксія, при всей своей вѣтренности и мстительности, была крайне суевѣрной женщиной. Землетрясеніе она объяснила себѣ какъ результатъ гнѣва Божія за поруганную честь Златоуста. Осужденіе съ изгнанника было снято, при чемъ также поспѣшно, какъ и было наложено. Оправданный новымъ соборомъ 65 епископовъ, которые осудили въ свою очередь Придубскій соборъ, Златоустъ

снова вступилъ на каѳедру Константинополя среди всеобщаго ликованія клира и народа. Но ненадолго. Когда первые порывы суевѣрнаго страха предъ судомъ Божіимъ ослабѣли въ душѣ Евдоксіи, когда Златоустъ снова не утерпѣлъ, чтобы не обличить въ своей пламенной проповѣди Евдоксію за чисто языческія празднества, которыя она устроила по случаю открытія серебрянной колонны, возглавленной ея собственнымъ бюстомъ и водруженной около самаго алтаря церкви св. Софіи, Златоусту пришлось снова испытать цѣлый рядъ гоненій. Злоба противъ Златоуста въ душѣ Евдоксіи снова закипѣла. Опять появились на сцену и его духовные судьи—все тѣ же Ѳеофилъ, Акакій, Серапіонъ и Киринъ. На этотъ разъ несочли нужнымъ составлять даже особаго собора и на все дѣло посмотрѣли съ точки зрѣнія постановленій Придубскаго собора. Въ вину Златоусту было поставлено то, что онъ неправильно, будто бы, возвратился на каѳедру, вопреки разъ состоявшемуся осужденію. Хотя подобное обвиненіе было неправильно даже съ формальной стороны, такъ какъ послѣдующимъ соборомъ 65 епископовъ осужденіе было снято съ Златоуста и онъ былъ снова водворенъ на каѳедру по настойчивому желанію самой же Евдоксіи, но, однако, мнѣніе Ѳеофила и его единомышленниковъ было скрѣплено верховной властью императора Аркадія. Златоусту безъ всякаго суда и слѣдствія было предписано немедленно оставить каѳедру. Тщетно Златоустъ взывалъ въ это время къ голосу справедливости и требовалъ надъ собой всецерковнаго суда. Его судьба была отдана въ руки исключительно одной только кучки придворныхъ временщиковъ и интригановъ, не пожелавшихъ, по вполнѣ понятной причинѣ, расширить рамки общецерковной компетенціи.. тѣмъ болѣе, что настроеніе народныхъ массъ и большинства клира было не на сторонѣ судей Златоуста. Константинопольскій народъ и клиръ слишкомъ недвумысленно заявляли свой негодующій протестъ противъ той неправды, какой была окружена личность гонимаго іерарха.

Между тѣмъ критическое положеніе Златоуста обострялось все болѣе и болѣе. Въ праздникъ Рождества Христова самъ императоръ отказался публично принять св. тайны изъ его рукъ. Въ Великую Субботу въ крещальнѣ храма св. Софіи произошло кровавое избіеніе, которому подверглась громадная группа въ три тысячи человѣкъ, приготовившаяся принять отъ Златоуста св. крещеніе. Грубые солдаты, дѣйствовавшіе несомнѣнно по особому наказу, избили въ самомъ храмѣ множество христіанъ, которые не желали отказаться отъ общенія съ своимъ любимымъ епископомъ; при этомъ были осквернены даже св. дары евхаристіи грубыми руками фракійскихъ солдатъ-язычниковъ. На жизнь самого Златоуста было дважды произведено покушеніе, которое было предупреждено только бдительностью его друзей. Наконецъ, 5 іюня 404 года, состоялось утвержденіе императоромъ самаго акта низложенія и изгнанія Златоуста. Кроткій пастырь, ревновавшій больше всего о мирѣ церкви, а не о своемъ личномъ самолюбіи, доровольно уступилъ физической силѣ своихъ настойчивыхъ враговъ. Онъ тайно, незамѣтно для народа, въ сопровожденіи нѣсколькихъ близкихъ ему друзей, оставилъ патріархію и на берегахъ Босфора отдался въ руки ожидавшихъ его чиновниковъ. Такимъ образомъ удалился „ангелъ церкви“, по выраженію его біографа—Палладія Еленопольскаго. На каѳедрѣ Константинополя навсегда замолкли золотыя уста. Златоустъ окружилъ свой уходъ изъ патріархіи такой таинственностью, что народъ узналъ о похищеніи своего пастыря только тогда, когда изгнанникъ подъ конвоемъ стражи уже отплылъ отъ береговъ Босфора. Страшный взрывъ народнаго негодованія былъ отвѣтомъ на эту драму. Въ Константинополѣ поднялось цѣлое возмущеніе, во время котораго въ пламени пожара погибло зданіе сената, были повреждены строенія патріархіи и часть самаго храма св. Софіи. Этотъ неразумный поступокъ толпы еще болѣе ухудшилъ положеніе Златоуста и его друзей, которыхъ вполнѣ естественно заподозрили, если не въ активномъ участіи, то по крайней мѣрѣ въ подстрекательствѣ къ

бунту. Начались жестокія пытки и казни. Самому Іоанну мѣстомъ ссылки былъ назначенъ отдаленный глухой городъ Кукузы (въ Арменіи), населенный полудикими племенами исаврянъ. Болѣе тяжелой пытки для изможденнаго трудовой жизнью старца—нельзя было и придумать. Вдали отъ своихъ друзей, внѣ сферы привычной обстановки, онъ какъ бы заживо погребался въ Исаврійскихъ горахъ; у него былъ оборванъ самый жизненный нервъ его существованія. Когда же оказалось, что и въ полудикихъ Кукузахъ Златоустъ сумѣлъ проявить кипучую дѣятельность и снискать симпатіи среди жителей, враги перебросили его въ Питіунтъ, еще болѣе отдаленный и глухой городъ Арменіи. На пути туда и закончилась трудовая жизнь св. мученика. И безъ того надорванный, организмъ Златоуста наконецъ не выдержалъ. Возлѣ Команы, при гробницѣ св. Василиска, онъ мирно закончилъ свою жизнь съ знаменательными словами на устахъ: „Слава Богу за все". Таковъ заключительный скорбный аккордъ жизни знаменитаго Златоуста, которому мы сегодня сплетаемъ лавровый вѣнокъ.

Вскорѣ же послѣ смерти Златоуста его поруганная честь была возстановлена. Еще при патріархѣ Аттикѣ, второмъ преемникѣ мученика-патріарха, въ 417 г., (т. е. черезъ 10 лѣтъ послѣ его кончины), его имя было занесено въ диптихи Константинопольской церкви. То же было сдѣлано еще въ 413 г. Александромъ Антіохійскимъ и Кирилломъ Александрійскимъ. Такимъ образомъ Златоустъ былъ прославленъ, какъ святый мужъ, безупречный дѣятель церкви. По указу императора Θеодосія Младшаго въ 438 г. его останки были перенесены изъ Команы въ Константинополь. Халкидонскій Вселенскій соборъ (451 г.) прославилъ его, какъ знаменитаго проповѣдника, упрочивши за нимъ самое названіе Златоуста, подъ какимъ онъ извѣстенъ и теперь всему христіанскому міру. Такимъ образомъ безпристрастный судъ исторіи былъ произнесенъ надъ нимъ.

Ясно, что Златоустъ оказался для потомковъ внѣ всякаго подозрѣнія и во всякомъ случаѣ онъ не былъ

возмутителемъ народа въ дурномъ смыслѣ этого слова, какъ это казалось иногда разстроенному воображенію его враговъ. За что же, спрашивается, постигла Златоуста столь суровая кара со стороны его современниковъ,— императора Аркадія и нѣкоторыхъ представителей церкви? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ самомъ характерѣ дѣятельности св. Златоуста, какъ администратора церкви и духовнаго писателя, и прежде всего въ тѣхъ историческихъ обстоятельствахъ, среди которыхъ долженъ былъ развернуться его могучій геній. Нельзя, конечно, отвергать, что въ трагической судьбѣ Константинопольскаго пастыря видную роль играли и чисто случайныя обстоятельства—личная злоба мстительной Евдоксіи, совершенно своеобразное интриганство Ѳеофила, человѣка искательнаго, злобнаго, неразборчиваго въ средствахъ борьбы. Но все же несомнѣнно, что въ судьбѣ Златоуста дѣйствовали также и глубоко историческіе факторы; въ самой атмосферѣ окружающей дѣйствительности былъ какой то микробъ, который въ 14 вѣкѣ обычно губилъ всѣхъ лучшихъ дѣятелей церкви, подобныхъ Златоусту. Извѣстно, что Аѳанасій Великій, этотъ общепризнанный „отецъ православія“ чуть ли не половину своего долгаго епископствованія въ Александріи провелъ въ ссылкѣ и изгнаніи (всего пять разъ—при Константинѣ,—при Констанціи два раза, при Валентѣ и Юліанѣ). Василій Великій все время долженъ былъ работать подъ страшнымъ гнетомъ со стороны императора Валента и, если удержался на каѳедрѣ, то только по своимъ исключительнымъ административнымъ дарованіямъ. Григорій Нисскій, этотъ лучшій христіанскій философъ и богословъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ епископствованія, закончилъ свою жизнь въ безвѣстномъ изгнаніи. Григорій Богословъ, эта краса Константинополя, талантливѣйшій мыслитель и проповѣдникъ, самъ не выдержалъ тягостей окружающей административной обстановки и сложилъ съ себя званіе епископа Константинопольскаго, отправившись въ уединеніе монастырскаго затвора. Іеронимъ Стридонскій съ первыхъ же шаговъ своей церковно-административной дѣятельности,

оставилъ всякую мечту о дальнѣйшемъ прохожденiи церковныхъ должностей и весь ушелъ въ науку, замкнувшись на цѣлые 35 лѣтъ въ затворъ Виѳлеемскаго монастыря. Амвросiй Медiоланскiй, этотъ Златоустъ Запада—долженъ былъ пустить въ ходъ всю свою дипломатiю, весь громадный запасъ своего административнаго таланта, чтобы въ своей кипучей дѣятельности не разбиться о подводные рифы современной ему государственно-общественной обстановки. Кириллъ Александрiйскiй, этотъ знаменитѣйшiй дѣятель Александрiи эпохи несторiанства, долженъ былъ перенести всѣ тяжести темничнаго заключенiя прежде, чѣмъ добился торжества истины въ своей борьбѣ съ Константинопольскимъ епископомъ Несторiемъ и покровительствующимъ Несторiю влiянiемъ двора. И такъ.... было со всѣми дѣятелями христiанства IV вѣка, которые теперь, по всей справедливости почитаются гордостью церкви, прославляются какъ столпы и утвержденiе христiанской истины и жизни. И, наоборотъ, всѣ епископы, плывшiе въ утлой ладьѣ традицiонныхъ устоевъ современности, вродѣ Нектарiя, предшественника Златоуста по каѳедрѣ, который замѣчателенъ въ исторiи только тѣмъ, что никогда не возвышалъ своего пастырскаго голоса и въ пышности и великолѣпiи своего патрiаршаго обихода соперничалъ съ богатѣйшими магнатами Константинополя,—вродѣ Ѳеофила Александрiйскаго, выдающагося придворнаго интригана, всегда примыкавшаго къ сильнѣйшей придворной партiи,—вродѣ Арсакiя Константинопольскаго (преемника Златоуста), котораго даже церковные бытописатели называютъ не иначе какъ „гнилымъ пенькомъ“ (Симеонъ Метафрастъ),—всѣ эти и другiе многочисленные епископы IV вѣка, теперь совсѣмъ позабытые, безвѣстные,—до конца своей жизни мирно проходили свое несложное служенiе и пользовались неизмѣнной твердостью своего положенiя.

Такимъ образомъ факты исторической дѣйствительности свидѣтельствуютъ о томъ, что въ самой атмосферѣ церковно-общественной жизни эпохи Златоуста не все обстояло благополучно: были какiя то скрытыя причины,

которыя тормозили обычно дѣятельность лучшихъ представителей христіанства въ ихъ борьбѣ за идеалы Христовой истины,—какъ въ области религіозной метафизики, такъ и въ области христіанской этики. Эти причины несомнѣнно скрываются въ дуализмѣ міровоззрѣнія, которымъ прорѣзывается вся исторія древняго христіанства. Первые вѣка представляютъ намъ позорище нескончаемой упорной борьбы двухъ міровъ, двухъ міросозерцаній,—христіанскаго и языческаго. Эта борьба фактически не прекратилась для церкви и съ знаменательнаго момента объявленія христіанства свободнымъ въ римскомъ государствѣ (имѣемъ въ виду Миланскій эдиктъ Константина 315 года). Борьба съ этого момента только измѣнилась по формѣ, но не по существу. Съ 315 года прекратились юридическія гоненія на христіанъ со стороны языческаго государства, умолкли неистовые крики языческой черни: „ad leones christianos“—ко львамъ христіанъ! Но борьба въ области идей не прекратилась, не прекратилась потому, что само римское государство и вся римская общественность, выступивши подъ знаменемъ креста Христова, сохранили въ сущности традиціонные устои языческаго міросозерцанія, весь строй традиціонной языческой практики жизни. Христіанство и въ своей религіозной метафизикѣ и въ своей религіозной этикѣ отъ начала до конца было проникнуто возвышенными идеалами,—оно стремилось возвысить нравственный обликъ эмпирическаго человѣка и ставило ему высокій идеалъ подражанія І. Христу. Язычество, наоборотъ, спускало человѣка съ высотъ идеализма въ юдоль узкаго матеріалистическаго эпикуреизма и эту идеологію эпикуреизма воплотило въ неподвижныя формы опредѣленнаго, чисто языческаго, государственнаго и общественнаго строя. Самое религіозное сознаніе язычника, грека и римлянина, вполнѣ гармонировало съ ихъ міровоззрѣніемъ. Величественные боги небеснаго Олимпа постепенно приблизились въ ихъ сознаніи къ нравственному уровню обыкновенныхъ людей,—боги стали людьми въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Вѣковая связь религіи политеизма

съ римской государственностью въ данномъ отношенiи несомнѣнно имѣла рѣшающее значенiе. Въ греко-римскомъ мiрѣ связь и взаимоотношенiе религiи и государственности, съ самаго начала ихъ историческаго бытiя, были закрѣплены настолько твердо, какъ нигдѣ, какъ ни въ какомъ другомъ общественно-государственномъ организмѣ. Боги Олимпа всѣ эти безчисленные Зевсы, Юпитеры, Меркурiи, Афродиты, Юноны, были въ тоже время родственной семьей греко-римскихъ царей и императоровъ. Весь сонмъ римскихъ жрецовъ возглавлялся величественной фигурой „Верховнаго жреца"—императора. Религiя политеизма и римское государство вслѣдствiе этого ассоцiировались. Жизнь Олимпiйскихъ боговъ и римскихъ властелиновъ тѣсно слилась даже въ формахъ своего внѣшняго выраженiя. Олимпъ въ представленiи римлянина и грека оказался насельникомъ все того же грѣшнаго мiра—съ его страстями, злодѣянiями, человѣконенавистничествомъ, развратомъ. Вакханалiи совершающiяся въ нѣдрахъ царскихъ палатъ и около царскаго трона, были окружены ореоломъ олимпiйскаго величiя, божественной святости и неприкосновенности. И мы видимъ, что еще Сократъ объявленъ былъ безбожникомъ, святотатцемъ, оскорбителемъ величества, за одно только то, что въ своихъ богословскихъ дiалогахъ осмѣливался открыто живописать народу всю глубину нравственнаго паденiя государственной власти, прикрывающейся авторитетомъ олимпiйскихъ боговъ, низведенныхъ на трибуну безстыдства. Такимъ образомъ отношенiе римской государственности къ религiи, въ силу указаннаго нами сродства идей политеизма съ языческой государственностью, дифференцировалось въ формѣ приниженно-зависимаго служенiя религiи интересамъ государственности. Религiя языческаго политеизма, весь ея iерархическiй строй, культовыя постановленiя, все это было сведено на степень обыкновенныхъ государственныхъ учрежденiй. Здѣсь доминировала не воля боговъ небеснаго Олимпа, а личное усмотрѣнiе все тѣхъ же императоровъ верховныхъ жрецовъ, которые по собственному желанiю являлись законо-

дателями и вдохновителями религіознаго сознанія и самой нравственной религіозной совѣсти. Въ первый, начальный, моментъ формальнаго торжества христіанства, всѣ эти традиціонные устои римской государственности и общественности, конечно, не могли уничтожиться сразу и замѣниться новыми устоями и въ духѣ началъ христіанственности. Римское государство и общественность должны были пережить еще долгій путь эволюціи, чтобы изъ христіанскихъ по формѣ обратиться въ христіанскія учрежденія по самому духу и существу. На практикѣ оказалось, что этотъ начавшійся для римскаго государства процессъ эволюціи сдѣлался въ тоже время ареной страшной борьбы въ нѣдрахъ самой христіанской церкви. Церкви пришлось, какъ и въ первые три вѣка, страшно и упорно бороться съ римскимъ государствомъ и обществомъ, если уже не за внѣшнее правовое существованіе, то за цѣлость самыхъ христіанскихъ устоевъ, которымъ стала грозить теперь серьезная опасность потонуть въ потокѣ всевозможныхъ языческихъ теченій со стороны римскаго общества и государства, не утвердившихся еще въ началахъ христіанскихъ вѣры и жизни.

Въ ряду этихъ теченій, въ области религіозной метафизики—первое мѣсто конечно занимаетъ аріанство съ его чисто языческой религіозно-философской системой сведенія личности Христа, какъ Бога, на положеніе простой твари,—такой же твари, какъ и всѣ прочіе люди. Правда, семена аріанства, какъ языческой отрасли религіознаго богосознанія, скрываются еще въ глубокой древности. Еще евіониты (во 2 в.) и Павелъ Самосатскій (въ 3 в.) проповѣдывали въ сущности такое же ученіе, считая Христа простымъ человѣкомъ. Но тогда это ученіе было мнѣніемъ отдѣльныхъ лицъ небольшой кучки ренегатовъ ортодоксальнаго христіанства. Теперь же аріанство, выступаетъ уже въ формѣ цѣлаго движенія, которое бурною волною захлестываетъ громадную часть христіанскаго общества и успѣваетъ добиться доминирующаго положенія въ глазахъ самого государства. Аріанство, съ его развѣтвленіями на нѣкоторое время—очень продолжи-

тельное—становится даже государственною вѣрою. Самъ императоръ Константинъ, въ общемъ безпристрастный судья религіозныхъ вопросовъ церкви, нѣкоторое время оказываетъ покровительство аріанамъ и все время имѣетъ, въ качествѣ духовныхъ руководителей, аріанствующихъ епископовъ,—Евсевія Кесарійскаго и Евсевія Никомидійскаго, отъ котораго принимаетъ и св. крещеніе. Императоры Констанцій и Валентъ, а изъ западныхъ Валентиніанъ и Юстина выступаютъ уже настоящими апостолами аріанства и, цѣною гоненій на ортодоксальную церковь, возвышаютъ его на положеніе profession de foi самого государства. Таковы первые плоды начавшейся въ IV в. аккомодаціи устоевъ христіанства съ устоями традиціоннаго язычества въ области традиціонной метафизики, при доминирующемъ значеніи римской государственности.

Параллельно—и въ томъ же духѣ—совершалась въ IV вѣкѣ эволюція христіанства и въ области нравственно-практической жизни. И здѣсь государственное положеніе христіанства оказало несомнѣнно громадное вліяніе на пониженіе общаго уровня нравственнаго самосознанія церковнаго общества въ его цѣломъ. Римская государственность и общественность, ставши оффиціально подъ знамя креста Христова, сразу ввело въ лоно церкви множество такихъ членовъ, которые приняли христіанство только по имени, а по духу и по жизни были еще настоящими язычниками. Въ концѣ концевъ, оказалось, что подъ новой формой государства христіанскаго укрылся все тотъ же старый строй бытового языческаго уклада жизни—личной, общественной, государственной... „Проникнутой духомъ язычества осталась вся общественная жизнь Византіи; съ ея языческими идеями, съ ея церемоніальными торжествами, съ ея тріумфами, съ ея гордостью, съ ея самоупоеніемъ и со всею позолоченной ветошью языческаго міра, которая охватывала всѣ общественные нравы и была узаконена государственнымъ правомъ". Государство естественно не могло отрѣшиться и отъ традиціоннаго языческаго взгляда на самое отношеніе религіи къ государственности. Какъ древній Олимпъ, церковь оказа-

лась въ концѣ концевъ подчиненной государству. Парализовалась всеосвящающая сила нравственнаго вліянія церкви чрезъ ея союзъ съ двоевѣрнымъ полуязыческимъ-полухристіанскимъ государствомъ.

Такимъ образомъ жизнь христіанскаго общества—на самой зарѣ государственнаго положенія христіанства въ имперіи—поставила на очередь разрѣшеніе кардинальнаго вопроса первостепенной важности. Церкви предстояла задача серьезно заботиться объ укрѣпленіи христіанскаго ученія, какъ въ области метафизики, такъ и въ области этики. Задача борьбы до чрезвычайности усложнилась при этомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что противоположная христіанству идеологія была глубоко заложена въ самыхъ основахъ традиціонной римской государственности и санкціонировалась всѣмъ ея традиціоннымъ укладомъ. Со стороны церкви, самымъ ходомъ вещей, требовался такимъ образомъ особенный героизмъ, чрезвычайный подъемъ духа и энергіи, чтобы спасти устои христіанства, привить евангельскіе идеалы къ самосознанію современнаго общества. И такіе герои духа нашлись, не смотря на то, что общее разложеніе нравственно-религіозныхъ устоевъ въ данный переходный моментъ роковымъ образомъ отразилось на настроеніи самой іерархіи. Среди іерарховъ IV вѣка было много такихъ лицъ, которые вмѣстѣ съ обществомъ спустились съ неба на землю и усвоили себѣ идеологію современной языческой жизни. Появились всѣ эти Акакіи беррійскіе, Θеофилы александрійскіе, Кирины, Северіаны, которые показали всю свою нравственную безличность въ грустной исторіи Златоуста.

Герои христіанскаго духа вышли не изъ этой среды, а изъ иной ограды церковной, какой съ самаго начала IV вѣка оказалось монашество.

Знаменательно самое появленіе монашества, какъ разъ въ пору государственнаго положенія христіанства въ имперіи, въ пору начавшагося разложенія его нравственно-религіозныхъ устоевъ. До IV в. монашества, какъ строго организованнаго института отшельничества, не было,—

не было потому, что въ самой жизни церкви первыхъ трехъ вѣковъ не представлялось еще повода къ образованію среди вѣрующихъ особаго класса людей, вынужденныхъ внѣ міра созидать свое нравственно-духовное величіе. Христіанская община первыхъ трехъ вѣковъ была еще настолько крѣпка нравственно-религіозной устойчивостью, что представляла изъ себя какъ бы одно соорганизованное тѣло, одушевленное высокимъ горѣніемъ нравственно-религіознаго духа. Только съ начала IV вѣка, когда обнаружилось нравственно-религіозное разложеніе среди членовъ самой христіанской общины, оказалось на лицо необходимость уйти отъ этихъ членовъ въ монастырскіе затворы и здѣсь, вдали отъ міра, созидать свое нравственное величіе. Такимъ образомъ самая жизнь выдвинула появленіе монашества, съ его аскетическими идеалами, съ его обѣтомъ дѣвства. Такъ образовалась какъ бы особая церковь въ церкви, но возросшая въ интересахъ самой же церкви. Являясь *по формѣ* антиобщественнымъ институтомъ, съ точки зрѣнія общественности государственной, монашество по *существу* своему не было выраженіемъ ренегатства по отношенію къ общественности чисто христіанской. Оно, въ самыхъ основахъ своей идеологіи, представляло только возвратъ къ утраченному нравственно-религіозному совершенству первобытной христіанской общественности. Въ осуществленіи самыхъ обѣтовъ дѣвства монашество не было отрицаніемъ христіанской брачной семейственности въ самомъ ея принципѣ, а только ухожденіемъ отъ этой семейственности въ интересахъ болѣе свободнаго развитія нравственно-религіозной личности. Это былъ своего рода аристократизмъ духа, но приноровленный *только* къ условіямъ индивидуальныхъ стремленій личности къ борьбѣ ея съ нравственно-религіозной приниженностью. Міръ, какъ цѣлое, съ его жизнью по идеаламъ Евангелія, не уничтожался въ сознаніи монаха-аскета. Христіанскій бракъ, чистая христіанская семейственность, государственно-общественныя отношенія, какъ необходимыя основы жизни міра, не исключаются изъ кодекса правилъ монашеской аскетики. Иначе,

были бы невозможны и тѣ выступленія въ міръ внѣшней общественности со стороны многихъ первобытныхъ христіанъ-аскетовъ, которые проявляли свою кипучую дѣятельность не только въ монастырскихъ затворахъ, но и на аренѣ жизни внѣ-монастырской. Всѣ лучшіе дѣятели четвертаго вѣка христіанства были монахами-аскетами по своему первоначальному воспитанію и образованію. Таковы: Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Іеронимъ и, наконецъ, нами нынѣ прославляемый св. Іоаннъ Златоустъ. Всѣ эти знаменитые столпы христіанства IV вѣка, въ монастырскихъ затворахъ создавшіе крѣпость своихъ нравственно-религіозныхъ силъ, закалившіе свой нравственный характеръ, зрѣлые годы своей жизни посвятили міру, для созиданія въ немъ царства Божія. Имъ собственно христіанская церковь обязана тѣмъ, что она вышла чистой и незапятнанной изъ горнила испытаній, предпосланныхъ ей государственно-общественной жизнью IV вѣка. Они собственно на своихъ плечахъ вынесли всѣ тяжести переходнаго момента христіанизаціи римскаго общества IV вѣка, какъ въ области метафизики, такъ и въ области этики. Аѳанасій Великій, Василій и оба Григоріи были по преимуществу защитниками метафизической стороны христіанства и своей упорной дѣятельностью прервали грозный потокъ языческой идеи, пронесшійся въ сознаніи христіанъ IV вѣка въ формѣ аріанства.

Іоаннъ же Златоустъ оказался столпомъ христіанства въ области нравственно-практической жизни по преимуществу. Здѣсь лежитъ его главная и незамѣнимая заслуга для церкви и общества. Эта дѣятельность, проведенная имъ на фонѣ мрачной дѣйствительности, и стяжала ему мученическій вѣнецъ въ далекомъ изгнаніи. Намъ нѣтъ необходимости вдаваться въ подробный анализъ всѣхъ мельчайшихъ частностей широкой дѣятельности Златоуста (что можетъ служить предмѣтомъ спеціальнаго изслѣдованія). Мы представимъ только общій образъ его свѣтлаго облика, какой тѣсно связывается съ его личностью, без-

условно великой въ лѣтописяхъ церковной исторіи. И прежде всего самая жизнь Златоуста вызываетъ въ насъ невольное удивленіе своею цѣльностью, твердостью, непреклонностью шествованія по пути нравственно-религіозныхъ идеаловъ христіанства. Сынъ богатаго антіохійскаго аристократа Секунда и Анѳусы, — этой рѣдкостной по своему нравственному величію женщины-христіанки, по адресу которой знаменитый языческій риторъ Ливаній высказывалъ восторженный отзывъ: „какія удивительныя женщины у христіанъ“,—І. Златоустъ еще въ молодости обнаружилъ положительныя черты своего нравственно-религіознаго характера. Онъ въ числѣ немногихъ, исторически извѣстныхъ, лицъ былъ пораженъ тѣмъ двоевѣріемъ, той нравственною распущенностью, какая царила въ окружающемъ его обществѣ. Эта чуткость совѣсти, внѣдренная въ его сердце умѣлымъ воспитаніемъ Анѳусы-христіанки, и опредѣлила его нравственно-религіозную настроенность на всю его жизнь. Критическимъ моментомъ въ его жизни было выступленіе въ Антіохіи въ качествѣ адвоката. Столкнувшись такимъ образомъ съ развратнымъ антіохійскимъ обществомъ лицомъ къ лицу, онъ опытно узналъ язвы своего времени. Тогда же, несомнѣнно, созрѣло у него сознаніе той опасности, какая грозила ему самому со стороны грѣшнаго антіохійскаго общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ зародилось чувство собственной неподготовленности къ борьбѣ съ нравственнымъ разложеніемъ этого общества. Златоустъ покидаетъ поприще адвоката и уходитъ внутрь своего собственнаго духовнаго міра. Начались для него долгіе годы самособранности, выработки своего собственнаго нравственнаго характера, при чемъ Евангеліе сдѣлалось его любимой книгой, въ которой онъ, подъ руководствомъ Анѳусы, жадно искалъ и находилъ идеалъ жизни человѣка-христіанина. Впослѣдствіи Евангеліе,—вообще св. Писаніе,—такъ и осталось единственнымъ руководительнымъ источникомъ всей его дѣятельности, вдохновляющимъ началомъ для его дивной проповѣди. Кто близко знакомъ съ многочисленными рѣчами Златоуста, тотъ прекрасно знаетъ, что всѣ онѣ со-

ставляютъ собственно сплошной комментарій библейскихъ истинъ жизни. Его сочиненія, почти всѣ написанныя въ видѣ гомилій, т. е. живыхъ бесѣдъ,—своего рода расширенное Евангеліе, приспособленное къ запросамъ и нуждамъ его времени. Въ этомъ—вся ихъ прелесть и главное достоинство. Проповѣди Златоуста—это собственно широко набросанная программа всей жизнедѣятельности христіанина по завѣтамъ Евангелія. Вмѣстѣ съ этимъ онѣ составляютъ отображеніе и его собственнаго нравственно-религіознаго характера.

Но Евангеліе для Златоуста было все же только общимъ вдохновляющимъ началомъ его нравственно-религіозныхъ настроеній, а реальный образъ его удивительно-стойкаго нравственно-религіознаго характера былъ несомнѣнно результатомъ еще и иной школы. Этой школой для него былъ монастырскій затворъ, въ который онъ удалился по своему настойчивому желанію (вопреки даже совѣту матери), въ то время, когда ему стало ясно, что и домашняя обстановка жизни въ мірѣ все же не можетъ дать ему полнаго удовлетворенія на пути къ нравственно-религіозному совершенству. Подъ руководствомъ старца Діодора, епископа Тарсійскаго, извѣстнаго знатока Св. Писанія, Златоустъ и пробылъ въ Тарсійскомъ монастырѣ шесть лѣтъ. За это время онъ опытно прошелъ трудный путь усвоенія евангельскихъ идеаловъ. Нравственная природа св. подвижника здѣсь закалилась окончательно и окрѣпла настолько, что черезъ 6 лѣтъ аскетическаго подвига онъ уже не боялся снова возвратиться въ свой родной домъ и затѣмъ начать пастырское служеніе. Въ монастырскомъ затворѣ появились и первые труды Златоуста—его знаменитые трактаты, посвященные вопросамъ христіанской этики (изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить: „О дѣвствѣ", „Къ Ѳеодору падшему" и „шесть словъ о священствѣ").

Аскетика Златоуста была несомнѣнно результатомъ прежде всего его собственныхъ подвижническихъ трудовъ. Въ его аскетикѣ насъ главнымъ образовъ поражаетъ слѣ-

дующая особенность его взгляда. За внѣшними подвигами аскета-монаха (дѣвствомъ, суровыми подвигами, постомъ) онъ признавалъ только внѣшнее, чисто воспитательное значеніе. Эти подвиги—только средство, цѣлесообразно приноровленное къ образованію въ человѣкѣ твердаго христіанскаго настроенія и непреклонной воли. Въ частности, дѣвство—это только гавань для болѣе удобной борьбы со страстями, но гавань, не исключающая и другой жизни,—брачной, семейной. Потому дѣвственнику и подвижнику-монаху не слѣдуетъ превозноситься своими подвигами, если чрезъ нихъ не возгрѣвается духъ христіанской жизни. „Невеликую цѣну имѣетъ желѣзо (веригъ), если разумъ не сдерживаетъ плоти въ духовныхъ узахъ“, говорилъ епископъ Мелетій, руководитель Златоуста. Въ этомъ же духѣ мыслилъ несомнѣнно и Златоустъ, когда утверждалъ: „менѣе существенно убѣгать въ пустыню, чѣмъ умѣть приходить въ истинное душевное уединеніе“ (Слово къ Стелехію). Самъ Златоустъ своимъ примѣромъ ухода изъ монастыря ясно показалъ, что онъ придавалъ монастырскому аскезису только проходящее значеніе на пути къ болѣе широкой дѣятельности все того же монаха-аскета, въ его борьбѣ со всѣмъ окружающимъ міромъ. Болѣзнь Златоуста, постигшая его въ монастырѣ, была несомнѣнно только внѣшнимъ поводомъ къ уходу изъ затвора; главная же причина заключалась въ его желаніи разомкнуть узкія рамки жизни аскета-монаха и поставить его предъ лицомъ всего міра. Та любовь—христіанская, всепроникающая, о возгрѣваніи которой онъ особенно много распространяется на протяженіи всѣхъ своихъ сочиненій, несомнѣнно заставила его выйти на служеніе „малымъ симъ“, чтобы способствовать, такимъ образомъ, созданію всеобщаго царства Христова. Вообще, монашество, по его взгляду, не есть установленіе необходимое, а только вынужденное „развращенностью городовъ“, въ которыхъ уже невозможно стало жить совершенному христіанину. Самое приготовленіе къ пастырству, по взгляду Златоуста (особенно подробно развитому имъ въ книгахъ „О священствѣ“), должно состоять въ

прохожденіи аскетическихъ подвиговъ — смиренія, нестяжательности, постояннаго возгрѣванія духа энергіи и рѣшимости постоять за дѣло Христово, безъ всякихъ сдѣлокъ съ совѣстью. Такимъ образомъ пастырство предносится ему, какъ переходная ступень отъ аскетизма—монашескаго къ аскетизму — всехристіанскому. И вотъ, когда самъ Златоустъ почувствовалъ въ себѣ избытокъ нравственныхъ силъ, готовность проявить твердую и несокрушимую волю, онъ разорвалъ узы монастырскаго затвора и съ *внутреннимъ* обликомъ монаха-аскета вышелъ въ міръ, чтобы проявить здѣсь величіе своей нравственной свободы. Впрочемъ, сознаніе собственнаго безсилія и слабости въ борьбѣ съ міромъ, и сознаніе высокой отвѣтственности пастыря церкви, никогда не покидало Златоуста. Предъ позорищемъ страшнаго паденія нравовъ среди современнаго ему клира и особенно среди высшихъ представителей церкви (о чемъ самъ онъ неоднократно скорбитъ въ своихъ сочиненіяхъ) его сильный духъ какъ бы инстинктивно слабѣлъ изъ боязни, можетъ быть, тяжелой отвѣтственности за свої собственный пастырскій подвигъ. Мы видимъ, что придворному временщику, евнуху Евтропію, пожелавшему во что бы то ни стало видѣть Златоуста на каѳедрѣ Константинополя, только путемъ обмана удалось выманить его изъ Антіохіи и привести въ Константинополь. Если бы не хитрость и не властный капризъ Евтропія, мы, можетъ быть, такъ и не увидѣли бы никогда Златоуста въ епископскомъ санѣ...

Все пастырское служеніе Златоуста, сначала въ санѣ діакона и пресвитера — въ Антіохіи и въ санѣ епископа— въ Константинополѣ, было, можно сказать, сплошнымъ подвигомъ борьбы святителя съ окружающимъ зломъ нравственно - религіознаго паденія. Въ высшей степени строгій къ себѣ, онъ былъ безпощаденъ къ другимъ,—въ качествѣ обличителя пороковъ. Главнымъ орудіемъ борьбы для него былъ его прирожденный талантъ—то удивительное краснорѣчіе, которое онъ использовалъ, можно сказать, до глубины, выступая постоянно въ качествѣ проповѣдника съ каѳедры церковной. Въ виду этого почти

всѣ его чрезвычайно многочисленныя сочиненія (числомъ болѣе 600, кромѣ тѣхъ, которые не дошли до настоящаго времени) были написаны имъ въ формѣ гомилій, т. е. церковныхъ бесѣдъ. Съ поученіями онъ обычно выступалъ еженедѣльно въ каждое воскресенье, но иногда, по требованію обстоятельствъ, говорилъ и каждый день, даже дважды въ день (въ Антіохіи по случаю низверженія статуй). Повидимому, запасъ краснорѣчія у Златоуста былъ неисчерпаемый, такъ что проповѣдническая дѣятельность едва ли представляла для него большое затрудненіе. Многія свои рѣчи онъ несомнѣнно импровизировалъ прямо въ церкви, такъ какъ нѣкоторыя подробности проповѣди положительно исключаютъ всякую мысль о предварительной ея подготовкѣ. Оттого въ его проповѣдяхъ совершенно отсутствовали шаблонная дѣланность и искусственность. Оттого-то въ нихъ все содержаніе, отъ начала до конца, дышало необыкновенной простотой, задушевностью и рѣдкой искренностью самаго тона. По всему было видно, что самъ ораторъ какъ бы переживалъ всѣ свои мысли и какъ бы переливалъ ихъ въ самое сердце своихъ слушателей. Слова Златоуста были какъ бы частью его собственнаго организма. Вотъ почему слушатели очень часто такъ неистово рукоплескали своему любимому проповѣднику. Вотъ почему невольные взрывы одобренія часто раздавались даже и тогда, когда Златоустъ не менѣе пламенно убѣждалъ свою аудиторію щадить святыню храма и не уподоблять храма амфитеатру. Съ глубиной чувства и прелестью мысли проповѣдь Златоуста совмѣщала въ себѣ и особое изящество вполнѣ классической рѣчи, которая обычно ровно и плавно лилась изъ его устъ потоками мягкихъ пріятныхъ звуковъ. При всей своей непривлекательной, приземистой и истощенной, внѣшности Златоустъ обладалъ удивительно симпатичнымъ голосомъ, который долеталъ до самыхъ отдаленныхъ уголковъ зданія, возбуждая во всѣхъ самое напряженное вниманіе. Но что особенно поражало въ проповѣдяхъ Златоуста, такъ это—его удивительное безстрашіе и нелицепріятность. Объ этихъ качествахъ свидѣтельствуютъ положительно

всѣ его проповѣди. Златоустъ не страшился бичевать своими обличеніями даже грознаго въ его время временщика-вельможу Евтропія, извѣстнаго по всей имперіи своею мстительностью и жестокостью, — гордую своенравную и вспыльчивую императрицу Евдоксію, жену безвольнаго и слабаго Аркадія, — многихъ представителей высшей аристократіи, погрязавшихъ въ страшныхъ порокахъ. Особенно много обличеній излилъ Златоустъ по адресу Марціи, Кастриціи и Евстаратіи, — этихъ высокопоставленныхъ куртизантокъ Константинополя, положительно утопавшихъ въ нѣгѣ и безумной роскоши. Златоустъ въ одинаковой мѣрѣ и безъ всякаго притворства и боязни обличалъ и простого ремесленника, и наголодавшагося буйнаго пролетарія и грубыхъ монаховъ и преданное мірскимъ интригамъ и роскоши духовенство, проводившее все время въ обществѣ „агапетокъ". И всѣ эти обличенія не были выраженіемъ простого только показного фарисейства. Въ своей личной жизни Златоустъ былъ внѣ всякаго подозрѣнія въ тѣхъ или иныхъ порокахъ, которые онъ выносилъ на судъ общественной совѣсти. Бичуя богатство и расточительность роскоши, онъ самъ — въ своей личной жизни — представлялъ примѣръ крайней нестяжательности и простоты, доходившихъ даже до спартанскаго пуризма. Въ роскошныхъ патріаршихъ палатахъ своего предшественника Нектарія онъ произвелъ полную реставрацію. Всю раззолоченную обстановку, дорогіе ковры, украшенія, парадные выѣзды онъ распродалъ, и вырученныя деньги употребилъ на больницы, на кормленіе бѣдныхъ и сиротъ. Самъ нѣкогда владѣлецъ богатыхъ помѣстій своего отца, онъ не имѣлъ ровно никакой собственности: весь его домашній обиходъ ограничивался только самой необходимой утварью и одеждой. Возставая противъ лукулловскихъ обѣдовъ современныхъ ему аристократовъ, онъ самъ соблюдалъ крайнюю умѣренность въ пищѣ и упорно отказывался раздѣлять даже царскіе пиры; за что и испытывалъ постоянный гнѣвъ со стороны императрицы Евдоксіи. Простота и незатѣйливость его личной жизни не разъ служили

причиной негодованія даже со стороны духовенства. Извѣстно, что Акакій, епископъ Беррійскій, привыкшій встрѣчать у патріарха Нектарія роскошныя и обильныя угощенія, пришелъ въ крайнюю ярость, когда однажды за столомъ Златоуста ему пришлось удовольствоваться однимъ только блюдомъ и одной только бутылкой кислаго вина. Всѣ богатые доходы патріархіи, всѣ обильныя пожертвованія, которыя отдавались въ руки Златоуста, получали у него совершенно иное назначеніе — они шли въ пользу бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, въ пользу больницъ и страннопріимницъ, въ которыя превратились всѣ обширныя помѣщенія патріархіи. Самъ Златоустъ довольствовался при этомъ одной только самой маленькой комнатой. Понятно, съ какимъ нескрываемымъ раздраженіемъ должны были выслушивать проповѣдь Златоуста о богатствѣ всѣ константинопольскіе богачи и, наоборотъ, съ какимъ живымъ сочувствіемъ и пыломъ внимали ей всѣ бѣдняки, которые прекрасно знали, что между словомъ и дѣломъ у Златоуста нѣтъ преграды.

Во всѣхъ рѣчахъ Златоуста противъ богатства и роскоши аристократіи, противъ злоупотребленій чиновниковъ своею властью, нѣкоторые изслѣдователи эпохи Златоуста, вродѣ г. Морозова (см. его работу: „Въ грозѣ и бурѣ"), стараются усмотрѣть скрытное политиканство Златоуста въ духѣ современныхъ соціалистическихъ теорій. Но думать такъ — это значитъ совершенно не знать Златоуста, не понимать жизненнаго нерва всей его дѣятельности. Центръ тяжести Златоустовской проповѣди вовсе не въ политикѣ, а въ христіанской этикѣ, гдѣ все сводится къ личности каждаго отдѣльнаго индивидуума, къ свободѣ личнаго произволенія. Политика всегда предполагаетъ въ основѣ своей внѣшнее принужденіе и насиліе. Ни о какомъ насиліи Златоустъ никогда не говорилъ. Возставая противъ богачей, онъ всегда аппелируетъ только къ ихъ совѣсти, желая вызвать съ ихъ стороны свободное расположеніе въ сторону милосердія къ бѣдности. Ни въ одной проповѣди Златоуста мы не встрѣтимъ также призыва, обращеннаго къ черни, съ цѣлью натравить ее про-

тивъ богачей, возбудить ее къ насилію надъ ними. Вообще роль политическаго демагога совершенно не въ духѣ Златоуста. Это ясно видно, хотя бы изъ того факта, что онъ въ критическую минуту своей жизни, когда зашаталось его положеніе въ Константинополѣ, не только не воспользовался для себя услугами волнующейся черни, но дѣйствовалъ на нее какъ разъ въ противоположномъ направленіи. Съ своей стороны онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы успокоить мятущуюся душу своихъ пасомыхъ; призывалъ ихъ покориться Провидѣнію. „Богъ далъ, Богъ и взялъ“ — вотъ собственныя слова Златоуста, сказанныя имъ при прощаніи. Въ нихъ излилось все настроеніе изгнанника.

Правда, Златоустъ былъ проводникомъ въ сознаніе общества идеи всеобщаго братства, равенства, свободы, но исключительно только въ духѣ идеала христіанства, осуществленнаго въ первохристіанской апостольской общинѣ, когда „каждый имѣлъ вся обща“, но по добровольному соглашенію, въ силу свободы личнаго произволенія. Къ этому произволенію призывалъ и Златоустъ, одушевляя всѣхъ и каждаго проникнуться идеаламъ первохристіанской апостольской общественности, скрѣпленной самоотверженной любовью къ ближнему. И самъ Златоустъ глубоко носилъ въ себѣ образъ ап. Іоанна, — этого апостола любви по преимуществу. Любовь, какъ христіанская добродѣтель, — любовь, срастворенная чувствомъ состраданія и милосердія, составляетъ жизненный нервъ, какъ самого Златоуста, такъ и всей его — Златоустовской проповѣди. Такую любовь онъ проявлялъ даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ своей обличительной проповѣди, направленной противъ всѣхъ современныхъ ему грѣшниковъ. Когда властный Евтропій, главный врагъ Златоуста, палъ во мнѣніи императрицы, когда онъ, униженный, спасаясь отъ ея гнѣва, самъ обратился за помощью къ духовному пастырю, Златоустъ, съ истинно христіанской любовью, не отвернулся отъ Евтропія, не излилъ на немъ свой гнѣвъ, а любовно призрѣлъ его въ храмѣ, который даже по тогдашнимъ варварскимъ нравамъ считался не-

прикосновенной святыней. Златоустъ, при видѣ кающагося Евтропія, получилъ только поводъ обратиться къ народу съ проповѣдью о прощеніи грѣшнику, о суетности мірского величія власти. Совершенно вѣрно охарактеризовалъ настроеніе Златоуста историкъ Неандеръ: „насколько Златоустъ былъ безжалостенъ ко грѣху, настолько же онъ былъ исполненъ милосердія къ грѣшнику"...

Мы не споримъ, что и развращенному воображенію современниковъ Златоуста, которые выслушивали его пламенныя, неслыханныя доселѣ, обличительныя, рѣчи, мерещился въ нихъ порой призракъ епископа-демагога, посягающаго на устои политической жизни, но... подобный призракъ уже слишкомъ обычное явленіе въ политической жизни всѣхъ народовъ. Фактъ только тó, что Златоустъ палъ, но фактъ также и тó, что онъ уже чрезъ семь лѣтъ послѣ своего мученичества возсталъ въ сознаніи того же общества, окруженный ореоломъ святости и невинности. Самъ Ѳеодосій въ 438 году, при перенесеніи мощей Златоуста—мученика изъ Команы въ Константинополь, своими слезами какъ бы омывалъ грѣхъ своихъ царственныхъ родителей. Вообще исторія Златоуста — грустная но вѣчная исторія!...

Л. Писаревъ.

СВЯТИТЕЛЬ
ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ.[1]

Свѣтло и торжественно, по всей поднебесной широтѣ міра христіанскаго, празднуется нынѣ тысяче-пятисотлѣтній юбилей со дня блаженной кончины святаго Іоанна Златоуста. Отъ моря до океана и объ онъ полъ океана, во всѣхъ концахъ земныхъ и на разныхъ языкахъ человѣческихъ раздаются теперь возвышенно-радостные гимны и славословія въ честь святаго Іоанна. То праздникъ всемірный, праздникъ христіанскій, веліе торжество христіанскаго просвѣщенія. Всѣ люди крещенные, церковь восточная и западная, православные и католики, едиными усты и сердцемъ единымъ въ эти дни славятъ, хвалятъ и ублажаютъ дивнаго во святыхъ Златоустаго святителя.

Іоаннъ Златоустъ!.... Кому изъ христіанъ не знакомо, кто не слыхалъ, не знаетъ этого имени?! Во всей исторіи всего человѣчества много ли еще найдется такихъ всемірно знаменитыхъ и вѣчно славныхъ именъ?! Іоаннъ Златоустъ, это—великій изъ великихъ отцевъ и учителей христіанскихъ, тѣхъ столповъ православія, на костяхъ которыхъ воздвиглась во вѣки неодолимая церковь Христова и которые сами стоятъ теперь молитвенниками за насъ предъ престоломъ Господнимъ. Златоустъ, это—свѣтило вселенной, поученіе вѣкамъ, образъ и примѣръ человѣкамъ. Златоустъ, это — великая сила, свѣтлая слава, красота церкви Христовой на землѣ. Златоустъ — вселен-

[1]) Публичное чтеніе въ торжественномъ собраніи Братства во имя Пресвятой Богородицы, 11 ноября 1907 г.

скій учитель, святый подвижникъ, мудрецъ въ христіанскомъ просвѣщеніи и благочестіи. Онъ изъяснилъ глубины вѣроученія нашего, онъ — вдохновенный истолкователь слова Божія, онъ защитилъ и оборонилъ истину и чистоту святой вѣры нашей отъ ересей и расколовъ, отъ еврейства и язычества; онъ — самый глубокій и трогательный, самый задушевный и любимый пастырь и наставникъ въ жизни христіанской, онъ, наконецъ, дивный, единственный и несравненный ораторъ-проповѣдникъ, издревле такъ и нареченный—учитель златословесный, златоглаголивый, Златоустъ. Его сочиненія, заключающія въ себѣ все потребное для христіанина, *яже къ животу и благочестію*, наполнили и, можно сказать, собою напоили землю, воспитали многія племена и поколѣнія христіанскія. Для нашихъ, напримѣръ, предковъ, старинныхъ русскихъ людей, именно сочиненія Златоуста, составляли самое любимое и самое завлекательное чтеніе. Столь распространенные у насъ въ старину сборники—*Измарагдъ, Изумрудъ, Маргаритъ, Андріатисъ, Златоструй, Златая цѣпь, Златая матица*, наконецъ прямо *Златоустъ*, уже какъ видно изъ самаго названія многихъ изъ нихъ, заполнены были главнѣйшимъ образомъ, а нѣкоторые и исключительно, сочиненіями Іоанна Златоуста. Такимъ образомъ, Златоустъ особенно долженъ быть близокъ и дорогъ намъ, русскимъ людямъ; онъ — излюбленнѣйшій учитель отцевъ нашихъ, наставникъ нашего истоваго и славнаго правовѣрія русскаго; по книгамъ Златоуста предки наши учились и возростали духовно, Златоустъ питалъ и услаждалъ души и сердца ихъ; по Златоусту устраивали и направляли они „благочестное и побожное“ житіе свое,—Златоусту, можно сказать, больше всего наша Русь православная обязана тѣмъ, что искони стала она не какою либо иною, а именно *святою* Русью.

Да и независимо отъ этого далекаго прошлаго, всѣмъ и современнымъ русскимъ людямъ близокъ и дорогъ Златоустъ: вѣковѣчнымъ и знаменательнымъ памятникомъ Златоуста и ежедневнымъ для всѣхъ насъ напоминаніемъ о немъ является божественная *литургія*, имъ составленная

и ежедневно во всѣхъ нашихъ храмахъ православныхъ совершаемая. Непосредственно отъ него, такимъ образомъ, мы воспріяли и унаслѣдовали несказанную красоту нашего богослуженія. А для истоваго человѣка русскаго и благочестиваго сына церкви православной есть-ли что отраднѣе и любезнѣе церкви?! Для сердца русскаго есть ли какая красота милѣе и дороже церковно-богослужебной красоты?! Вѣроятно, поэтому-то и близокъ намъ, такъ любимъ нами святой Златоустъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ внутреннее убѣжденіе каждаго изъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, что-то особенно теплое, задушевное откликается въ сердцѣ при этомъ, словно родномъ, близкомъ, имени—Златоустъ! Невольно вспоминается, при этомъ, давно минувшая юность, когда, еще на школьной скамьѣ, тѣ люди, которые учили насъ вѣрить и молиться, разсказывали намъ о Златоустѣ, этомъ любвеобильномъ защитникѣ страждущихъ, грозномъ обличителѣ неправыхъ, этомъ необычайномъ страстотерпцѣ-подвижникѣ..... Забылись, можетъ быть, подробности, частности изъ этого разсказаннаго намъ и слышаннаго нами о Златоустѣ; но памятно обаяніе тѣхъ высокихъ минутъ, когда сердце трепетало при разсказахъ о дивныхъ дѣлахъ этого дивнаго, пресвѣтлаго святителя. Не потому ли вотъ и теперь что-то особенное, радостное и утѣшительное чувствуется въ сей приспѣвшій день свѣтлаго торжества—въ память Златоуста?! Изъ тьмы вѣковъ въ представленіи нашемъ нынѣ воскресаетъ величественный образъ этого, сердцу близкаго, благодарнѣйшаго, святого и необычайно великаго человѣка. И мы теперь мысленно взираемъ на него, мы собрались здѣсь во имя его и около него, душа и сердце заполнены священною думою о немъ...

Какіе же вѣнки сплетемъ мы Златоусту въ этотъ торжественный, праздничный, его имени—день?

Не намъ сплетать вѣнки Златоусту; еще не родилось на бѣломъ свѣтѣ второго златоуста, который смогъ бы достойно и праведно, въ мѣру необычайныхъ даровъ и совершенствъ Златоуста, прославить и возвеличить Златоуста. И мы теперь, только преклонимся въ благоговѣй-

номъ умиленіи предъ его великою и священною тѣнью и, въ духовную сладость себѣ, только полюбуемся на этого дивнаго человѣка и на его дивныя дѣла и слова.

Перенесемся же мысленно въ тѣ давно минувшія Златоустовскія времена и мѣста.

То было IV столѣтіе по Р. Х., столѣтіе замѣчательнѣйшее въ исторіи христіанства; оно отмѣчено и великимъ торжествомъ христіанства на землѣ и самыми страшными для него опасностями. Три вѣка дотолѣ лилась кровь христіанъ; не было такого орудія, такой пытки, которую злоба адская не испробовала бы на христіанахъ. Но кровь мучениковъ была только сѣменемъ, изъ котораго выростали новыя и новыя поколѣнія исповѣдниковъ Христа. Наконецъ, въ началѣ именно IV столѣтія, случилось то, что казалось даже святымъ и прозорливымъ христіанамъ, напр. Тертулліану, невѣроятнымъ: самъ императоръ римскій, т. е. глава всего міра тогдашняго, сдѣлался христіаниномъ. Успѣхъ христіанства былъ великій, но—далеко не окончательный и не полный. Порвать сразу съ язычествомъ, которое жило вѣка и всецѣло заполняло и опредѣляло жизнь народную, оказалось трудно, невозможно. И вотъ, вмѣсто нападеній на христіанство внѣшнихъ, гоненій открытыхъ, начинается теперь борьба внутренняя, духовная, но не менѣе опасная, борьба не за право существованія христіанства на землѣ, а борьба и возстаніе уже на самую сущность его. Поднимаются всѣ злобствующія силы на ниспроверженіе вѣроученія христіанства, на его униженіе, извращеніе, опозореніе. И язычники извнѣ и разнообразные еретики въ нѣдрахъ самого христіанства, одинаково напряженно подрывали и оскорбляли единую и чистую истину Христову,—повидимому, неуклонно вели христіанство къ разложенію, къ концу. Эта борьба, послѣдняя и крайняя, борьба на жизнь и смерть, была столь опасна для юной церкви Христовой, что не только массы народа, а и представители церкви, епископы и духовенство, и даже сами вѣнчанные охранители вѣры—императоры, попадали въ сѣти заблужденій и дѣлались еретиками и язычниками. Аріанство, страшная ересь, непризнававшая божествен-

ности Христа, а значитъ и въ корнѣ подрывавшая христіанство, временами отхватывала чуть не всю церковь христіанскую, съ епископами и царями во главѣ. Были, напримѣръ, такіе страшные дни, когда въ столицѣ имперіи, въ Константинополѣ, только малая оставшаяся горсточка православныхъ ютилась въ одной домовой церкви, а весь міръ остальной увлеченъ былъ аріанствомъ. А напримѣръ, второй же, послѣ равноапостольнаго Константина, преемникъ его на императорскомъ престолѣ, Юліанъ, явно отступилъ, отрекся отъ христіанства, всѣ усилія свои направлялъ къ уничтоженію христіанства и къ возстановленію въ имперіи своей стараго язычества.

Но всѣ эти ужасы и роковыя опасности скопились надъ церковью Христовой, какъ будто именно для того, *да явятся дѣла Божія* надъ нею. Какъ это было и въ первые дни христіанства, когда всего только двѣнадцать невѣдомыхъ міру рыбарей совершили своею проповѣдью невѣроятное дѣло, одержали побѣду надъ могуществомъ Рима, склонили и легіоны римскіе и тьмы народныя ко кресту и предъ крестомъ, такъ и теперь, въ моменты наибольшаго возстанія и крайняго напряженія силъ враждующихъ на христіанство, чудодѣйственно проявилась всемогущая и спасительная сила Христова, и проявилась она тоже только въ нѣсколькихъ, главнымъ образомъ четырехъ, исповѣдникахъ Христа. Своимъ словомъ, подвигомъ всей жизни своей, великимъ авторитетомъ личности своей, они отстояли вѣру Христову отъ всѣхъ посягательствъ злобы и вражды земной и адской, спасли христіанство для всей земли и передали его въ неприкосновенности и намъ, и на вѣки вѣковъ. То были воистину Богомъ воздвигнутые и богопросвѣщенные, свѣтоносные вселенскіе отцы и учители —Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ и, самый величавый и особенно изумительный по богатству и разнообразію дарованій и по силѣ несравненнаго вліянія его на всѣ времена и поколѣнія христіанскія, Іоаннъ Златоустъ.

Златоустъ родился въ 347 г. въ Антіохіи. Антіохія, теперь это совсѣмъ маленькій, ничтожный городокъ, съ

пятитысячнымъ населенiемъ въ юговосточномъ углу малоазiйскаго полуострова; а въ ту пору это былъ замѣчательный, мiровой городъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ центровъ древней цивилизацiи. Нѣкогда Антiохiя была столицею древняго сирiйскаго царства, присоединеннаго къ великой римской имперiи, и во дни Златоуста именовалась она „царицею востока"; самъ Златоустъ называлъ ее „главой и матерью восточныхъ городовъ". Антiохiя—одинъ изъ почетнѣйшихъ городовъ вообще въ христiанскихъ воспоминанiяхъ, въ исторiи нашей церкви: Антiохiя была, такъ сказать, преемницею Iерусалима; въ ней сосредоточились послѣдователи Христа, разсѣявшiеся изъ Iерусалима, послѣ перваго гоненiя и убiенiя первомученика Стефана. Въ Антiохiи-то и сформировалась въ первые годы христiанства знаменитая *апостольская церковь*; здѣсь долго находился, и проповѣдывалъ, и отсюда именно совершилъ три великiя свои апостольскiя путешествiя св. первоверховный апостолъ Павелъ. Наконецъ, тутъ именно, въ Антiохiи, впервые и навсегда всѣ мы, послѣдователи Христа, получили наименованiе *христiанъ*. Громадное, по тогдашнему, двухсотъ-тысячное населенiе Антiохiи, въ IV вѣкѣ состояло наполовину изъ христiанъ и язычниковъ.

Св. Iоаннъ происходилъ изъ христiанской и благородной, очень извѣстной въ Антiохiи семьи: отецъ его, по имени Секундъ, былъ начальникомъ всѣхъ императорскихъ войскъ въ Сирiи. Но онъ скоропостижно скончался, когда Iоанну исполнился только одинъ годъ отъ рожденiя. Младенецъ-сирота остался на попеченiи матери своей Анѳусы. Юная вдова, всего только двадцати лѣтъ отъ роду, притомъ богатая, образованная и красивая, Аноуса, безъ сомнѣнiя, могла бы снова выйти замужъ; но помимо указанныхъ ея качествъ, она была и женщина строго благочестивая, высоко нравственная, идеальная мать-христiанка. Она отказалась отъ счастья своего личнаго, чтобы всѣ силы и всю жизнь свою посвятить дѣтямъ — сыну Iоанну и годомъ старшей сестры его. Не даромъ, впослѣдствiи, учитель Iоанна, знаменитый ученый язычникъ

Ливаній, узнавши исторію самоотверженной материнской любви Анѳусы къ дѣтямъ, восторженно воскликнулъ: „какія же удивительныя женщины у христіанъ!“

Необыкновенно счастливымъ природнымъ дарованіямъ и богодарованнымъ талантамъ Іоанна, Анѳуса съумѣла дать надлежащее и самое благое направленіе. По выраженію древняго писателя, она воспитывала Іоанна „на словѣ Божіемъ“. Подъ наитіемъ нѣжнѣйшей любви материнской, раскрылись и въ его душѣ дорогія сокровища нѣжнаго, дѣвственно-благороднаго, любящаго его сердца. Подъ непрестаннымъ вліяніемъ и впечатлѣніями религіозности и благочестія матери, происходило постепенное духовное возрастаніе и совершенствованіе Іоанна, неуклонное его устремленіе и приближеніе къ идеалу жизни возвышенной, чистой святой. Первыя шестнадцать лѣтъ жизни Іоаннъ и провелъ подъ непосредственнымъ руководительствомъ и счастливою опекою своей матери. А потомъ онъ поступаетъ въ школу знаменитаго въ ту пору ученаго и ритора (оратора) Ливанія. Ливаній былъ однимъ изъ послѣднихъ столповъ и защитниковъ язычества, но все же изъ язычниковъ — несомнѣнно лучшій, человѣкъ честный и образованный, благородный. Анѳуса смѣло ввѣрила ему образованіе своего талантливаго сына, какъ потому, что школа Ливанія была самой лучшею въ Антіохіи, такъ и потому, что Іоаннъ настолько уже созрѣлъ и окрѣпъ въ христіанскомъ настроеніи, что языческія убѣжденія учителя ему не могли быть сколько нибудь страшны и опасны.

Четыре года Іоаннъ учился у Ливанія. Своими рѣдкостными дарованіями и блестящими успѣхами въ наукахъ онъ изумлялъ и восхищалъ своего учителя. Еще юношею, Іоаннъ въ ораторскомъ искусствѣ уже превзошелъ своего учителя, этого знаменитѣйшаго ритора, имя котораго гремѣло не только въ Антіохіи, но и въ Аѳинахъ, въ Константинополѣ, въ Никомидіи, гдѣ раньше жилъ Ливаній и, какъ ораторъ, надъ всѣми первенствовалъ. Теперь этотъ Ливаній, прочитавши одинъ изъ первыхъ опытовъ, собственно еще ученическое упражненіе

Іоанна, его „Похвальное слово Константину Великому“, въ восхищеніи написалъ къ Іоанну: „какой счастливецъ ты, что можешь такъ прекрасно говорить и хвалить! Но какъ счастливъ и императоръ, для котораго нашелся такой ораторъ!“ А умирая, Ливаній очень сокружался, что Іоаннъ не можетъ стать его преемникомъ въ школѣ: „никого не хотѣлъ бы я оставить послѣ себя, кромѣ Іоанна; но его похитили у меня христіане“, горько сѣтовалъ Ливаній.

А между тѣмъ Іоаннъ въ это время еще не былъ и крещенъ: въ силу допускавшагося тогда нѣкоторыми обыкновенія принимать святое крещеніе не по вѣрѣ воспріемниковъ, какъ теперь у насъ, а по убѣжденію и полному разумѣнію самого крещаемаго, Іоаннъ, почитавшій себя все еще не созрѣвшимъ духовно, рѣшился приступить къ святому крещенію только по достиженіи 22-лѣтняго возраста. Зато теперь, въ юношествѣ, только готовясь къ воцерковленію, онъ и прилагалъ всѣ усилія могучей души своей къ наиболѣе глубокому и полному усвоенію, всестороннему воспріятію высокихъ, святыхъ идеаловъ ученія Христова.

Въ то же время и нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства способствовали воспитанію въ Іоаннѣ непоколебимаго убѣжденія въ истинѣ и святости христіанства. Такъ, еще юношею, въ своей родной Антіохіи, пришлось Іоанну быть свидѣтелемъ великаго гоненія на христіанство, поднятаго императоромъ, отступникомъ Юліаномъ. Задавшись цѣлію поднять старое язычество и унизить, подавить христіанство, Юліанъ естественно обратилъ вниманіе на великій центръ и оплотъ ненавистной для него вѣры, на Антіохію. Онъ самъ прибылъ въ Антіохію и здѣсь прежде всего явился въ нѣкогда знаменитое капище бога Аполлона. Но каково же было его негодованіе, когда онъ нашелъ капище совершенно пустымъ: императора встрѣтилъ здѣсь только одинъ старикъ, жрецъ, который въ честь высокаго посѣтителя и принесъ богу Аполлону въ жертву собственнаго гуся, такъ какъ ни богомольцевъ, ни жертвоприношеній никакихъ еще не было. А между

тѣмъ рядомъ стоявшій христіанскій храмъ, съ мощами св. мученика Вавилы, былъ переполненъ народомъ. Въ крайнемъ раздраженіи, Юліанъ распорядился возстановить въ прежней красотѣ и великолѣпіи капище Аполлона, а христіанскій храмъ закрыть и мощи изъ него удалить. Тогда христіане устроили величественную процессію торжественнаго перенесенія святыхъ мощей. Это еще болѣе озлобило Юліана, и, по его приказу, языческіе воины бросились на христіанъ, начали ихъ разгонять и избивать, ловить, подвергать пыткамъ.

Между тѣмъ, по согласному свидѣтельству историковъ, совершилось необычайное явленіе: въ эти именно часы избіенія христіанъ, въ то самое капище Аполлона, о которомъ такъ позаботился Юліанъ, ударила молнія, и оно погибло въ огнѣ. Такое чудодѣйственное проявленіе воли небесной несказанно вдохновило и одушевило христіанъ, но не образумило только Юліана. Вопреки всякой очевидности, онъ объявилъ, что то христіане сожгли храмъ Аполлона, и съ еще большею жестокостью продолжалъ звѣрства надъ ними; между прочимъ и главный въ Антіохіи храмъ христіанскій онъ закрылъ, а служившаго въ немъ престарѣлаго пресвитера, св. Ѳеодорита, подвергъ мученической смерти. Послѣ этого Юліанъ по всей имперіи всячески преслѣдовалъ христіанъ, раззорялъ ихъ непомѣрными налогами, разрушалъ храмы, конфисковалъ ихъ имущества, избивалъ и заточалъ духовенство и т. д.; а съ другой стороны, за преданность язычеству, осыпалъ всякими милостями и наградами, открывалъ и украшалъ старыя языческія капища, повелѣлъ даже возстановить іудейскій храмъ въ Іерусалимѣ, и т. д. На стоны и жалобы христіанъ, подвергавшихся неистовствамъ отъ язычниковъ, Юліанъ отвѣчалъ извѣстною его фразою: „что за бѣда, коль десять галилеянъ погибнутъ отъ руки одного язычника“! Но, какъ извѣстно, гоненіе Юліана и всѣ эти послѣднія усилія язычества окончились только бо́льшимъ еще торжествомъ и величіемъ христіанства. Къ ужасу своему, въ этомъ успѣлъ убѣдиться и самъ Юліанъ, оставшійся всетаки упорнымъ, нераскаяннымъ язычникомъ до

самой гибели своей: во время одного изъ походовъ, смертельно раненый, онъ неистовствовалъ отъ злобы, что не могъ уничтожить христіанства, и, въ безсильной ярости, бросая камнями, грязью въ солнце, при послѣднемъ издыханіи, прохрипѣлъ еще болѣе въ исторіи извѣстную фразу его: „Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ“.

И вотъ все это кровавое гоненіе Юліана Златоустъ пережилъ и наблюдалъ въ возрастѣ особенно впечатлительнаго, отзывчиваго на всякое страданіе и чуткаго ко всякой несправедливости юношества. Онъ самъ перестрадалъ эти ужасные для антіохійскихъ христіанъ дни, дѣлилъ съ ними всѣ тревоги и опасенія, принималъ участіе въ погребеніи замученныхъ Юліаномъ исповѣдниковъ святой вѣры, проливалъ съ христіанами жгучія слезы надъ обезглавленными мучениками христіанскими. Все это имѣло значеніе для Іоанна могущественнѣйшей жизненной школы, въ которой росъ и укрѣплялся великій духъ этого великаго христіанина.

По окончаніи ученія, Іоаннъ принялъ на себя званіе и обязанности адвоката. Въ то время это была самая модная и выгодная профессія; рѣдкій юноша изъ знатныхъ, привилегированныхъ сословій не пробовалъ своихъ силъ на этомъ поприщѣ, открывавшемъ дорогу къ высшимъ должностямъ въ государствѣ, такъ какъ ораторское искусство цѣнилось тогда выше и дороже всего. Іоанну, какъ необычайно талантливому, блестящему, увлекательному оратору, адвокатство, очевидно, сулило и богатство, и славу, и блестящую служебную карьеру. Но бурный круговоротъ жизни суетной, свѣтской, съ которымъ неизбѣжно теперь пришлось ознакомиться Іоанну, и эти адвокатскія занятія, чаще всего въ сферѣ неправдъ, пороковъ и всякаго жизненнаго зла, никакъ не могли заполнить душу Іоанна и удовлетворить его. Правда, благодаря именно этимъ занятіямъ, онъ ближе и точнѣе изучилъ сердце человѣческое со стороны его отрицательныхъ сторонъ и порочныхъ склонностей, и это впослѣдствіи пригодилось Іоанну, какъ духовному врачу людской испорченности; но во всякомъ случаѣ теперь-то, вся суета

жизненная внушала ему сознательное и убѣжденное отвращеніе. Его потянуло совсѣмъ на другую дорогу, его влекло иное призваніе. Скоро объявилъ онъ матери своей, что хочетъ покинуть міръ и уйти въ монастырь. Мысль о разлукѣ съ возлюбленнымъ сыномъ превозмогла слабыя силы благочестивой Анѳусы и она упросила Іоанна не покидать ее, по крайней мѣрѣ до ея кончины. „Узнавъ о моемъ намѣреніи, разсказываетъ намъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій самъ Златоустъ: матушка взяла меня за руки и залилась слезами; стала она говорить слова, которыя были жалобнѣе самихъ слезъ. Не подвергай меня новому вдовству на свѣтѣ, говорила она, не пробуждай опять уснувшаго въ душѣ моей горя, подожди конца моего. Когда ты предашь прахъ мой землѣ, тогда иди, Господь съ тобой!—иди, куда влечетъ тебя твое призваніе. А пока я еще не перестала дышать, побудь со мною, не причиняй страданья безвинной предъ тобою твоей матери и не прогнѣви этимъ Господа“! Какъ преданный и любящій сынъ, Іоаннъ исполнилъ волю матери, онъ не покинулъ ее и міра; но однако онъ съумѣлъ, и въ мірѣ живя, уйти отъ міра. Какъ разъ около того времени, принявшій святое таинство крещенія, онъ прекратилъ свою адвокатскую дѣятельность и всецѣло занялся воспитаніемъ души своей, онъ углубился въ изученіе слова Божія, проникался его духомъ и идеалами, постоянно ходилъ въ храмъ, принявъ даже на себя обязанности *чтеца*. Въ то же время и въ частной жизни своей онъ все больше и больше упражнялся въ дѣлахъ благочестія и самоотверженія, даже наложилъ на себя подвигъ *молчальничества*, т. е. по возможности полнаго воздержанія въ словѣ.

Іоаннъ, такимъ образомъ, постепенно отрѣшался отъ міра и текущей современности,—тѣмъ болѣе и охотнѣе отрѣшался, что эта современность была очень печальная и способна была только удручать душу всякаго честнаго патріота и истиннаго христіанина. Въ разныхъ частяхъ имперіи происходили постоянные безпорядки и возмущенія, всюду росло царство анархіи. Полководцы и вожди разноплеменнаго и разновѣрнаго въ имперіи войска нерѣдко

поднимали междоусобныя кровопролитія, колебали тронъ царскій, а иные и сами садились на него. Такъ, между прочимъ, достигъ трона и Юліанъ Отступникъ. Со внѣ, какъ волны, стремились на имперію такъ называемые варвары, франки, готѳы и гунны. Не было мира, спокойствія въ нѣдрахъ и церкви христіанской. Напримѣръ, въ Римѣ два претендента, Даніилъ и Урсинъ, съ оружіемъ въ рукахъ, поднявши междоусобное кровопролитіе, оспаривали другъ у друга каѳедру римскую. Аріанство, уже осужденное на Никейскомъ соборѣ, сокрушающимъ потокомъ разливалось въ имперіи, грозя совсѣмъ затопить православіе. Сами императоры, Констанцій, а потомъ Валентъ, были аріанами: православные подвергались угнетеніямъ и кровавымъ преслѣдованіямъ. Даже и въ Антіохіи ересь такъ распространилась, что православные должны были выдерживать постоянную, такъ сказать, осадную войну; самъ православный епископъ Антіохіи, добрѣйшій старецъ Мелетій, къ которому особенно льнулъ душею Іоаннъ, неоднократно подвергался изгнанію и заточенію.

Въ столь тягостныхъ обстоятельствахъ, нѣкоторые изъ окрестныхъ, ближнихъ къ Антіохіи, епископовъ, всемѣрно защищая и отстаивая православіе, обратили вниманіе на великую силу духовную, что возростала въ личности еще юнаго чтеца Іоанна, молва о талантахъ и подвижничествѣ котораго уже распространилась въ окрестностяхъ. Не взирая на молодость Іоанна, они задумали сдѣлать его епископомъ. Слухъ объ этомъ повергъ Іоанна въ неописанное смущеніе и трепетъ. Священное служеніе церкви Божіей ему казалось столь возвышеннымъ и святымъ, что Іоаннъ и помыслить не смѣлъ о принятіи епископскаго сана. Какъ разъ съ этими волненіями и опасеніями совпало для Іоанна и тяжелое жизненное лишеніе, испытаніе: ему пришлось горько оплакивать неожиданно и рано, вовсе еще не старою, скончавшуюся мать Анѳусу. Какъ будто Промыслъ Божій нарочито призвалъ отъ земли благочестивую душу Анѳусы, чтобы и достойный сынъ ея могъ безпрепятственно вступить на увлекавшій его, великій и крестоносный путь. Никѣмъ и ничѣмъ

теперь въ жизни не связанный, Іоаннъ тѣмъ охотнѣе и тѣмъ скорѣе удалился отъ міра, что приходилось опасаться даже насилія со стороны имѣвшихъ на него виды епископовъ. По крайней мѣрѣ, одного изъ самыхъ задушевныхъ друзей и товарищей Іоанна, тоже извѣстнаго своимъ благочестіемъ, юношу Василія, какъ разъ въ эти дни, именно почти насильно, рукоположили во епископа. И вотъ Іоаннъ скрылся изъ Антіохіи, скрылся тайно даже отъ этого вотъ друга своего Василія, и ушелъ въ пустыню, чтобы тамъ всецѣло и безпрепятственно посвятить себя Богу, совершенствоваться въ святой жизни.

Изъ города Антіохіи, на горизонтѣ, виднѣются въ туманѣ отроги безконечнаго хребта пустынныхъ, дикихъ горъ, изрѣзанныхъ неприступными ущельями и кой гдѣ покрытыхъ лѣсомъ. Еще съ первыхъ вѣковъ христіанства, вслѣдствіе частыхъ гоненій, многіе исповѣдники Христа уединялись въ эту неприступную горную глушь. Такъ возникло тамъ, въ разсѣлинахъ горныхъ, много мелкихъ монастырей, скитовъ, киновій. Въ одномъ изъ такихъ-то скитовъ и уединился Іоаннъ. Можно себѣ представить, какъ для него, проведшаго дѣтство въ нѣгѣ и роскоши, какъ для него тяжела была эта отшельническая жизнь! Эта жизнь была сплошный подвигъ, непрестанный трудъ и терпѣніе. Вотъ что самъ Іоаннъ разсказалъ потомъ о жизни своей въ монастырѣ. Въ полночь иноки поднимались на молитву и псалмопѣніе; предъ разсвѣтомъ немного отдыхали, а восходъ солнечный встрѣчали снова уже въ храмѣ, за утреннимъ богослуженіемъ. Затѣмъ, въ теченіе дня, четыре раза они собирались въ храмѣ на молитвословіе—въ часы третій, шестой, девятый и на вечерню. Въ промежуткахъ между богослуженіями отшельники занимались чтеніемъ и списываніемъ священныхъ книгъ, а также сами исполняли и всѣ жизненныя работы: рубили дрова, носили воду и т. д. Одеждою ихъ были кожи животныхъ и самыя грубыя ткани изъ верблюжьей шерсти, обуви они никакой не носили, спали на землѣ или на голыхъ доскахъ, питались однажды въ день, только хлѣбомъ съ водою и иногда овощами.—Въ такой-то жизни Іоаннъ провелъ цѣлыхъ четыре года.

Исполняя всѣ обязанности и общія работы, неопустительно присутствуя за богослуженіями, Іоаннъ здѣсь и тогда именно началъ свою блестящую дѣятельность литературную, богословскую. Въ эти годы онъ составилъ нѣсколько замѣчательнѣйшихъ сочиненій: такъ, прежде всего, онъ написалъ можетъ быть самое совершенное и глубокое произведеніе его пера: *Шесть словъ о священствѣ.* Здѣсь Іоаннъ, въ оправданіе своего уклоненія отъ епископскаго сана, всесторонне и необыкновенно талантливо, глубоко и убѣдительно изобразилъ величіе, святость и громадную отвѣтственность пастырскаго служенія. И доселѣ и, конечно, навсегда это сочиненіе Златоуста останется самымъ благимъ и мудрымъ, самымъ трогательнымъ и задушевнымъ святоотеческимъ наставленіемъ и руководствомъ для всякаго христіанскаго пастыря. Въ монастырѣ же Іоаннъ составилъ *Три книги въ защиту монашества.* Это сочиненіе написано по случаю гоненія на монастыри и монашество, поднятаго императоромъ Валентомъ. Заразившись аріанствомъ, Валентъ увидѣлъ въ монахахъ самый твердый оплотъ православія, а потому и велѣлъ брать ихъ въ солдаты, заключать въ тюрьмы. Такая политика императора-аріанина находила себѣ одобреніе въ части и вообще свѣтскаго общества; подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, того же аріанства, возникали тогда мнѣнія и споры о цѣли и значеніи вообще монашества, съ разныхъ сторонъ раздавались голоса объ уничтоженіи монастырей. По тому же поводу и съ подобнымъ содержаніемъ Іоаннъ написалъ книгу *Сравненіе инока съ царемъ.* Въ этомъ сочиненіи, которое явилось отголоскомъ личныхъ впечатлѣній самого Іоанна и его увлеченія иноческой жизнью, онъ доказываетъ, что жизнь монаха возвышеннѣе и счастливѣе всякаго другаго званія и положенія, даже лучше царской жизни. „Есть ли на землѣ существованіе выше иноческаго?“ спрашиваетъ здѣсь Златоустъ. И съ великимъ одушевленіемъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ! нѣтъ,— не исключая даже и царской жизни. Вѣдь и царь не себѣ принадлежитъ, а своимъ подданнымъ; тысячи обязанностей отвлекаютъ его отъ себя, тысячи тревогъ мучатъ его, ты-

сячи искушенiй подвергаютъ его соблазнамъ, паденiямъ. Только инокъ свободенъ отъ суетныхъ интересовъ, поглощающихъ всю жизнь всѣхъ другихъ людей. Безъ родства, безъ семейства, безъ имущества, инокъ живетъ только для Бога да для спасенiя души своей!" и т. д. Сохранилось также много писемъ Iоанна, написанныхъ имъ изъ монастырскаго уединенiя къ прежнимъ свѣтскимъ его друзьямъ, писемъ, представляющихъ цѣлые трактаты на разныя богословскiя темы. Напр. извѣстно большое письмо Златоуста къ Стелевiю, въ которомъ Iоаннъ знакомитъ друзей съ своей новой жизнью; какъ и въ вышеуказанныхъ сочиненiяхъ, горячо изображаетъ преимущества и благодатныя свойства монашества. Не менѣе извѣстно глубоко содержательное письмо къ Димитрiю, гдѣ Iоаннъ старается возбудить и поддержать въ сердцахъ друзей своихъ непрестанное и пламенное стремленiе къ высокому идеалу христiанской жизни, изложенному Спасителемъ въ нагорной проповѣди, но такъ въ жизни поруганному и извращенному.

Съ бодрой энергiей и пламеннымъ одушевленiемъ, всѣмъ сердцемъ отдавшись подвижничеству, Iоаннъ не удовольствовался даже и монастырскою жизнiю; послѣ четырехлѣтняго пребыванiя въ монастырѣ, онъ ушелъ въ горы еще дальше и глубже, удалился въ полное уединенiе. Въ недоступной глуши, въ глубинѣ дикихъ скалистыхъ горъ, Iоаннъ отыскалъ глубокую пещеру и въ ней остался, подвергая себя всей ужасающей безпомощности и беззащитности полнаго отшельника отъ мiра и людей, анахорета. И здѣсь-то, не слыша голоса человѣческаго, подвергая себя для насъ даже и невообразимымъ лишенiямъ и подвигамъ, питаясь только злаками и кореньями, что можно было найти около, въ горахъ, Iоаннъ провелъ еще два года въ непрестанной молитвѣ, въ одинокихъ размышленiяхъ.—Это шестилѣтнее подвижничество, богомыслiе и самоуглубленiе доставили Iоанну несравненное знанiе Слова Божiя, непоколебимое убѣжденiе въ истинѣ христiанства и поразительно глубокое, проникновенное знанiе человѣческаго сердца. Все это было высшею и для

величайшихъ міровыхъ дѣятелей развѣ немногимъ единицамъ доступною школою, которая воспитала человѣчеству Златоуста, этого необычайнаго сердцевѣдца, всемогущаго нравственнаго вождя, истиннаго властителя душъ и сердецъ человѣческихъ.

Возможно, что Іоаннъ такъ и схоронилъ бы себя въ его каменномъ гробѣ, такъ бы и остался сокрытымъ, невѣдомымъ міру; но Богу угодно было этотъ преукрашенный и природными дарованіями, и просвѣтленный высшимъ вѣдѣніемъ, и очищенный въ горнилѣ невѣроятнаго подвижничества, яркій свѣточъ для всего человѣчества открыть, явить міру. Невообразимо тяжкіе подвиги и лишенія сломили здоровье Іоанна; онъ дошелъ до крайняго тѣлеснаго изнеможенія. Отъ ненормальнаго питанія желудокъ его былъ совершенно ослабленъ, а отъ вѣчной сырости въ пещерѣ оконечности рукъ и ногъ не только нестерпимо ломили, а даже начали приходить въ паралличное состояніе. Такимъ образомъ, Іоаннъ вынужденъ былъ разстаться въ глазахъ его съ счастливѣйшею, равноангельской, отшельнической жизнію. Въ концѣ 380 года Іоаннъ возвратился въ свою родную Антіохію.

Здѣсь, въ нормальныхъ условіяхъ жизни, силы молодого организма быстро стали возстановляться, и Іоаннъ скоро выздоровѣлъ. Какъ ни увлеченъ былъ онъ отшельническою жизнью, но, предусматривая новые пути Промысла Божія въ своей судьбѣ, онъ уже не вернулся въ пустыню. При видѣ забытаго-было имъ многолюднаго города, понялъ онъ, что у христіанина, помимо обязанностей его къ Богу и себѣ самому, есть еще обязанности и въ отношеніи къ ближнимъ. Не даромъ еще и ранѣе, въ сочиненіяхъ своихъ о монашествѣ, онъ писалъ, что пустыня не должна отвлекать отъ міра всѣхъ лучшихъ людей, чтобы не лишать массу народную благотворнаго ихъ вліянія—что не только живущіе въ городахъ не должны всѣ устремляться въ горы, а наоборотъ, и отшельники изъ горъ должны возвращаться въ города, чтобы своимъ вліяніемъ ограничивать въ нихъ господство зла и пороковъ. Іоаннъ понялъ теперь, что есть для христіанина не

менѣе важный и не болѣе легкій подвигъ, кромѣ заботъ о себѣ *самомъ*: подвигъ самоотверженія, ради другихъ, на благо близкихъ своихъ. И отселѣ Іоаннъ безповоротно вступилъ на путь этого новаго подвига—служенія людямъ. Путь этотъ привелъ его къ горшимъ страданіямъ, завершившимся для него даже мученичествомъ; но зато новый подвигъ Іоанна принесъ неизмѣримую, безцѣнную пользу для всего міра христіанскаго и создалъ, навѣки возвеличилъ и прославилъ имя Златоуста.

Со страхомъ нѣкогда бѣжавшій отъ высокаго и почетнаго сана епископскаго, Іоаннъ съ благоговѣйной покорностью принялъ теперь предложенный ему мѣстнымъ епископомъ, благочестивымъ Мелетіемъ, скромный санъ *діакона* антіохійской церкви. И цѣлыхъ пять слѣдующихъ лѣтъ прослужилъ Іоаннъ въ этомъ санѣ, ревностно и самоотверженно исполняя связанныя съ нимъ обязанности: ежедневно онъ участвовалъ въ богослуженіяхъ, наблюдалъ за порядкомъ въ храмѣ, за благочиніемъ въ церковныхъ собраніяхъ, а что особенно требовало неусыпныхъ заботъ и трудовъ—онъ завѣдывалъ очень важнымъ, отвѣтственнымъ дѣломъ церковной благотворительности. То есть, Іоаннъ отыскивалъ и посѣщалъ бѣдныхъ, больныхъ, облегчалъ положеніе всѣхъ несчастныхъ, оказывалъ личныя услуги и матеріальную помощь всѣмъ нуждающимся. И эта благородная и особенно Богомъ благословенная, дѣятельность благотворительная явилась важнымъ вкладомъ, существеннымъ восполненіемъ въ общую сумму нравственнаго воспитанія и духовнаго совершенствованія великой личности Іоанна. Дѣло въ томъ, что уединеніе, въ которомъ такъ долго предъ тѣмъ онъ пребывалъ, могло собрать всѣ помыслы и чувства его только на заботѣ о собственномъ спасеніи и до нѣкоторой степени потушить въ его душѣ святой огонекъ любви къ людямъ, охладить вообще теплоту его прекраснаго сердца, отзывчивость его на страданія и нужды ближнихъ. Вѣдь ближніе и ихъ несчастья такъ легко и естественно забываются, когда не видишь ни тѣхъ, ни другихъ. И вотъ діаконство снова развернуло предъ взорами Іоанна картину

бѣдствій и страданій людскихъ. Видѣть страданія другихъ, конечно, и тягостно и непріятно, но пока существуютъ страданія на землѣ, видѣть ихъ всегда полезно и поучительно для всякаго даже и зауряднаго человѣка. Горе и слезы другихъ пробиваютъ наше равнодушіе и безчувственность, поднимаютъ въ глубинѣ даже очерствѣвшей души добрыя движенія, благородные порывы, размягчаютъ, оживляютъ сердце, дѣлаютъ его способнымъ на жертву и на самоотверженіе. А ужъ нечего и говорить, какъ это, широко раскрывшееся предъ Іоанномъ зрѣлище страданій людскихъ, какъ оно дѣйствовало на чуткую его душу! Во всякомъ случаѣ, извѣстно, что самыя первыя лепты, которыя діаконъ Іоаннъ отдалъ неимущимъ и бѣдствующимъ, были остатки его собственнаго имущества. И съ этой поры, онъ, хотя занималъ потомъ, какъ говорится въ общежитіи, доходныя должности и могъ бы, при желаніи, накопить цѣлыя богатства, но, какъ и прежде, во время отшельничества своего, такъ и теперь, на этихъ должностяхъ, онъ уже никогда и ничего не имѣлъ, ничего себѣ не оставлялъ, все свое отдавалъ бѣднымъ, самъ оставаясь вѣчно первымъ, самымъ крайнимъ бѣднякомъ.

Среди непрестанныхъ и ревностныхъ трудовъ, Іоаннъ не имѣвшій пока права, какъ діаконъ, проповѣдывать, находилъ досугъ и возможность помогать нуждающимся въ ободреніи, утѣшеніи и назиданіи—своими писаніями. Такъ, онъ составилъ *Три книги о Провидѣніи*,—это сочиненіе написано было Іоанномъ для одного изъ его друзей (Стагира), находившагося въ состояніи тяжкаго духовнаго угнетенія, и заключаетъ въ себѣ обширный, обстоятельный трактатъ богословскій о значеніи скорбей и страданій, допускаемыхъ Божественнымъ промышленіемъ въ жизни человѣка. Затѣмъ, Іоаннъ написалъ *Книгу утѣшеній молодой вдовѣ*, лишившейся своего любимаго мужа. Эта книга, какъ еще болѣе—слѣдующая книга, написанная тогда Іоанномъ, *О дѣвствѣ*, суть общеизвѣстные въ святоотеческой литературѣ прекрасные, восторженные, можно сказать, гимны, восхваляющіе достоинства и цѣну

цѣломудреннаго вдовства и дѣвства въ христіанствѣ. Тогда же Іоаннъ составилъ большое полемическое сочиненіе—*Книгу о св. Вавилѣ, противъ Юліана и язычниковъ,* гдѣ краснорѣчиво разсказана исторія священномученика Вавилы, бывшаго епископа антіохійскаго, и, по личнымъ воспоминаніямъ самого Іоанна, передана исторія вышеупомянутаго гоненія на христіанъ въ Антіохіи, поднятаго Юліаномъ.

Въ 386 году, Іоаннъ, уже приближавшійся къ сорокалѣтнему возрасту, былъ рукоположенъ въ санъ *пресвитера.* Въ ту пору, въ Антіохіи, между пресвитерами, были раздѣлены ихъ сложныя обязанности: одни по преимуществу заняты были совершеніемъ богослуженій, другіе — требоисправленіемъ, третьи — проповѣдью слова Божія. Іоанну, какъ уже извѣстному, даровитому оратору, назначена была именно послѣдняя обязанность. И вотъ отселѣ широко развернулась проповѣдническая дѣятельность Іоанна, доставившая ему всемірную славу и вѣковѣчную извѣстность. Проповѣданіе было истиннымъ призваніемъ Іоанна, самою дорогою, близкою для его сердца дѣятельностью. Съ неутомимою энергіею отдался Іоаннъ новому своему дѣлу, и съ каѳедры соборнаго антіохійскаго храма поистинѣ многоводнымъ, грандіознымъ, могучимъ потокомъ полилось его вдохновенное слово, запечатлѣнное духомъ апостольской ревности и силы. Іоаннъ произносилъ проповѣди во всѣ праздничные, воскресные и субботніе дни, и сверхъ того еще раза два въ недѣлю; иногда онъ говорилъ по два раза въ день, за утреннимъ и вечернимъ богослуженіями; то предупреждалъ онъ своихъ слушателей, что въ такой-то день будетъ бесѣдовать съ ними раннимъ утромъ, чтобы ни зной, ни хлопоты житейскіе не препятствовали имъ явиться въ храмъ, а то, съ другой стороны, бывало, что и ночь заставала его на каѳедрѣ. Иногда проповѣдывалъ онъ нѣсколько дней сряду, занятый раскрытіемъ какой нибудь одной истины. Часто приходилось говорить ему проповѣди по порученію своего епископа, притомъ порученію внезапному, а иногда даже приходилось заканчивать рѣчь, ра-

нѣе уже начатую самимъ епископомъ; нерѣдко также получалъ онъ внезапныя приглашенія проповѣдывать тамъ или здѣсь. Ему некогда было не только подготовлять или писать свои проповѣди, а часто не было возможности хоть сколько нибудь заранѣе обдумывать ихъ, такъ что его рѣчи въ большинствѣ случаевъ суть чистыя импровизаціи. Нерѣдко мимолетный случай, впечатлѣніе минуты, давали Іоанну темы для проповѣдей. Вотъ напр., однажды зимою идетъ онъ въ церковь; случайно вниманіе его привлекли на себя оборванные, перезябшіе бѣдняки, нищіе, — и Іоаннъ, взойдя на каѳедру, начинаетъ: „хочу нынѣ говорить съ вами о предметѣ очень важномъ и близко насъ касающемся. Сейчасъ видѣлъ я жалкихъ бѣдняковъ, едва прикрытыхъ рубищами, и съ моей стороны было бы преступленіемъ, жестокостью, еслибы я не сталъ говорить съ вами о состраданіи, человѣколюбіи“ и т. д.—полилась рѣчь на эту тему. Или вотъ, напримѣръ, уже во время начатой проповѣди, Іоаннъ замѣтилъ, что вниманіе слушателей его было случайно отвлечено зажиганіемъ свѣчей въ церкви, и онъ дѣлаетъ переходъ въ словѣ своемъ: „всѣ усилія мои я устремляю къ тому, чтобы возжечь въ сердцахъ вашихъ свѣтъ слова Божія; но вотъ простые свѣтильники больше привлекаютъ къ себѣ ваше вниманіе. Что же важнѣе и что нужнѣе намъ — свѣтъ ли духовнаго вѣдѣнія, или свѣтъ вещественныхъ свѣчей“? И — пошла рѣчь на эту неожиданную и ужъ конечно не предусмотрѣнную тему. И. т. д.

До насъ дошли, сохранились сотни бесѣдъ и поученій Іоанна Златоуста, самаго разнообразнаго содержанія: догматическія, изъясняющія основные догматы христіанскаго вѣроученія, экзегетическія, изъясняющія послѣдовательно многія священныя книги Библіи святой, назидательно - нравоучительныя, обличительныя, полемическія, надгробныя, похвальныя, въ честь св. угодниковъ Божіихъ и на многіе различные случаи пастырской практики проповѣдника. Но все это только часть произнесенныхъ Златоустомъ всѣхъ его проповѣдей. За восемнад-

цать лѣтъ его священнослуженія въ Антіохіи, а потомъ въ Константинополѣ, онъ произнесъ неисчислимое множество проповѣдей; но не всегда же и не все, имъ сказанное, записано было за нимъ другими, а изъ записаннаго далеко не все сохранилось до насъ.

Проповѣди Златоуста, по богатству содержанія, силѣ одушевляющаго ихъ чувства, захватывающей искренности и задушевности тона, по необычайной простотѣ и доступности изложенія, а въ то же время и поразительной энергіи слова, красотѣ, живости, образности языка, по силѣ, наконецъ, неотразимаго вліянія на слушателей,—суть несравненные перлы церковнаго ораторства, вѣчные образцы для подражанія, въ своемъ родѣ верхъ совершенства. Даръ краснорѣчія въ то время цѣнился выше всякихъ другихъ талантовъ человѣка: ораторы, въ родѣ Ливанія, пользовались у современниковъ особеннымъ уваженіемъ и вниманіемъ. Но языческое краснорѣчіе ораторовъ, изъ школы Ливанія, вырождалось уже въ напыщенную софистику, въ болѣе или менѣе эффектную игру громкими фразами, искусственными оборотами рѣчи, трескучими, звонкими словами, что могло тѣшить и услаждать слухъ, не захватывая, не трогая сердца. И вотъ теперь въ устахъ Златоуста зазвучало совсѣмъ иное краснорѣчіе, въ высокой степени простое по внѣшности, но полное великой силы внутренней, одухотворенное неотразимой убѣжденностью вѣрующей, святой души оратора и согрѣтое тепломъ его сердечнаго огня. Рѣшительно избѣгая всякой искусственности въ словѣ, отнюдь не гоняясь за внѣшней красивостью фразы, Златоустъ поражалъ необычайной теплотой, сердечностью и жизненностью своихъ рѣчей. Каждая мысль его, всякое слово дышатъ силой и, такъ сказать, бьютъ жизнью, потому что брались они проповѣдникомъ изъ жизни, дѣйствительности и пояснялись для всѣхъ извѣстными, очевидными, а потому и неотразимо убѣдительными примѣрами, сравненіями, сопоставленіями. Такого краснорѣчія, чуждаго изысканности, но полнаго души, сердца и, такъ сказать, завораживающаго сердца, еще не слыхивали въ Антіохіи, и толпы народа

съ изумленіемъ и восхищеніемъ внимали вдохновеннымъ рѣчамъ Іоанна. Въ храмы, гдѣ онъ служилъ и проповѣдывалъ, устремлялись скорописцы, ловили и записывали всѣ слова его, а потомъ продавали и распространяли ихъ въ народѣ. Въ городѣ изъ устъ въ уста передавались мысли изъ проповѣдей Златоуста; сплошь и рядомъ, какъ послѣдняя новость, сообщалось и обсуждалось, что̀ сказалъ Златоустъ. Проповѣди его читались въ собраніяхъ, за пиршествами, на торжищахъ, а многіе заучивали ихъ наизусть. Молва о необыкновенномъ, изумительномъ проповѣдникѣ, распространилась широко и внѣ Антіохіи, можно сказать, по всему христіанскому міру. Изъ другихъ городовъ, областей, странъ стекались слушатели къ каѳедрѣ Іоанна. Еретики, іудеи и язычники интересовались православнымъ проповѣдникомъ и часто и во множествѣ приходили въ храмъ, слушали Іоанна.

И вліяніе рѣчей Іоанна на толпу народную было могучее, необычайное, почти чудодѣйственное. Часто, подъ впечатлѣніемъ его обличеній, стоны и рыданія оглашали храмъ; слушатели плакали, падали ницъ, разрывали свои одежды, били себя въ перси въ мукахъ покаянія и раскаянія. А еще того чаще слушатели, восхищенные Іоанномъ, по тогдашнему обыкновенію, занесенному въ храмы изъ театровъ, шумно, неистово рукоплескали, апплодировали проповѣднику, что, впрочемъ, онъ тотчасъ же останавливалъ и что многократно горячо осуждалъ. Іоаннъ сталъ великимъ любимцемъ народа; всѣ съ восхищеніемъ на него смотрѣли, его чтили, въ сладость и удовольствіе его слушали, старались не пропускать его бесѣдъ, а во время проповѣди боялись проронить хотя единое его слово. Антіохійцы не знали, какъ и чѣмъ выразить свое удивленіе и расположеніе къ Іоанну; не знали, какъ и возвеличить, какъ назвать его: называли его Божіими устами, словесами Христовыми, Павловыми устами, называли златословеснымъ, сладкозвучнымъ, медорѣчивымъ, златоглаголивымъ и т. п.; но въ концѣ концовъ гласъ народа, какъ гласъ Божій, усвоилъ ему наименованіе З л а т о у с т а, съ каковымъ именемъ онъ и остался навѣки. По

преданію, имя это впервые произнесено было въ храмѣ одною женщиною: съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слушая проповѣдь Іоанна, она чего-то въ ней не поняла и, какъ бы въ забытьи, всецѣло охваченная дивною гармоніею словъ его воскликнула: „учитель духовный, Іоаннъ Златоустъ! Ты очень углубилъ мудрость твоихъ словъ, и умъ мой не можетъ постигнуть ихъ“. Эти слова были признаны какъ бы произнесенными по внушенію Божію, и отселѣ великій проповѣдникъ сталъ общеизвѣстенъ подъ именемъ Златоуста.

Случилось въ жизни Антіохіи, между прочимъ, одно событіе, которое еще болѣе распространило популярность и подняло нравственный авторитетъ Іоанна Златоуста. По поводу особенныхъ политическихъ торжествъ, въ честь десятилѣтія царствованія императора Θеодосія и пятилѣтія наслѣдника престола, Аркадія, въ званіи августа, а также и на военныя потребности страны, объявленъ былъ довольно тяжелый налогъ на жителей Антіохіи. Послѣднимъ это очень не понравилось, послышался ропотъ. Такимъ настроеніемъ общества воспользовались темныя личности, облѣнившіеся подонки населенія, искатели приключеній и мятежные, бездѣльные люди, какихъ всегда и вездѣ въ большихъ городахъ, а тогда и въ Антіохіи, особенно было много. Толпы этого сброда, поддержанныя возбужденной массой мирныхъ жителей Антіохіи, и произвели цѣлый бунтъ: разрушены были нѣкоторыя общественныя зданія, повалены и разбиты статуи императора и членовъ царствующаго дома. Но скоро обезумѣвшій народъ пришелъ въ себя, и всѣми овладѣлъ страхъ, въ ожиданіи наказанія. Подобныя преступленія противъ императорской чести въ ту пору карались самымъ жестокимъ, безпощаднымъ образомъ. Всѣмъ казались совершенно правдоподобными и вѣроятными слухи, уже летавшіе въ городѣ, что жители Антіохіи будутъ поголовно изгнаны, а многіе казнены, что городъ подвергнется разрушенію и даже самое мѣсто его будетъ распахано. Всѣ темные и скрытые вожди и руководители мятежа, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, скрылись, и жители безпо-

мощно предавались отчаянію. Мрачное безмолвіе овладѣло городомъ. Всѣ общественныя и увеселительныя мѣста, какъ театры, циркъ, бани (имѣвшія тогда значеніе теперешнихъ клубовъ), были закрыты, и только церковь Христова отверзла свои объятія падшему духомъ народу. Послѣдній кинулся въ храмы, вымаливая себѣ у Всевышняго прощеніе и спасеніе въ постигшемъ городъ несчастьи. А между тѣмъ уже начался судъ, разслѣдованіе, жители уже стали подвергаться изгнанію, пыткамъ и казнямъ.

И вотъ тогда-то яркимъ свѣтомъ заблистала геніальная мощь Златоустовскаго краснорѣчія. Въ этомъ царствѣ паники раздался мужественный и ободряющій голосъ великаго проповѣдника. Златоустъ воспользовался этими страшными днями для своихъ пастырскихъ цѣлей и въ то же время оказалъ безцѣнныя услуги родному городу и всѣмъ его жителямъ. Златоустъ произнесъ цѣлый рядъ бесѣдъ къ народу, по поводу переживаемыхъ событій. Яркими чертами и съ потрясающей силой слова, обрисовалъ онъ мрачную картину несчастнаго города, когда жители бросали свое достояніе и искали спасенія въ бѣгствѣ, когда каждый боялся за всякій слѣдущій свой часъ, когда ужасъ порождалъ самыя мрачныя предчувствія, создавалъ самые нелѣпые слухи и вѣсти. „Что сказать и о чемъ теперь можно говорить?“ такъ началъ Златоустъ: теперь время слезъ, а не рѣчей, рыданій, а не словъ, молитвы, а не разглагольствій. Содѣянное такъ ужасно, рана такъ мучительна и неизлечима, что только высшая небесная сила въ состояніи помочь намъ. Мой голосъ прерывается отъ плача, рыданія препятствуютъ моему слову. Я и не пытался бы говорить, но кто же разгонитъ мракъ печали нашей и что освѣтитъ помутившіяся мысли наши?! Приникнемъ слухомъ и сердцами нашими къ ученію Господню. Мы прежде всегда приходили сюда съ радостью; возложимъ же и теперь печаль нашу на Господа. Не отвергнемся отъ Него въ дни скорби нашей, и Онъ не отвергнетъ отъ себя насъ горестныхъ,—Онъ пріиметъ насъ подъ свой покровъ, Онъ возвратитъ намъ покой, Онъ плачъ нашъ перемѣнитъ въ радость!.... Не будемъ же

унывать, не будемъ плакать и страшиться: Тотъ, Кто кровь свою пролилъ за насъ, не откажетъ намъ и теперь въ спасеніи!“ Слова любви сострадущей и надежды свѣтлой встрѣтили горячій отликъ въ подавленныхъ уныніемъ и отчаяніемъ сердцахъ. Ужасъ и безнадежность смѣнились болѣе тихой и сознательной печалью и сокрушеніемъ. Златоустъ всецѣло овладѣлъ душами смятеннаго народа; онъ собралъ растерянныя мысли своихъ пасомыхъ, умиротворилъ и образумилъ народъ. Онъ извлекалъ искреннѣйшія слезы раскаянія въ содѣянномъ преступленіи и во всѣхъ вообще грѣхахъ и порокахъ; а съ другой стороны, онъ съумѣлъ ободрить народъ надеждой на защиту небесную и на милость царскую. Златоустъ воодушевилъ народъ, поднялъ въ немъ, воспользовавшись такимъ случаемъ, самое благостное, христіанское настроеніе. Кстати наступилъ великій постъ. Антіохійцы цѣлыя недѣли только и жили отрадой церковной, только и ждали и жаждали услышать энергичную, могучую и ободряющую рѣчь Златоуста, только въ немъ видѣли своего великаго отца, утѣшителя и друга. А между тѣмъ престарѣлый епископъ антіохійскій Флавіанъ отправился съ трогательною рѣчью, составленною Златоустомъ же, въ Константинополь, къ императору Ѳеодосію, вымаливать прощеніе преступнымъ антіохійцамъ.

Очень большая, эта рѣчь къ императору, есть прекраснѣйшій образецъ мощи, силы и убѣдительности человѣческаго слова. Трудно даже выбрать, такъ сказать, напоказъ, какія либо мѣста изъ нея, вся она—прелесть, совершенство. Вспомнивши многія благодѣянія, оказанныя Ѳеодосіемъ антіохійцамъ, епископъ Флавіанъ, словами Златоуста, между прочимъ говоритъ царю: „мы прогнѣвали тебя, государя милостиваго, отца нѣжнаго; но мы и страдаемъ ужасно! На солнце смотрѣть намъ стыдно, слезы позора жгутъ и мрачатъ наши очи.... Но есть, государь, врачество и для нашихъ ранъ. Нѣкогда Богъ, сотворивши человѣка, рай даровалъ ему; но завистію діавола, человѣкъ погубилъ свой рай и оскорбилъ своего Создателя. А Богъ, въ милости безмѣрной, про-

стилъ человѣка и вмѣсто рая земного отверзъ намъ царство небесное. Поступи, христолюбивый государь, и ты такъ же! Не казни насъ и города нашего, и тѣмъ не исполняй желанія демоновъ, которые подвигли насъ на преступленіе, а покрой грѣхъ нашъ твоей любовію, уподобляясь милостивому Богу!... Не мы только одни просимъ за себя, все христіанство за насъ проситъ тебя; ибо вселенная вся ждетъ твоего рѣшенія. Услыша твой судъ милостивый, и еллины, и іудеи, и варвары воскликнутъ: какая чудная сила въ вѣрѣ христіанской! Какъ великъ Богъ христіанъ, преодолѣвающій естество человѣческое и оскорбленнаго человѣка дѣлающій беззлобнымъ ангеломъ!... Казнить и наказывать легко и всѣмъ свойственно, но щадить и миловать обидчиковъ—это даръ избранниковъ Божіихъ.... Я пришелъ къ тебѣ, государь, не отъ антіохійцевъ только: самъ Господь меня, своего слугу, посылаетъ къ тебѣ, чтобы напомнить благородному сердцу твоему святое обѣтованіе: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный.* Вспомни же нынѣ, государь, твой послѣдній день и омой симъ добрымъ дѣломъ твои человѣческія согрѣшенія! Не со златомъ и дарами припадаю я къ тебѣ, я пришелъ къ величеству твоему съ закономъ Господнимъ и умоляю тебя: подражай Господу Твоему, Который и оскорбляемый нами безмѣрно благъ и милостивъ къ намъ! Не постыди же насъ въ надеждѣ нашей, не отвергни мольбы нашей!"....

И мольбы увѣнчались успѣхомъ. Глубоко растроганный, добрый и мудрый императоръ Ѳеодосій, выслушавъ рѣчь, только отвѣтилъ: „если самъ Господь нашъ былъ распятъ облагодѣтельствованными Имъ рабами Своими, и распинаемый, молился за своихъ распинателей, то какъ я, человѣкъ, могу не простить подобнымъ мнѣ человѣкамъ?!" Онъ даровалъ Антіохіи полное прощеніе и даже поторопилъ Флавіана скорѣе вернуться въ городъ свой и успокоить мучимыхъ опасеніями жителей его. Флавіанъ возвратился какъ разъ къ пасхѣ и принесъ антіохійцамъ сугубо свѣтлую, радостную вѣсть о прощеніи. Такимъ

образомъ, увѣренія и ободренія Златоуста исполнились и, благодаря главнымъ образомъ его краснорѣчивому слову-моленію предъ императоромъ, страшная гроза миновала. Это было величайшимъ торжествомъ Златоуста. Даже язычники, въ общемъ страхѣ ходившіе слушать Златоуста и теперь убѣдившіеся какъ бы въ чудодѣйственной его силѣ духовной, массами принимали отъ него святое крещеніе и дѣлались христіанами.

Болѣе одиннадцати лѣтъ священствовалъ Златоустъ въ Антіохіи. Въ несчетной массѣ словъ, здѣсь съ церковнаго амвона имъ произнесенныхъ, онъ изъяснилъ многія книги св. писанія, обличалъ и ниспровергалъ возникавшія тогда ереси и расколы церковные, больше же всего исправлялъ поведеніе, поднималъ нравственность антіохійскихъ христіанъ. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательны, сильны и трогательны его многочисленныя проповѣди напр. противъ религіозно-нравственнаго легкомыслія, маловѣрія и суевѣрій, противъ роскоши и модъ, противъ зрѣлищъ, театровъ, цирковъ, въ защиту рабовъ, бѣдныхъ и больныхъ отъ жестокосердаго къ нимъ отношенія, и т. д. Въ Антіохіи Златоустъ провелъ цвѣтущіе, лучшіе годы своей жизни. И не смотря на неусыпные труды, постоянное напряженіе, при строго аскетической жизни, это были самые счастливые его годы. Онъ испытывалъ высокое чувство нравственнаго удовлетворенія, видя и зная, что труды и усилія его не пропадаютъ даромъ, что паства его любила, слушала и по крайней мѣрѣ хотѣла его слушаться. Въ самомъ дѣлѣ, установилось живое взаимообщеніе и, можно сказать, идеальныя отношенія этого идеальнаго пастыря къ его пасомымъ. Златоустъ буквально покорилъ сердце народа, и это сердце незримыми, но могучими узами нравственными было привязано, влеклось и тяготѣло къ обаятельной личности Златоуста. Тѣснѣйшая душевная связь и искренняя сердечная любовь народная къ Златоусту представляла величественное и трогательное явленіе. Народъ буквально тосковалъ по Златоустѣ, покоя и радости лишался, когда, по нездоровью или вслѣдствіе отлучки Златоуста, долго

не видѣлъ и не слышалъ его. Появленіе же Златоуста на каѳедрѣ, послѣ хотя бы краткой разлуки, вызывало бурное движеніе въ народѣ: неудержимыя восклицанія, клики радости и восторга, какъ общій вздохъ изъ груди народной, оглашали своды храма.

Такая любовь народа не могла не отзываться въ благороднѣйшемъ и любвеобильномъ сердцѣ великаго учителя. И онъ, не только какъ пастырь, страдалъ, болѣлъ, мучился недугами и горестями своихъ пасомыхъ, но просто, какъ человѣкъ, полный состраданія, любви и благорасположенія къ своимъ слушателямъ, способенъ былъ о нихъ скучать, тосковать, плакать. „Всего на одинъ день я покидалъ васъ, говоритъ напр. Златоустъ по возвращеніи изъ какой-то маленькой поѣздки: а ужъ мнѣ казалось, что словно годъ цѣлый не вижу васъ,—такъ мнѣ было печально и скучно вдали отъ васъ“. „Всего больше мучила меня, говоритъ Златоустъ въ другой разъ, оправившись отъ болѣзни: разлука съ вами, мои возлюбленные! Вѣдь мнѣ здоровья моего дороже любовь ваша“. Однажды Златоустъ занемогъ отъ переутомленія и рѣшился на нѣсколько дней уѣхать изъ Антіохіи, отдохнуть въ одномъ горномъ монастырѣ; но пасомые засыпали его письмами, въ которыхъ умоляли не покидать ихъ на долго, скорѣе вернуться къ нимъ. И Златоустъ вернулся. „Итакъ, вы помните меня? началъ онъ появившись на каѳедрѣ: ни на мгновеніе и я не могъ позабыть васъ. Я вспоминалъ ревность вашу къ бесѣдамъ моимъ, любовь вашу къ проповѣди, благоволеніе ваше къ проповѣдающему, я вообще созерцалъ все добро, васъ отличающее, и это облегчало тоску моей разлуки съ вами. Сидя и стоя, въ покоѣ и въ движеніи, дома и внѣ его, вездѣ и всегда преслѣдовали меня эти мысли о васъ. Даже во снѣ, ночью, какъ и въ теченіе дня, я питался сладостью воспоминаній о васъ. Я не могъ противостоять просьбамъ вашимъ; я предпочелъ лучше не выздоровѣвши возвратиться къ вамъ, нежели, ожидая выздоровленія, томиться тоскою по любви вашей. И вотъ я всталъ и пришелъ къ вамъ“. Какою также неподдѣльною искренностью, какой могучею силой

любви христіанской дышетъ, напримѣръ, слѣдующее обращеніе Златоуста къ пасомымъ: „я ношу васъ въ сердцѣ своемъ, вы занимаете всѣ помыслы мои. Много васъ, великъ народъ, но велика и любовь моя, и никому не будетъ тѣсно въ душѣ моей. У меня нѣтъ другой жизни, кромѣ васъ, нѣтъ и иныхъ заботъ, кромѣ заботы о вашемъ спасеніи"!

И народъ, повторяю, платилъ пламенной любовью своему великому и любвеобильному пастырю. Народъ смиренно и покорно выслушивалъ отъ него грозныя прещенія, жестокія слова укоровъ и обличеній. А вѣдь прещеній-то и обличеній гораздо больше раздавалось съ каѳедры. Легкомысліе, непостоянство въ добрѣ, порочность антіохійцевъ, такъ часто вызывали съ устъ Златоуста громы праведнаго его негодованія, гнѣва. „Я не желаю вашихъ рукоплесканій, я не хочу этого шума! энергично взываетъ, напр., Златоустъ: я требую, чтобы въ безмолвіи вы слушали меня и къ жизни примѣняли мои наставленія, — вотъ какой похвалы мнѣ нужно! Вы не въ театрѣ и я не актеръ: здѣсь школа духовная", и т. д. „Что же это такое? взываетъ, напр., Златоустъ въ другой разъ: церковь дѣлаютъ театромъ! Сюда приходятъ женщины съ неприличіемъ и безстыдствомъ разодѣтыя; а за ними идутъ сюда же безстыдники. Кажется, для соблазна женщины мѣста не находятъ болѣе удобнаго, какъ церковь! Здѣсь же продаютъ и покупаютъ—удобнѣе, чѣмъ на площади; здѣсь же сплетничаютъ, новости разносятъ! Терпимо ли это? Возможно ли сносить это? Я каждодневно здѣсь утомляюсь, терзаюсь изъ за того, чтобы вамъ пользу принести, а вы съ большимъ вредомъ уходите отсюда". И т. д. Такія и имъ подобныя грозныя, суровыя рѣчи, поистинѣ власть имущаго отца духовнаго, постоянно раздавались изъ устъ Златоуста. И находились люди, неисправимо легкомысленные, безнадежно пустые и непробудно безсовѣстные, которые злобились на Златоуста за эти его обличенія, поносили его и злословили; но такихъ было немного, въ громаднѣйшемъ большинствѣ слушатели неизмѣнно любили Златоуста, такъ какъ и въ рѣзкихъ, суровыхъ сло-

вахъ его видѣли искренность и теплоту души, сердцемъ чуяли и улавливали господствующій тонъ любви во всѣхъ и всякихъ рѣчахъ Златоуста.

Слава великаго проповѣдника, необыкновеннаго оратора выступила далеко за предѣлы антіохійской церкви и все больше и громче распространялась во всѣ концы тогдашняго христіанскаго міра. Когда въ Константинополѣ, въ концѣ 397 года, освободилась архіепископская каѳедра, никого не могли найти болѣе подходящаго и достойнаго къ занятію этой каѳедры: по указанію Евтропія, тогдашняго временщика при новомъ императорѣ Аркадіи, избранъ былъ Іоаннъ Златоустъ.

Такъ какъ чуждый и тѣни тщеславія и властолюбія, Златоустъ добровольно не пожелалъ бы занять это, самое высокое въ имперіи церковное положеніе, и такъ какъ, съ другой стороны, народъ антіохійскій, беззавѣтно любившій Златоуста, добровольно, безъ сопротивленія и можетъ быть даже безъ возмущенія не отдалъ бы, не отпустилъ бы Златоуста изъ Антіохіи, то и рѣшено было взять его хитростью. По порученію императора, одинъ изъ сановниковъ имперіи пригласилъ Златоуста будто бы для переговоровъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ въ церковь св. мучениковъ, которая находилась за городомъ, внѣ Антіохіи. А тутъ посланные императора схватили Златоуста, посадили его въ приготовленный для того экипажъ. Подъ сильнымъ конвоемъ Златоустъ привезенъ былъ въ Константинополь. — Разсуждая по человѣчески, еще не постигало Златоуста во всю его жизнь болѣе тяжкаго несчастія, какъ это принудительное назначеніе его на константинопольскую каѳедру. Не митру патріаршую, а вѣнецъ терновый надѣли на него...,

Не только не желавшій и не искавшій какихъ либо повышеній, а обманомъ захваченный и насильственно привезенный въ Константинополь, Златоустъ сразу здѣсь убѣдился, что всякое сопротивленіе напрасно, и, уже усматривая въ совершившемся особое изволеніе Божіе, онъ покорился. 26 февраля 398 года онъ посвященъ былъ въ архіепископскій санъ соборомъ епископовъ, изъ кото-

рыхъ многіе съ завистью и недовольствомъ смотрѣли на Златоуста, такъ какъ сами питали честолюбивые замыслы на старѣйшую и почетнѣйшую въ имперіи константинопольскую каѳедру. Изъ числа послѣднихъ особенно выдѣлялся александрійскій архіепископъ Ѳеофилъ, хитрый и мстительный человѣкъ. Онъ затаилъ въ душѣ своей великую злобу на Златоуста и впослѣдствіи принесъ ему много мученій.

Кому иному, высокій санъ архіепископа столицы принесъ бы можетъ быть счастье и удовлетвореніе, а для Златоуста это былъ великій крестъ, преждевременно и приведшій его къ мученическому концу. Слава Златоуста, какъ необычайнаго оратора-проповѣдника, предшествовала ему въ Константинополѣ. Его ждали, его хотѣли, хотя, вѣроятнѣе, ждали и желали его не какъ святаго человѣка, пастыря и учителя великаго, а какъ рѣдкость, какъ знаменитость, которую интересно было увидѣть и любопытно послушать. И вотъ открылось предъ Златоустомъ новое, обширное и очень запущенное, невоздѣланное поле дѣятельности. Еще такъ недавно созданная новая столица, Константинополь, привеллегіями, которыя даны были первымъ поселенцамъ, привлекла въ себя массы самаго разношерстнаго люда, разныхъ національностей и разныхъ исповѣданій. Кромѣ того, вскорѣ послѣ Константина Великаго, Константинополь охваченъ былъ аріанствомъ, такъ что даже епископская каѳедра константинопольская неоднократно была занимаема еретиками. Православіе тутъ было подавлено и оскорбляемо; всякимъ заблужденіямъ ума и порокамъ воли здѣсь была широкая свобода и вольный просторъ. Великій подвижникъ, святой аскетъ, Златоустъ оказался въ средѣ изнѣженнаго, развращеннаго столичнаго общества, съ которымъ у него ничего не могло быть общаго и предъ которымъ ревностный архипастырь церкви и громоподобный проповѣдникъ не могъ да и не сталъ молчать.

Съ апостольской ревностью началъ Златоустъ свой тяжкій святительскій подвигъ. Онъ вступилъ въ непосредственное общеніе съ новой своей паствой посредствомъ ве-

ликаго богоданнаго ему таланта—слова. Чрезъ нѣсколько дней по посвященіи въ санъ архіепископскій, Златоустъ произнесъ свое первое слово къ народу. Къ сожалѣнію, слово это не сохранилось намъ. Но извѣстно, что оно произвело поразительное, чарующее дѣйствіе на новыхъ слушателей Златоуста. Быстро разнеслась молва по городу, что въ лицѣ новаго архіепископа, дѣйствительно, константинопольцы получили неслыханнаго еще, небывалаго оратора, котораго стоитъ послушать. И каѳедру Златоуста потомъ буквально стала осаждать толпа народная. Златоуста радовало и умиляло такое вниманіе къ словамъ его. „Еще такъ мало я бесѣдовалъ съ вами, говоритъ онъ въ началѣ одного изъ первыхъ своихъ словъ: а ужъ душею я возлюбилъ васъ, какъ будто и всегда доселѣ жилъ съ вами. Чувствую, что я уже привязанъ къ вамъ крѣпкими узами самой искренней любви".—Такъ началась и потомъ широко развернулась неутомимо энергичная, кипучая, многосторонняя дѣятельность Златоуста въ Константинополѣ. Нѣтъ никакой возможности въ краткомъ словѣ обозрѣть и освѣтить этотъ гигантскій трудъ Златоуста, и я по необходимости только назову, пересчитаю, только укажу въ немногихъ словахъ цѣлыя сложныя области, цѣлыя громадныя сферы архипастырской дѣятельности Іоанна Златоуста.

Прежде всего, это была дѣятельность *административная*, архипастырская. Энергично и мужественно Златоустъ принялся за исправленіе константинопольскаго клира и духовенства, которое не уступало тогда въ порокахъ и изнѣженности свѣтскому обществу. Онъ написалъ двѣ большихъ книги противъ нравственной развращенности, особенно нетерпимой, вопіющей и грѣховной въ средѣ духовенства; въ этихъ книгахъ, какъ и въ массѣ церковныхъ поученій на ту же тему, Златоустъ и стыдитъ, и убѣждаетъ, и угрожаетъ. Почитая себя отвѣтственнымъ предъ Богомъ за ввѣренное его водительству стадо духовное, Златоустъ чуждъ былъ такъ нерѣдкаго въ обыкновенныхъ людяхъ малодушія, и онъ не ограничился часто гибельными въ жизни только полумѣрами. По образному

выраженію одного стариннаго біографа, Златоустъ, какъ смѣлый операторъ, не остановился предъ огнемъ и желѣзомъ, т. е. предъ сильными и рѣшительными мѣрами, лишь бы поднять достоинство пастырства, очистить клиръ отъ недостойныхъ членовъ, освободить духовенство отъ справедливыхъ нареканій и направить благое вліяніе его на народъ. Многіе нераскаянные и базнадежно павшіе клирики, даже и епископы, по настоянію непреклоннаго въ святой ревности первосвятителя, должны были освободить мѣста, ими недостойно занятыя и ихъ поведеніемъ позоримыя.

Заботливою любовью обнимая всѣ церкви и помѣстныя, зависимыя отъ столичной каѳедры, Златоустъ не только завелъ постоянныя дѣятельныя сношенія съ епископами и вообще духовенствомъ этихъ церквей, но и самъ посѣщалъ ихъ. Такъ напр., въ февралѣ 400 года, больной, въ дурную погоду, онъ совершилъ стодневное, такъ и названное историками „апостольское" путешествіе въ Азію. Послѣ труднаго и опаснаго зимняго плаванія, онъ, вслѣдствіе бездорожья, пѣшкомъ дошелъ до Ефеса, гдѣ и собралъ до 70 епископовъ. На этомъ соборѣ много было разрѣшено недоумѣній, устранено безпорядковъ и безчинствъ въ церковной жизни, нѣсколько епископовъ и много клириковъ было отрѣшено отъ занимаемыхъ ими должностей. Блаженный Ѳеодоритъ, впослѣдствіи, говорилъ о Златоустѣ, вспоминая это его апостольское путешествіе: „видѣлъ тебя Ефесъ и наименовалъ тебя новымъ, вторымъ Іоанномъ; слышалъ тебя Ефесъ и вспоминалъ о томъ громѣ небесномъ, что раздавался тамъ нѣкогда изъ устъ перваго Іоанна, Богослова-апостола".

Далѣе, дѣятельность Златоуста была *миссіонерская.* Въ виду опасности и великаго зла, вносимаго въ религіозную жизнь страны аріанами, новаціанами, манихеями, маркіонитами и др. еретиками, Златоустъ поставилъ цѣлью всячески поднять православіе въ глазахъ народа, величественнѣе его поставить, привлечь къ нему вниманіе и расположеніе легкомысленнаго и неустойчиваго константинопольскаго населенія. Въ ряду мѣръ, въ этомъ направ-

леніи предпринятыхъ Златоустомъ, отмѣчу одну, очень счастливую, полезную и особенно симпатичную: въ противовѣсъ смущавшимъ и увлекавшимъ народъ разнымъ еретическимъ церемоніямъ религіознымъ, Златоустъ организовалъ величавыя, грандіозныя процессіи православныя, съ свѣчами, факелами, священными гимнами, съ общенароднымъ пѣніемъ. Особенно разительное впечатлѣніе производили на народъ введенныя Златоустомъ ночныя религіозныя шествія, церковныя процессіи и богослужебныя собранія. Самъ Златоустъ очень любилъ эти бдѣнія ночныя и съ увлеченіемъ располагалъ къ нимъ народъ: „ночь создана вовсе не для одного только сна, говорилъ онъ: церковь Божія и въ полунощи бодрствуетъ. Вставай же и ты, христіанинъ! Созерцай и насладись этимъ хоромъ небеснымъ свѣтилъ, этимъ глубокимъ безмолвіемъ ночи, ея таинственною тишиною. Преклонись предъ Провидѣніемъ Господа твоего! Вѣдь ночью душа твоя болѣе чиста, болѣе легка, она свободнѣе возносится горѣ, вверхъ; и тьма и безмолвіе сильнѣе располагаютъ ее къ созерцательности. Когда больше, какъ не ночью, и растенія испускаютъ благоуханіе! Такъ и душа твоя ночью свободнѣе воспринимаетъ росу небесную. Что днемъ сожжено, то ночью живитъ и освѣжаетъ“.

Златоустъ обратилъ вниманіе на многія, еще не просвѣщенныя свѣтомъ Христовымъ племена и народности, входившія въ составъ имперіи или сосѣднія съ нею, и предпринималъ дѣятельныя усилія къ распространенію въ средѣ ихъ истинной вѣры. Онъ организовалъ общества, братства миссіонеровъ, цѣлыя дружины миссіонерскія, и направлялъ ихъ даже къ дикимъ народамъ, въ далекія страны, на востокъ и сѣверъ—въ Финикію, Аравію, Персію, къ готѳамъ и скиѳамъ, къ племенамъ, населявшимъ предѣлы теперешней Россіи, въ равнинахъ между Дунаемъ и Днѣпромъ. Златоустъ изыскивалъ средства на содержаніе этихъ миссій, строилъ въ новопросвѣщенныхъ странахъ храмы, организовалъ въ нихъ епископіи, вводилъ для нихъ богослуженіе на ихъ родномъ, напр. готѳскомъ, языкѣ и т. д.

Далѣе, дѣятельность Златоуста въ Констатинополѣ была *благотворительная.* Сокративъ свои личныя потребности и расходы до крайности, онъ всѣ, очень богатыя средства своей каѳедры отдавалъ на дѣла милосердія. Кромѣ постоянной раздачи милостыни бѣднякамъ и нищимъ, кромѣ постоянныхъ пожертвованій въ существовавшія до него благотворительныя учреженія Константинополя, Златоустъ, на свои личныя и получаемыя отъ расположенныхъ имъ къ тому богатыхъ людей, средства, организовалъ очень крупныя и знаменитыя тогда въ Константинополѣ благотворительныя учрежденія, именно: онъ основалъ въ городѣ громадный госпиталь для болящихъ и не менѣе громадный странопріимный домъ для чужестранцевъ и для безпріютныхъ людей. Поддержаніе этихъ заведеній и ихъ благоустроеніе было всегдашней и, можно сказать, любимой заботой Златоуста. Не даромъ такъ часто и въ проповѣдяхъ своихъ онъ призываетъ и располагаетъ богачей къ благотворительности, такъ горячо славословитъ христіанскую добродѣтель милостыни. Извѣстно, что Златоустъ стремился къ полному уничтоженію нищенства и бѣдности въ Константинополѣ и уже мечталъ объ осуществленіи безбѣднаго, братскаго взаимообщенія его пасомыхъ, по подобію первенствующихъ христіанъ Іерусалима.

Нельзя, далѣе, не упомянуть о дѣятельности Златоуста *литургической*—по улучшенію, благоустроенію и упорядоченію общественнаго богослуженія. Вѣчнымъ памятникомъ этихъ заботъ и трудовъ Златоуста является имъ составленный и общепринятый на всѣ времена и у всѣхъ православныхъ христіанъ чинъ божественной литургіи Златоуста.

Но самая главная дѣятельность Златоуста, въ каковой онъ былъ по-истинѣ неподражаемо великъ, была дѣятельность *проповѣдническая.* Здѣсь прежде всего нужно отмѣтить громадный отдѣлъ его бесѣдъ экзегетическихъ. Продолжая начатое имъ въ Антіохіи дѣло изъясненія слова Божія, тутъ, въ Константинополѣ, онъ далъ образцовыя по своей простотѣ, общедоступности и въ то же

время по глубинѣ мысли, полнотѣ пониманія, толкованія на книгу Дѣяній апостольскихъ, на Посланія ап. Павла къ Филипписіямъ, къ Колосаямъ, къ Евреямъ и др. священныя книги. Но самый громадный отдѣлъ проповѣднической дѣятельности Златоуста составляютъ его поученія нравственно-назидательныя и обличительныя, при чемъ Златоусту пришлось имѣть дѣло съ тѣми же порядками паствы его, что и въ Антіохіи, но только еще въ горшей степени, въ большей мѣрѣ. Въ зависимости отъ этого, константинопольскія проповѣди Златоуста—противъ зрѣлищъ, безнравственности, изнѣженности, модъ, распутства, чревугодія, легкомыслія въ вѣрѣ и т. д.—дышатъ какъ бы еще большею энергіею слова и напряженностью чувства.

И вся эта многосторонняя кипучая дѣятельность Златоуста имѣла необычайный успѣхъ, видимо приносила благіе плоды и результаты. И религіозная и нравственная жизнь обитателей столицы мало по малу начала принимать болѣе благоустроенный, упорядоченный видъ. Неукротимая, истинно-апостольская ревность архипастыря дѣйствовала неотразимо по крайней мѣрѣ на простыя, болѣе дѣвственныя сердца простого народа. Успѣхъ проповѣдей Златоуста и здѣсь, въ Константинополѣ, былъ громадный и необычайный. Какъ было и въ Антіохіи, никакой храмъ константинопольскій не могъ вмѣстить массы людей, желавшихъ слушать Іоанна; возлѣ его каѳедры была обыкновенно невѣроятная давка; скорописцы въ разныхъ концахъ храма записывали рѣчи его, которыя потомъ широко распространялись среди народа въ столицѣ и за предѣлами ея. Апплодисменты, громкіе вздохи, плачъ, рыданія и т. п. проявленія неудержимаго волненія чувствъ въ слушателяхъ нерѣдко нарушали плавное или бурное теченіе рѣчи Златоуста, а иногда извлекали слезы умиленія и на очахъ самаго проповѣдника. Толпа провожала Златоуста и внѣ церкви, съ восторгомъ принимала на себя добровольныя обязаности хранить и оберегать своего возлюбленнаго архипастыря отъ всякихъ опасностей и огорченій; очень нерѣдко сотни горожанъ прово-

дили цѣлыя ночи у дверей Златоуста, когда угрожала ему какая либо непріятность. Видя и зная такую преданность и любовь народа, Златоустъ, дѣйствительно, имѣлъ основанія обрашаться къ слушателямъ своимъ, примѣрно, съ такими рѣчами: „вы—мое все; вы мнѣ и отецъ, и братья, и дѣти; вы—мои члены, мое тѣло и жизнь моя! Вы мнѣ вѣнецъ и утѣшеніе; вы мое помазаніе, мой свѣтъ!“ А такія слова, притомъ дышавшія Златоустовской силой и искренностью, буквально потрясали толпу, несказанно одушевляли, еще болѣе увлекали и привлекали ее къ великому архипастырю.

Были и въ константинопольскій періодъ жизни Златоуста особенные случаи, исключительныя событія, которыя сильнѣе закрѣпляли нравственную связь Златоуста съ пасомыми и еще болѣе выдвигали, поднимали авторитетъ его въ глазахъ послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, въ концѣ перваго же года служенія Златоуста въ Константинополѣ (въ 398 г.) надъ городомъ разразилось страшное бѣдствіе —великое землетрясеніе. Раздался ужасающій подземный шумъ; потомъ земля растрескалась во многихъ мѣстахъ, изъ разсѣлинъ била вода, вырывался огонь, поднимался страшный удушливый дымъ; воды Босфора буквально кипѣли и выступили изъ береговъ, затопляя городъ. Грозныя тучи закрыли небо непроницаемымъ мракомъ, молнія своими огненными стрѣлами разсѣкала воздухъ по всѣмъ направленіямъ. Зданія, жилища трескались и распадались, погребая многихъ подъ своими развалинами. Императорская семья, сановники, управители города и массы горожанъ спасались бѣгствомъ изъ города. Въ этомъ царствѣ ужаса и паники нисколько не растерялся и оставался непоколебимымъ мужественный архипастырь. Послѣ изчезнувшихъ и разсѣявшихся властей, онъ одинъ остался въ столицѣ, какъ ея хозяинъ, начальникъ и утѣшитель народа. И онъ съумѣлъ своимъ самообладаніемъ возстановить порядокъ въ столицѣ; онъ собралъ смятенныхъ жителей около храма, ободрилъ ихъ, успокоилъ. А когда бѣдствіе миновало и бѣжавшіе вернулись въ городъ, Златоустъ открылъ рядъ бесѣдъ на эту злобу послѣднихъ

дней: огненными красками онъ изобразилъ пережитыя бѣды и мученія, не преминувши поставить на видъ своимъ слушателямъ и тѣ нравственныя причины, что низвели на нихъ этотъ гнѣвъ Божій. А чтобы еше больше укрѣпить напуганный народъ въ благомъ, религіозномъ настроеніи, Златоустъ устроилъ грандіозную церемонію перенесенія св. мощей мучениковъ въ новый великолѣпный храмъ, по ту сторону Босфора, въ девяти миляхъ отъ Константинополя. Это торжество, въ которомъ принимали участіе многія тысячи народа, съ возженными свѣчами, сь пѣніемъ гимновъ, ночью, произвело на всѣхъ присутствующихъ восторженное впечатлѣніе. Глядя на несмѣтную массу вѣрующихъ, тамъ вдали отъ города, Златоустъ въ умиленіи восклицалъ въ своей рѣчи: „какъ бы нѣкое море разлилось сюда отъ самаго города!—море, не воздвигаемое бурею, не угрожающее крушеніемъ, безопасное отъ камней подводныхъ. Рѣкою огненной, отъ обилія свѣтильниковъ, разлилось это море—черезъ море и по землѣ... Что же мнѣ сказать теперь? Я полонъ веселья, я внѣ себя! Я ликую, я ношусь восхищенной душою, я очарованъ симъ духовнымъ веселіемъ; я летаю и играю отъ радости, что эта пустыня стала многолюднымъ городомъ, а городъ остался пустынею!“ Искренній восторгъ возлюбленнаго архипастыря еще пуще поднималъ настроеніе народа. Ликованіе народа было полное и впечатлѣніе неизгладимое. Народъ былъ упоенъ этой исключительной радостью религіозною и былъ за то глубоко благодаренъ Златоусту, громко выражалъ ему признательныя свои чувства.

Подобное же событіе случилось и во второй годъ святительства Златоуста (399 г.), когда, какъ разъ въ дни страстной седьмицы, необычайная буря разразилась надъ Константинополемъ и разрушила массу зданій, жилищъ въ немъ. Ужасающій дождь, какъ бы сплошнымъ потокомъ воднымъ, низринулся съ небесъ, опустошалъ поля, истреблялъ плоды, растенія и губилъ все благосостояніе народа. Та же паника, растерянность и исчезновеніе изъ города властей, и такъ же одинъ Златоустъ—въ обычной и знакомой ему роли единственнаго пред-

ставителя власти и отца, утѣшителя народнаго. Наученные опытомъ прошлаго, граждане теперь сами бѣжали въ храмъ, къ Златоусту. Онъ объявилъ общественныя моленія и, при несмѣтномъ стеченіи народа, совершалъ крестные ходы, по городу и за городъ, такъ же чрезъ Босфоръ, на другой берегъ, и т. д. Словомъ Златоустъ и на сей разъ отвлекъ подавленную мысль народную отъ земныхъ ужасовъ и заполнилъ сознаніе своихъ пассомыхъ религіозной настроенностью, христіанскими упованіями. Буря утихла, жители успокоились; но эти услуги Златоуста въ тяжелые безотрадные дни не могли забыться, и любовь народная къ нему все росла и крѣпла.

Нельзя также не вспомнить чрезвычайно важнаго случая, когда Златоустъ явился спасителемъ отечества отъ повергшаго всѣхъ въ ужасъ и грозившаго страшными послѣдствіями нашествія на столицу варваровъ иноплеменниковъ. Въ ту пору выдѣлился одинъ молодой военачальникъ—Гайна, по національности готъ, по вѣроисповѣданію еретикъ аріанинъ, человѣкъ хитрый, злобный и свирѣпый. Въ 398 г. онъ отправленъ былъ императоромъ Аркадіемъ съ войскомъ во Фригію, для подавленія тамъ мятежа. Но Гайна измѣннически соединился тамъ съ врагами имперіи и во главѣ иноплеменныхъ войскъ направился на Константинополь. Императоръ Аркадій, чтобы укротить и задобрить этого варвара, согласился объявить его начальникомъ всѣхъ войскъ имперіи. Но и это не обезоружило Гайну. Онъ предъявилъ императору одно за другимъ возмутительныя требованія. Напр., онъ требовалъ головы нѣкоторыхъ консуловъ, вѣрныхъ слугъ отечества, требовалъ уступки аріанамъ нѣсколькихъ церквей православныхъ. И только великая, воистину самоотверженная энергія и протесты Зкатоуста сломили дикую волю дикаго насильника: онъ уступилъ, отказался отъ своихъ домогательствъ. Но потомъ скоро Гайна, скучавшій миромъ и спокойствіемъ, поднялъ снова открытый бунтъ во Ѳракіи Собравши тамъ громадныя полчища, онъ раззоряя все по пути, ужасающей грозою устремился на Константинополь. Трепетъ объялъ всѣхъ; паника

была такъ велика, что никто—ни начальствующіе, ни подчиненные—не рѣшались противостать варварамъ. Столица, а съ нею и имперія, оказались беззащитными и готовы были покорно ждать своей горькой участи. И вотъ Златоустъ, въ этотъ страшный моментъ, одинъ сохранилъ самообладаніе и своимъ самоотверженіемъ спасъ отечество: онъ не побоялся свирѣпаго и, какъ можно было думать, на него уже обозленнаго варвара; онъ дерзновенно одинъ отправился къ Гайнѣ, чтобы уговорить его успокоить и, такимъ образомъ, спасти столицу, царя и отечество. И эта въ высшей степени рискованная миссія, грозившая Златоусту смертью, убійствомъ въ варварскомъ станѣ, именно ужъ только *Богу содѣйствующу*, увѣнчалась полнымъ и блистательнымъ успѣхомъ. Даже этотъ свирѣпый варваръ и еретикъ, Гайна, оказалъ полное вниманіе и уваженіе къ святителю. Узнавъ, что идетъ къ нему слава мира, самъ Златоустъ, Гайна вышелъ къ нему навстрѣчу, даже съ дѣтьми своими, поклонился ему и согласился съ его увѣщаніями—не губить людей, не разрушать имперіи. Скоро послѣ того Гайна, въ его воинскихъ аферахъ, прекратилъ свое буйное существованіе, погибъ; во всякомъ случаѣ, въ данный-то критическій моментъ только вотъ эта, именно міровая сила духовная въ лицѣ Златоуста, одолѣла неукротимую физическую силу варварства. Это былъ славный подвигъ патріотическій Златоуста, великая его духовная побѣда спасшая отечество.

Таковы были незабвенные труды и исключительныя заслуги великаго святителя предъ народомъ, церковью, предъ царемъ и отечествомъ! Вообще, въ то несчастное царствованіе Аркадія, бѣдствія и испытанія, которымъ подвергалось отечество, вынуждали Златоуста не ограничиваться только дѣятельностью церковною. Слабость императорскаго правленія заставляла его дѣлаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ и дѣятелемъ политическимъ, патріотическимъ. Въ этой напримѣръ, исторіи съ Гайною Златоустъ не только какъ пастырь христіанскій защищалъ религію, но и какъ патріотъ, жизнью рисковалъ за родину свою и за царя своего.

А между тѣмъ черная туча злобы и цѣлая буря ненависти, пока незримо и по капелькѣ, собиралась и скоплялась надъ главою великаго святителя, и отселѣ повѣсть всѣхъ остальныхъ лѣтъ жизни Златоуста является одною изъ печальнѣйшихъ страницъ исторіи церковной вообще.

Какъ и слѣдовало ожидать, строгія мѣры Златоуста въ отношеніи къ испорченному и развращенному клиру константинопольскому и къ духовенству страны, породили глухой ропотъ на столь ревностнаго и строгаго архипастыря. Масса клириковъ, пресвитеровъ и епископовъ, потерпѣвшихъ изъ-за святой ревности Златоуста, составили прочный и многочисленный контингентъ враговъ Златоуста, желавшихъ всякой ему непріятности и чаявшихъ, искавшихъ его гибели. А многіе представители высшей власти духовной, епископы, въ родѣ Ѳеофила александрійскаго, мучительно завистничали, глядя на Златоуста,—завидовали и положенію его на каѳедрѣ столицы, и небывалой, безпримѣрной славѣ его, и вліянію на народъ, и ненавистничали на него изъ-за святой его апостольской жизни, служившей живымъ укоромъ для нихъ самихъ.

Близость высшей въ государствѣ аристократіи и придворныхъ сферъ была новымъ и еще лишнимъ бременемъ и горемъ для Златоуста. Въ средѣ этого изнѣженнаго, избалованнаго и пресыщеннаго въ порокахъ барства Златоустъ не могъ нравиться прежде всего самъ по себѣ, какъ святой подвижникъ, непреклонный аскетъ. Такой человѣкъ и вся жизнь, обстановка его, упрощенная до самой крайней степени, доведенная именно до апостольской простоты и бѣдности, были непонятны и уже во всякомъ случаѣ несимпатичны представителямъ модной аристократіи. „Несговорчивый монахъ“, какъ называли въ этихъ кругахъ Златоуста, отрицавшій всякую житейскую суетность, свѣтскость, строго говоря, и на патріаршей каѳедрѣ отшельникъ, питавшійся только хлѣбомъ и все свое отдававшій бѣднымъ, непоколебимо прямой и непреклонно правдолюбивый,—такой человѣкъ, въ пыш-

ной столицѣ и въ рядахъ высшей, правящей аристократіи, составлялъ явленіе рѣшительно необычайное и ужъ слишкомъ своимъ контрастомъ рѣзавшее глаза. Златоустъ былъ самъ по себѣ не сносенъ для этихъ людей, какъ невыносимъ бываетъ яркій свѣтъ для больныхъ глазъ. Но еще ужаснѣе было то, что этотъ „несговорчивый монахъ" не хотѣлъ равнодушно смотрѣть на окружавшихъ его и не оставилъ въ покоѣ ихъ. Раззорительная роскошь, корыстолюбіе, а въ зависимости отъ этого и всякія неправды высшихъ сословій и чиновниковъ встрѣчали въ Златоустѣ небывало безпощаднаго, грознаго и необычайно сильнаго остроумнато обличителя. Проповѣди Златоуста, полныя художественной красоты и разительной силы, невольно привлекали къ его каѳедрѣ всѣхъ, именно и жестоко обличаемыхъ имъ людей; эти проповѣди нерѣдко являлись событіями дня, о нихъ всюду говорили, ихъ записывали, переписывали, они всюду въ общественныхъ кружкахъ распространялись, ими зачитывались. Въ массѣ людей, задѣтыхъ обличеніями,—а такихъ было слишкомъ много,— слагалось и наростало негодованіе и озлобленіе на Златоуста; число враговъ и ненавистниковъ его все прибывало. Простой народъ, далекій отъ властныхъ сферъ и вслѣдствіе бѣдности менѣе зараженный пороками и нравственной распущенностью, неизмѣнно и тутъ, какъ въ Антіохіи, горячо любилъ новаго архипастыря и съ однимъ только искреннимъ восторгомъ внималъ его слову. Зато люди порочные и преступные, недоброжелатели и враги Златоуста, искали всякой возможности и случая, въ чемъ бы поймать и завинить святаго человѣка; а такъ какъ въ жизни и поведеніи Златоуста ничего нельзя было усмотрѣть грѣховнаго, порочнаго, компрометирующаго, то желали по крайности его, какъ нѣкогда старѣйшины іудейскіе Спасителя, *обличашь въ словѣ.*

И вотъ, въ рядахъ народа, восхищавшагося лицезрѣніемъ и рѣчами Златоуста, ютились и шпіоны, враги Златоуста, жадно ловившіе всякое неточное слова, двусмысленное выраженіе, малѣйшій намекъ его, чтобы все это раздуть и преувеличить клеветою, а потомъ осуждать и

обвинять Златоуста. Въ кругу недоброжелательныхъ къ нему людей стали распространяться потоки гнусной и безстыдной клеветы съ явной цѣлью—его унизить обезславить, погубить. Слова Златоуста извращались поступки перетолковывались; его обвиняли, напримѣръ, въ алчности, скаредности, въ гордости; распространяли молву, что Златоустъ возмущаетъ народъ, оскорбляетъ представителей власти, что аскетическая жизнь его только на показъ, а въ тайнѣ-де онъ предается оргіямъ, разгулу и тому подобныя, въ высшей степени нелѣпыя, подлыя и ни для кого невѣроятныя гнусности сплетали на имя святаго, великаго человѣка. Мало того, нѣкоторыя изъ наиболѣе сильныхъ и злобныхъ враговъ Златоуста посылали шпіоновъ даже въ Антіохію, чтобы тамъ, такъ сказать, порыться въ молодой жизни ненавистнаго для нихъ архипастыря, поискать какихъ либо уликъ, обвиненій на него. Но, впрочемъ, и эти ревностныя усилія ни къ чему не привели и никакихъ нужныхъ данныхъ врагамъ Златоуста не доставили.

Златоустъ не могъ не видѣть надвигающуюся на него бурю; но ужъ конечно никогда этотъ святой человѣкъ не могъ принизиться до того, чтобы бороться противъ интригъ, клеветы и низости такимъ же общепринятымъ въ свѣтѣ оружіемъ. Зная свою полную правоту и невинность онъ, какъ пастырь и какъ христіанинъ, не страшился злобы земной и готовъ былъ все претерпѣть ради правды небесной. „Да и чего мнѣ бояться?!“ говоритъ онъ, напр., въ одной проповѣди. „Неужели возможно бояться мнѣ смерти, когда Самъ Христосъ—моя жизнь! Неужели бояться мнѣ потери имущества? Но я нагъ пришелъ въ міръ сей и ничего съ собою не возьму изъ него. Да у меня и нѣтъ ничего, все мое—въ одномъ желаніи: жить для блага душъ христіанскихъ.“ Мужественно и твердо, какъ истинный христіанинъ, Златоустъ готовъ былъ принять гоненіе, поднятое на него завистью, ненавистью и всеми темными страстями человѣческими.

А между тѣмъ времена теперь, по смерти мудраго императора Θеодосія, измѣнились и измѣнились очень къ

худшему. Защиты и поддержки самоотверженному проповѣднику и безпощадному изобличителю пороковъ людскихъ и неправдъ житейскихъ найти было не въ комъ. Во главѣ имперіи стоялъ юный государь Аркадій, человѣкъ добрый и благочестивый, но очень слабый, безхарактерный. Онъ всецѣло поддался вліянію приближенныхъ къ нему лицъ. Около его стояла и имъ руководила супруга его Евдоксія. Это была женщина почти безвѣстнаго происхожденія, очень по внѣшности красивая, но совсѣмъ недобрая душею, покорная раба страстей роскоши и корыстолюбія, для удовлетворенія которыхъ она способна была допустить всякое насиліе и беззаконіе. Она и подставлена была Аркадію и стала супругою его, благодаря усиліямъ Евтропія, главнаго, пока тайнаго, а потомъ и явнаго совѣтника царскаго. Евтропій—человѣкъ совсѣмъ низкаго происхожденія и низкихъ качествъ душевныхъ. Въ молодости онъ нѣсколько разъ былъ продаваемъ и перепродаваемъ, какъ рабъ, а потомъ началъ карьеру свою придворную съ болѣе чѣмъ скромнаго званія царскаго эвнуха, т. е. постельничаго; но благодаря хитрости и дерзости, онъ съумѣлъ вкрасться въ довѣріе императора, а потомъ и явился всесильнымъ царскимъ совѣтникомъ и руководителемъ. Овладѣвши царемъ, Евтропій, впрочемъ, всплылъ, такъ сказать, и наружу, на поверхность: не постѣснился сдѣлаться главнымъ сановникомъ имперіи, присвоилъ себѣ почетное, гордое, древнеримское наименованіе консула, патриція.

Какъ было упомянуто, именно всесильный Евтропій и избралъ Златоуста на архіепископскую каѳедру. Но святаго Златоуста меньше всего можно было подкупить какими бы то ни было милостями и подачками. Для него была выше всего правда Божія; видя нарушенія ея, Златоустъ, ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ не останавливался, себя самого не щадилъ и своей жизни не жалѣлъ. Проницательный, мудрый святитель быстро оглядѣлъ, что за человѣкъ былъ его „благодѣтель“, и какого либо согласія, единомыслія между святымъ человѣкомъ и низкимъ временщикомъ, конечно, не могло быть. Между прочимъ,

распространяя свое самовластіе, подвергая часто неправымъ преслѣдованіямъ своихъ личныхъ враговъ, лишнихъ и непріятныхъ ему людей, иногда подвергая заточенію, изгнанію совсѣмъ невинныхъ людей, съ единственной цѣлью конфисковать ихъ имущество, усвоить ихъ достояніе, Евтропій возсталъ противъ исконнаго и великаго права церкви, права „святаго убѣжища". Право это состояло въ томъ, что всякій человѣкъ, справедливо или несправедливо преслѣдуемый кѣмъ бы то ни было, могъ явиться въ храмъ, и тамъ, подъ сѣнію святаго алтаря, онъ оставался безопасенъ и неприкосновененъ: никакой Евтропій уже не могъ его взять оттуда. Вотъ это-то священное право, которымъ дѣйствительно, нерѣдко пользовались насилуемые Евтропіемъ, и было такъ ненавистно для послѣдняго. И онъ настоялъ, не взирая на могучій протестъ со стороны Златоуста, настоялъ предъ Аркадіемъ на формальномъ уничтоженіи этого права.

Но какова же была превратность судьбы и какъ жестоко Господь покаралъ этого преступнаго челевѣка, подъявшаго дерзкое насиліе свое на священныя права церкви! Очень скоро послѣ этого Евтропій, своею наглостью и грубостью, возмутилъ имъ нѣкогда возведенную до трона царицу Евдоксію: она, взявши дѣтей своихъ, въ слезахъ, упала на колѣни предъ Аркадіемъ и жаловалась на временщика. Вліяніе царицы на сей разъ пересилило. Аркадій изгналъ отъ себя Евтропія. Это низверженіе такъ много принесшаго зла народу временщика встрѣчено было въ городѣ бурнымъ восторгомъ: народныя толпы кинулись выместить злобу надъ беззащитнымъ теперь Евтропіемъ. И чтоже?—онъ самъ бросился въ храмъ, подъ его „святое убѣжище"! Съ искаженнымъ отъ ужаса лицемъ, дрожащій, въ конвульсіяхъ, схватился онъ за край престола въ алтарѣ. И великій Златоустъ пріялъ его подъ свою защиту, съ опасностью для своей собственной жизни спасъ, оборонилъ его отъ разъяренной толпы народа и солдатъ, уже ворвавшихся въ церковь и сокрушавшихъ всякія преграды. Но базстрашный архипастырь, накинувши церковное покрывало на Евтропія, одинъ противосталъ

толпѣ и своимъ самообладаніемъ остановилъ этотъ бурный потокъ народнаго гнѣва. Евтропій и на ночь остался въ церкви. На утро соборъ былъ снова переполненъ огромной и все еще возбужденной толпою. Во время богогослуженія, Златоустъ приподнялъ алтарную завѣсу, указалъ народу на жалкую фигуру отъ ужаса дрожавшаго и скорчившагося около престола Евтропія, и произнесъ, на основаніи этого нагляднаго примѣра, одно изъ самыхъ вдохновенныхъ, блистательныхъ своихъ словъ о суетности и тлѣнности всего земного, о мишурности и непрочности всякой славы и силы мірской.

Не замедлили обнаружиться враждебныя отношенія къ Златоусту и со стороны Евдоксіи, которая теперь, по низверженіи Евтропія, стала еще болѣе всесильною. Евдоксія сразу оглядѣла въ Златоустѣ себѣ соперника, который тоже имѣлъ вліяніе на Аркадія, вліяніе, впрочемъ, для послѣдняго тягостное, угнетающее, такъ какъ, по своей добротѣ и безхарактерности, Аркадій подчинился авторитету Златоуста и всегда уступалъ ему во всѣхъ, очень частыхъ требованіяхъ и просьбахъ—то для церкви, то для народа, а также выслушивалъ отъ Златоуста указанія и обличенія придворныхъ неправдъ и пороковъ. Женскимъ инстинктомъ Евдоксія хорошо поняла и увидѣла въ великомъ святителѣ человѣка, очень и для нея самой небезопаснаго, а потому и выжидала тольки *подобна времене*, чтобы какъ нибудь избавиться отъ Златоуста. Поводовъ къ открытому раздору не пришлось долго дожидаться. Громовыя обличенія Златоустомъ мотовства, франтовства и распутства велилосвѣтскихъ барынь, приближенными Евдоксіи истолковывались, какъ прямые-де намеки именно на нее и ея ближайыхъ наперстницъ. А скоро произошелъ случай, по которому Златоустъ, дѣйствительно, заговорилъ уже прямо съ Евдоксіей. Она соблазнилась имуществомъ (виноградникомъ) одной вдовы и, безъ всякаго законнаго повода и основанія, конфисковала его, т. е. просто захватила себѣ. Обиженная вдова, лишенная единственнаго своего достоянія, обратилась къ отцу, какъ въ средѣ бѣднаго люда обычно называли ми-

лосерднаго святителя. Златоустъ помѣстилъ вдову и съ ея сиротами въ страннопріемный домъ, а Евдоксіи, какъ отецъ духовный, написалъ по этому поводу трогательное, убѣдительное письмо. Но Евдоксія не послушалась внушеній справедливости, и отселѣ начала, такъ сказать, открытый походъ на Златоуста, чтобы такъ или иначе удалить съ своей дороги нелицепріятнаго и могущественнаго нравственнымъ авторитетомъ архипастыря.

Подняты были всѣ темныя силы, закопошились всѣ многочисленные завистники и ненавистники Златоуста. Чтобы благовиднѣе обставить удаленіе глубокочтимаго и любимаго народомъ святителя, устроено было подобіе собора изъ епископовъ, враждебныхъ ему. Во главѣ этого заговора сталъ Ѳеофилъ александрійскій, давній завистникъ Златоуста. Сей Ѳеофилъ—недостойный человѣкъ, котораго историки называетъ то „амфаллаксой", т. е. вѣтрогономъ, переметной суммой, а то „новымъ фараономъ египетскимъ". Въ августѣ 403 года Ѳеофилъ явился въ Константинополь съ большимъ грузомъ тканей и драгоцѣнностей—для подарковъ нужнымъ людямъ. Уговорами, ласкательствомъ, подарками и подкупомъ, „фараонъ" объединилъ около себя худшихъ и безчестныхъ представителей духовенства и всѣхъ недруговъ Златоуста. Такъ составился „соборъ", который даже не могъ собраться въ городѣ изъ-за боязни народа, а засѣдалъ внѣ города, по ту сторону Босфора, въ предмѣстьи Халкидона. На лжесоборѣ этомъ вслушаны были заявленія и клеветническіе доносы на Златоуста разныхъ проходимцевъ, разстриженныхъ клириковъ и монаховъ, которые пользовались теперь случаемъ излить свою злобу на праведно покаравшаго ихъ святителя. Въ концы концевъ, отъ имени „собора" предъявленъ былъ Златоусту цѣлый рядъ ложныхъ нелѣпыхъ и прямо вздорныхъ, смѣшныхъ обвиненій. Напримѣръ, его винили въ томъ, что онъ расхищаетъ церковныя имущества, — это безсребренникъ-то, бѣднѣйшій человѣкъ во всемъ Константинополѣ, не имѣвшій никакой собственности и все свое отдававшій нищимъ! Винили его за то, что онъ „ѣстъ одинъ, неумѣренно, какъ ци-

клопъ“ (?!)—винили, ясное дѣло, за то, что Златоустъ никогда и никого не принималъ къ себѣ такъ называемыхъ гостей, какъ и самъ не бывалъ даже на торжественныхъ царскихъ обѣдахъ,—хотя всѣмъ вѣдомо было, что онъ питался дома почти исключительно однимъ хлѣбомъ. Винили, далѣе, за то, что онъ „развращаетъ епископовъ“, „не молится въ церкви“, что онъ „предалъ Евтропія“, и т. д. Обвинили Златоуста даже въ еретичествѣ, въ оригенизмѣ, т. е. въ томъ грѣхѣ, отъ котораго несомнѣнно не были свободны многіе изъ самозванныхъ и самочинныхъ обвинителей Златоуста и пуще всѣхъ самъ Ѳеофилъ. Хотя глупость и гнусность такихъ обвиненій были ужъ слишкомъ очевидны, всетаки, подъ давленіемъ и по настоянію Евдоксіи, Аркадій утвердилъ рѣшеніе лже-собора объ удаленіи Златоуста. Уже отправлены были воины взять его и препроводить въ ссылку.

Слухъ о низложеніи и предстоящемъ изгнаніи Златоуста быстро разнесся по городу; народъ заволновался и массами двинулся защитить любимаго архипастыря. Раздавались крики, что обвиненія на Златоуста не справедливы, что винить его ни въ чемъ невозможно, что нужно собрать настоящій законный соборъ, который бы разсмотрѣлъ все это дѣло, распуталъ поднятую на Златоуста врагами и ненавистниками его исторію. Но Златоустъ, чтобы предотвратить волненіе и, можетъ быть, кровавыя бѣдствія, самъ постарался успокоить народъ. Онъ пришелъ въ церковь и сказалъ къ народу слово. Онъ убѣждалъ не бояться за него, такъ какъ и самъ онъ ничего не боится. „Я не боюсь никакихъ угрозъ земныхъ, какъ не желаю и никакихъ благъ міра сего. Я не боюсь нищеты, какъ не желаю и богатства... А потому и прошу васъ, возлюбленные мои, успокоиться. Меня съ вами никто и ничто на раздѣлитъ: кого Богъ сочеталъ, люди тѣхъ не разлучатъ. Не тревожьтесь же и этимъ докажите мнѣ любовь вашу... Не приходите въ смущеніе, а лучше молитесь. И завтра и всегда я съ вами: сама смерть не разлучитъ насъ“. Народъ, дѣйствительно, успокоился, видя непоколебимую твердость и мужество любимаго архипастыря.

А между тѣмъ Златоустъ, говоря о любви взаимной, не временной, а вѣчной, и о непрерывающемся общеніи духовномъ въ царствіи Божіемъ, въ душѣ своей простился съ паствою и въ ту же ночь, тайно отъ народа, покинулъ свою келлію; онъ вышелъ къ берегу, гдѣ добровольно предалъ себя въ руки стражниковъ. Послѣдніе немедленно посадили его на корабль и скорѣе отчалили отъ константинопольскаго берега.

Когда на утро разнеслась молва о ссылкѣ Златоуста, поднялось величайшее народное смятеніе. Рыданія и вопли раздавались всюду; горе народа было искреннее и невыразимое. Въ то же время судьи Златоуста, Ѳеофилъ съ своими епископами, явились было въ городъ, чтобы успокоить народъ; но самого Ѳеофила народъ едва не бросилъ въ море; а его друга и единомышленника, епископа Северіана, который дерзнулъ взойти на каѳедру Златоуста, чтобы говорить къ народу, изгнали не только изъ церкви, а даже и вонъ изъ города. Пришлось прибѣгнуть къ силѣ войскъ, и городъ обагрился кровію. Видя неподдѣльную скорбь народную и эти послѣдствія содѣяннаго, сама Евдоксія испугалась; сердце въ ней дрогнуло и въ глубинѣ души она уже раскаявалась.

А между тѣмъ и самъ Господь, въ защиту невинно пострадавшаго святителя явилъ себя чудодѣйственнымъ и грознымъ знаменіемъ. Только что минулъ этотъ первый и безпокойный, опасный день по изгнаніи Златоуста, какъ въ наступившую ночь произошло страшное землетрясеніе. Весь Константинополь колебался и сотрясался, зданія падали и разрушались; всюду раздавались стоны и вопли задавленныхъ и раззоренныхъ. Въ этомъ стихійномъ бѣдствіи всѣ усматривали наказаніе Божіе за допущенную несправедливость въ отношеніи къ святому человѣку. Во тьмѣ и мракѣ, подъ гулъ подземныхъ ударовъ, всюду раздавались неистовые человѣческіе крики: „Господь на насъ! Это казнь Божія! Горе намъ! Мы погибнемъ, если святитель не вернется!“ Но, кажется, пуще всѣхъ испугалась, оледенѣла въ ужасѣ Евдоксія. Все въ комнатахъ ея звенѣло, падало, разрушалось и даже кровать, на кото-

рой она была, тряслась и колебалась. Думая, что насталъ послѣдній часъ ея, кинулась она къ Аркадію съ мольбою немедленно возвратить Златоуста: „онъ — праведникъ“, кричала она: „Самъ Богъ мститъ за него. Спасай насъ и имперію, верни его скорѣе!“ И вотъ на коняхъ и на ладьяхъ кинулись, по приказу императора, гонцы въ разныя стороны нагонять Златоуста, такъ какъ на первыхъ порахъ даже и не знали, гдѣ искать его. Гонцамъ вручено было письмо къ святителю отъ Евдоксіи, въ которомъ она упрашивала его возвратиться скорѣй въ столицу и спасти всѣхъ отъ горя и опасности: „святѣйшій!“ подъ гнетомъ страха взывала Евдоксія въ письмѣ: „умоляю тебя, не думай, что я участвовала въ твоемъ низложеніи. Это злые и развращенные люди составили на тебя заговоръ“, и т. д.

Когда на третьи сутки по изгнаніи Златоустъ ночью обратно подплывалъ къ Константинополю, то море и берегъ представляли чудную, волшебную картину. Весь городъ бодрствовалъ и выступилъ къ морю, а море сдѣлалось какъ бы огненнымъ отъ несмѣтнаго множества факеловъ, съ которыми плавали въ лодкахъ тысячи христіанъ: пѣсни и гимны во славу святаго изгнанника оглашали море и городъ. Едва-ли когда и какой тріумфаторъ встрѣчаемъ былъ съ такой радостью и воодушевленіемъ, съ какими константинопольцы встрѣчали теперь своего отца и пастыря. Едва Златоустъ вступилъ на берегъ, народъ, какъ завѣтную драгоцѣнность, подъялъ его на руки и принесъ въ каѳедральный храмъ, поставилъ Златоуста на его каѳедру. Взволнованный и до крайности утомленный, Златоустъ сказалъ краткое слово: онъ благодарилъ, по христіанской любви и всепрощенію, царицу и выразилъ радость души своей при свиданіи съ возлюбленной паствою. Миръ, успокоеніе и ликованіе теперь смѣнили въ Константинополѣ ужасъ и мракъ прошлыхъ двухъ дней.

Немного дней прошло спокойныхъ. Миръ со стороны Евдоксіи, подъ трепетомъ страха, такой горячій и искренній, оказался только краткимъ и хрупкимъ перемиріемъ.

Испугъ миновалъ, а старыя страсти и антипатіи опять поднялись, заговорили. Вѣдь пораженная, униженная гордость рѣже всего прощаетъ. И снова закипѣла злоба и негодованіе на Златоуста. А скоро представился случай и къ прямому, опять открытому, явному разрыву. Упоенная честолюбіемъ, Евдоксія вздумала заживо поставить себѣ памятникъ. И вотъ, въ сентябрѣ 403 года, не далѣе какъ черезъ два мѣсяца по возвращеніи Златоуста изъ ссылки, массивная серебрянная колонна, со статуею Евдоксіи, была воздвигнута на центральной площади Константинополя, какъ разъ противъ алтаря каѳедральнаго храма св. Софіи, въ которомъ обычно священнодѣйствовалъ Златоустъ. Торжество открытія памятника сопровождалось народнымъ угощеніемъ, разнообразными полуязыческими забавами и развлеченіями. Нѣсколько дней продолжалось это гульбище народное, сопровождаемое звуками музыки, криками клоуновъ, фигляровъ, страшнымъ шумомъ и гамомъ, заглушавшимъ даже богослуженіе въ храмѣ. Златоустъ обратился къ префекту города съ просьбою, какъ либо оградить храмъ Божій отъ глумленія и безобразія. Но префектъ былъ еретикъ (манихей) и сторонникъ Евдоксіи. И шумъ на площади въ слѣдующіе дни не только не прекратился, а увеличился. Это былъ уже прямой вызовъ Златоусту, и онъ, со свойственною ему ревностью священной, примѣнилъ обычный пріемъ — публичнаго обличенія. Съ каѳедры церковной Златоустъ произнесъ слово, намъ не сохранившееся, но, по согласнымъ отзывамъ современниковъ, очень сильное и одушевленное, по поводу всего неумѣстно и несвоевременно затѣяннаго уличнаго разгула. Немедленно приспѣшниками донесено было о томъ Евдоксіи. И вотъ возникаетъ дѣло объ „оскорбленіи“ Златоустомъ царицы.

Снова подняли голову возмутители, интриганы и ненавистники Златоуста. Въ январѣ 404 года возобновилось продолженіе того же беззаконнаго „собора“, изъ тѣхъ же, прежнихъ обвинителей Златоуста, за исключеніемъ, впрочемъ, Ѳеофила, который теперь уже побоялся

лично явиться въ Константинополь и только издали, изъ своей Александріи, все-таки продолжалъ руководить ходомъ заговора. На сей разъ дѣло тянулось долго, нѣсколько мѣсяцевъ; но ходъ и исходъ дѣла можно передать въ нѣсколькихъ словахъ. Самозванные судьи подъискивали, кромѣ прежнихъ, и новыя, но подобныя прежнимъ, вины Златоуста, и въ концѣ концовъ такъ же постановили удалить Златоуста. Этотъ клеветническій и рѣшительно беззаконный приговоръ незаконнаго „собора“, подъ усиленнымъ вліяніемъ Евдоксіи и всей ея партіи, такъ же, какъ и въ первый разъ, былъ утвержденъ слабымъ, безхарактернымъ Аркадіемъ. Сдѣлано было распоряженіе взять Златоуста подъ стражу и удалить его изъ Константинополя.

А между тѣмъ какъ разъ наступили великіе, святѣйшіе въ мірѣ христіанскомъ дни, послѣдніе дни страстной седмицы. Въ великую субботу, по исконному обычаю, архіепископъ долженъ былъ совершать крещеніе оглашенныхъ. На этотъ разъ ихъ было особенно много, до 3,000 человѣкъ. И вотъ, когда Златоустъ былъ въ церкви и уже началось таинство крещенія, послышался ужасный шумъ: толпа солдатъ, по большей части дикихъ ѳракійцевъ, язычниковъ, ворвалась въ храмъ и осквернила святое мѣсто страшнымъ насиліемъ и злодѣйствомъ: они схватили Златоуста, извлекли его изъ храма, разрушили и ниспровергли все въ алтарѣ, сабельными ударами поражали и новокрестившихся и клириковъ, такъ что купели крещенія наполнились кровію. Попытки народа прекратить безобразіе въ церкви вызвали еще большія кровопролитія ужъ и на улицахъ города. Вооруженные язычники солдаты безпощадно рубили, губили и хватали христіанъ, защитниковъ Іоанна. Ими переполнены были всѣ тюрьмы, гдѣ и провели они пасхальную ночь въ пѣніи воскресныхъ гимновъ; а храмы были пусты, такъ какъ изъ-за боязни никто не рѣшался идти въ нихъ. Даже императорская семья, вопреки исконному обычаю— во всемъ блескѣ и великолѣпіи присутствовать за торжественнымъ пасхальнымъ богослуженіемъ въ храмѣ св.

Софіи, теперь, въ виду этихъ безпорядковъ въ городѣ, оставалась дома. Такъ встрѣчено было въ Константинополѣ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ 404 году.

Златоустъ заключенъ былъ въ келіи своей. Его охраняла стража. Преданная и вѣрная паства, несмотря на преслѣдованія, тоже съ своей стороны стерегла и охраняла его жилище. И извѣстно, что были покушенія даже на жизнь Златоуста. Два раза подкупленные убійцы проникали къ Златоусту и оба раза они были пойманы и почти растерзаны народомъ. Въ концѣ концовъ и теперь самъ Златоустъ не захотѣлъ сопротивляться беззаконію и, чтобы не подвергать болѣе столицу и вѣрную паству свою новымъ бѣдствіямъ, добровольно рѣшился исполнить постановленіе лжесобора объ его изгнаніи. Въ одинъ изъ троицкихъ вечеровъ онъ сказалъ преданнѣйшимъ его друзьямъ, нѣсколькимъ епископамъ и клирикамъ, не покидавшимъ его въ заточеніи; „пойдемте въ церковь, помолимся". Долго и горячо молился онъ. Затѣмъ сказалъ присутствующимъ: „все кончено и весь путь мой пройденъ; скоро вы не увидите меня больше. Но я заповѣдую вамъ: не забывайте любить и уважать церковь, а потому, чтобы ни случилось и кто бы здѣсь на мѣстѣ моемъ нибылъ, повинуйтесь ему, какъ и мнѣ, — окажите этимъ любовь вашу ко мнѣ! Да будетъ милостивъ ко мнѣ Господь, а вы поминайте меня въ своихъ молитвахъ"! Затѣмъ, растроганный до слезъ, онъ обнялъ каждаго и сказалъ: „побудьте здѣсь, пока я немного успокоюсь". Перекрестился и вышелъ. Такъ какъ еще здѣсь, въ церкви, слышенъ былъ ропотъ толпы, волновавшейся на площади около храма, то, чтобы отвлечь вниманіе народа, Златоустъ велѣлъ привести лошадь къ западнымъ дверямъ. Конечно вся толпа и сосредоточилась здѣсь, съ нетерпѣніемъ ожидая выхода Златоуста. Златоустъ и вышелъ, но только въ другія, въ восточныя двери. Подъ кровомъ ночной темноты, направился онъ къ гавани, гдѣ и отдался воинамъ.

Народъ долго ждалъ у западныхъ дверей храма. Наконецъ, явилось подозрѣніе..... Толпа заволновалась, вы-

ломала дверь въ ограду церковную и проникла въ храмъ. А съ другой стороны явились и воины. Завязалась кровавая схватка; святое мѣсто огласилось проклятіями, стонами, залито было кровію. Предполагая, что архипастырю сдѣлано какое нибудь насиліе, толпа защитниковъ его и охранителей перенесла волненіе и на улицы города. А когда правда стала извѣстна народу и онъ бросился къ гавани, то ужъ только вдали можно было видѣть судно, навсегда уносившее Златоуста отъ столицы и отъ преданнаго ему народа.

Вопли и стоны раздались на берегу и надъ моремъ. Народное горе было безпредѣльно. А между тѣмъ и на этотъ разъ страшное знаменіе гнѣва Божія разразилось надъ Константинополемъ: на небѣ собралась необычайная грозовая туча, поднялась ужасающая буря. Весь городъ буквально дрожалъ отъ непрестанныхъ и оглушительныхъ раскатовъ громовыхъ. Необыкновенной величины градъ убивалъ людей и животныхъ, опустошалъ городъ. Молнія ударила въ каѳедральный храмъ, и скоро весь онъ объятъ былъ облакомъ искръ и дыма. Пламя пошло далѣе, по этой центральной и роскошнѣйшей площади Константинополя, достигло сената, погубило и это украшеніе столицы. Отъ жгучаго жара свинцовыя кровли сената и сосѣднихъ зданій растопились, и свинецъ ручьями лился на землю. Колонны, статуи, мраморъ, золото, бронза, серебро, все это расколотое и растопленное, превратилось въ безобразную пылающую лаву. Самыя великолѣпныя строенія города были обращены въ пепелъ. Сильно пострадалъ, испорченъ былъ и императорскій дворецъ, особенно покои Евдоксіи.

Но на сей разъ окаменѣвшее въ злобѣ на Златоуста сердце царицы не тронулось и не захотѣло понять божественнаго вразумленія. Всѣ и она сама, не только въ эту ночь, но и весь слѣдующій день, заняты, отвлечены были пожаромъ, Златоуста пока забыли. Когда же пожаръ, наконецъ, прекратился, Златоустъ былъ уже далеко отъ Константинополя: по ту сторону моря, шелъ онъ по дорогѣ къ Никеѣ, подъ конвоемъ преторіанской стражи.

20 іюля 404 года совершилось это низложеніе и удаленіе Златоуста, а чрезъ недѣлю, 27-го, былъ уже назначенъ и преемникъ ему. Каѳедру златословеснаго, міроваго витіи занялъ старецъ Арзакъ, человѣкъ безсловесный,—недаромъ современники такъ и прозвали его „многорѣчивая рыба“. Враги Златоуста, повидимому, восторжествовали; но не надолго. Праведный судъ Божій не замедлилъ покарать многихъ изъ нихъ. Напримѣръ, одинъ изъ епископовъ, судившихъ Златоуста, на возвратномъ пути съ лжесобора упалъ съ лошади и разбился на смерть; другой заболѣлъ гнойной водянкой и заживо съѣденъ былъ червями; третій умеръ отъ злокачественной рожи; у четвертаго отъ непонятной болѣзни такъ распухъ языкъ, что онъ былъ задушенъ имъ; у пятаго какъ разъ на соборѣ, осудившемъ Златоуста, наступили на мозоль, и отъ этой ничтожной причины сдѣлалась гангрена и въ результатѣ—мучительная смерть. Наконецъ, всего только черезъ три съ половиной мѣсяца по изгнаніи Златоуста, умерла и Евдоксія, умерла совершенно неожиданно, въ ужаснѣйшихъ родовыхъ мученіяхъ.

А что же сталось съ святымъ изгнанникомъ? Прослѣдимъ уже кратко исторію его дальнѣйшихъ страданій.

Три остальныхъ года жизни Златоуста были именно страданіемъ непрерывнымъ. Злоба враговъ не оставляла въ покоѣ и изгнаннаго невиннаго страдальца. Его пересылали все въ болѣе и болѣе отдаленныя, дикія и неудобныя для жительства мѣста. Такъ, послѣдовательно онъ былъ въ Никеѣ, Кукузѣ, Арависѣ и, наконецъ, въ Команахъ. Самые переходы Златоуста съ мѣста на мѣсто были варварскимъ истязаніемъ святителя. Такъ напримѣръ, едва нѣсколько недѣль отдохнулъ онъ на одномъ мѣстѣ, въ Никеѣ, какъ долженъ былъ идти въ Кукузъ. Дорога была очень дальняя и невыносимо трудная. Златоустъ долженъ былъ идти пѣшкомъ, подъ конвоемъ стражниковъ-язычниковъ, которымъ, при томъ, приказано было по возможности обходить города и останавливаться только въ пустынныхъ мѣстахъ. Подъ палящими лучами солнца, изнуряемый лихорадкой, питаясь только черствыми за-

плѣснѣвѣлыми сухарями, размачиваемыми въ грязной, соленой водѣ, какую можно было найти въ этой мѣстности, Златоустъ сорокъ дней шелъ до Кесаріи Каппадокійской. Кесарія являлась самымъ крупнымъ перепутьемъ для Златоуста, и народъ этого большого города, издавна и много наслышанный о Златоустѣ, встрѣтилъ было его съ радостію и почетомъ. Но епископъ Кесаріи (Фаретрій), одинъ изъ самыхъ злобныхъ враговъ Златоуста, потребовалъ немедленнаго его удаленія. Между тѣмъ въ мѣстности окружавшей Кесарію, показались исавряне, горное разбойничье племя, бывшее ужасомъ всей Малой Азіи; они являлись пиратами на морѣ и они же производили разбойные, хищническіе набѣги на сушѣ. Поэтому, двинуться въ путь, значило попасться этимъ варварамъ, идти почти на вѣрную смерть. И тѣмъ не менѣе толпа какихъ то темныхъ личностей, подосланныхъ Фаретріемъ, ночью, осадила домъ, въ которомъ пріютился узникъ-святитель; стали ломать двери, угрожали поджечь домъ,—такъ что пришлось немедленно ночью и не взирая на опасности покинуть Кесарію. Но слава Богу, эта ночь опаснаго путешествія прошла благополучно, а днемъ Златоустъ могъ остановиться въ одномъ замкѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кесаріи. Но едва наступила ночь, какъ исавряне напали на этотъ замокъ. Пришлось опять бѣжать, спасаться. Въ темную ночь, по проселочной горной тропинкѣ, высѣченной въ скалѣ и усѣянной постоянно скатывавшимися камнями, приходилось ощупью подвигаться впередъ. Но вотъ лошакъ, котораго здѣсь было дали Златоусту, споткнулся и упалъ. Святитель ударился о камни и лишился чувствъ. Конвойные сочли его даже умершимъ. Но онъ очнулся и долженъ былъ ползкомъ продолжать свой путь далѣе, чрезъ пропасти, обрывы, чрезъ горные потоки, ежеминутно подвергаясь смертельной опасности и воистину мученически страдая. Чрезъ тридцать слѣдующихъ дней такого путешествія, Златоустъ достигъ, наконецъ, Кукуза. То была пограничная, въ горной глуши, деревушка, съ невыносимо суровымъ и гибельнымъ для здоровья климатомъ, рѣшительно безъ вся-

кихъ удобствъ жизненныхъ и подъ вѣчнымъ страхомъ нападенія разбойниковъ и дикарей. Въ такой-то, скрытой отъ свѣта, недоступной для людей, могилѣ живой, прожилъ Златоустый архипастырь болѣе двухъ лѣтъ. Только временно, вслѣдствіе нападенія тѣхъ же варваровъ, исаврянъ, на Кукузъ, святитель вынужденъ былъ, зимою 405 г., въ лютые морозы, безъ дороги, чрезъ заваленныя снѣгами горныя пропасти, оледенѣлые лѣса спасаться въ горную крѣпость Арабисъ, гдѣ и укрывался онъ нѣсколько мѣсяцевъ. Самая крѣпость эта была хуже всякой тюрьмы: въ ту пору забытые и заброшенные обитатели ея страдали и умирали отъ голода. Но и жизнь въ Кукузѣ была сплошнымъ мученичествомъ для Златоуста. Самъ кроткій святитель, отнюдь не въ качествѣ жалобы, вотъ какъ описалъ одному изъ друзей своихъ первую свою зиму въ Кукузѣ: „пишу тебѣ, поднявшисъ отъ самыхъ дверей смерти. Суровую и жестокую зиму здѣшнюю я провелъ даже хуже, чѣмъ мертвецы, такъ какъ я чувствовалъ и чувствовалъ только одно страданіе. Недѣлями я не могъ подняться съ постели. Чтобы избавиться отъ стужи, я укрывался всей своей ветошью, разводилъ огонь и лежалъ въ несносномъ чаду. А сверхъ того головныя боли, рвота и непрестанная безсонница причиняли мнѣ великія болѣзни“.

И въ такой-то ужасающей обстановкѣ, въ крайнемъ изможденіи, Златоустъ сохранилъ невозмутимое спокойствіе кроткой и незлобивой своей души. Одушевленный непоколебимою преданностью волѣ Божіей, онъ безропотно и даже радостно несъ свой тяжкій жизненный крестъ. Его письма отъ той поры возбуждаютъ удивленіе: такою бодростію и мужествомъ вѣетъ отъ нихъ! Очевидно, этотъ великій человѣкъ стоялъ выше обыкновенныхъ земныхъ искушеній, не допуская никакихъ малодушныхъ человѣческихъ жалобъ, сѣтованій. „Зачѣмъ унывать въ страданіяхъ!“ восклицаетъ, напримѣръ, Златоустъ въ одномъ письмѣ: „развѣ возможно не почерпнуть твердости въ божественныхъ словахъ Того, Кто за насъ страдалъ больше насъ! Какъ жаловаться, унывать, когда самъ Господь

проповѣдывалъ Евангеліе среди преслѣдованій и мученій?" Въ другомъ письмѣ къ друзьямъ своимъ Златоустъ пишетъ: „меня изгнали изъ столицы, и я равнодушенъ къ этому. Куда бы меня ни сослали, вездѣ *Господня земля и исполненіе ея.* И чтобы со мной ни сдѣлали, я ко всему готовъ: захотятъ распилить меня, Исаія будетъ моимъ образцомъ; утопить меня—я буду въ мысляхъ имѣть Іону; сжечь меня—трехъ отроковъ; бросить звѣрямъ—вспомню Даніила. ." „Враги Златоуста всюду и всячески распространяли молву, что Златоустъ честолюбивъ, гордъ, что онъ сгораетъ желаніемъ возвратиться на свою каѳедру, чтобы расправиться съ ними; а между тѣмъ Златоустъ вотъ что писалъ друзьямъ своимъ изъ Кукуза: „пусть никто не приходитъ къ несчастной мысли извлечь меня отсюда! Да не вздумаетъ этимъ оказать мнѣ милость!" „Мое сердце, читаемъ еще въ одномъ письмѣ Златоуста, находитъ величайшее утѣшеніе въ страданіяхъ; въ нихъ сокрыто мое сокровище. И я радуюсь, благословляю Господа, удостоившаго меня благодати столько пострадать".

Да и не бездѣятельнымъ оставался заточенный святитель. По крайней мѣрѣ въ дни своего относительнаго здоровья, онъ обнаруживалъ удивительную энергію и трудолюбіе. Кромѣ обширной переписки съ своими прежними друзьями, епископами, съ монашескими общинами и съ обращавшимися къ нему со всѣхъ сторонъ чтившими его христіанами (писемъ его даже до насъ сохранилось болѣе 250 и многія изъ нихъ суть болѣе или менѣе обстоятельные трактаты на разныя богословскія темы), Златоустъ и въ ссылкѣ оставался великимъ дѣятелемъ въ текущей жизни церкви христіанской. Живя на окраинахъ тогдашняго обитаемаго міра, въ средѣ и около дикарей, варваровъ, грубыхъ язычниковъ, онъ всѣ усилія свои напрягалъ на святое дѣло миссіи среди этихъ, еще во тьмѣ и сѣни смертной пребывавшихъ людей. Собирая отъ благотворителей и почитателей своихъ довольно обильныя средства, онъ и теперь организовалъ цѣлыя миссіонерскія общества, дружины, которыя и направлялъ въ Финикію, Персію, къ готамъ и т. д.

Если и въ изгнаніи преслѣдовала Златоуста злоба оставшихся еще въ живыхъ враговъ его, то еще больше преслѣдовала его и въ неприступно глухихъ, далекихъ захолустьяхъ, слава, извѣстность, любовь и уваженіе къ нему всего, можно сказать, христіанскаго міра. Еще когда Златоустъ шелъ въ заточеніе, то во многихъ мѣстахъ христіане встрѣчали его съ торжествомъ и почитали, какъ великаго человѣка и славу міра. Напримѣръ, жители Кесаріи горько оплакивали его невинное страдальчество и громко взывали къ нему: „лучше бы солнце затмилось, чѣмъ замолкли твои золотыя уста!“ А когда Златоустъ поселился въ Кукузѣ, то масса паломниковъ отовсюду, особенно изъ Константинополя и Антіохіи, проторили дорогу въ эту, дотолѣ міру невѣдомую, дикую глушь, къ великому изгнаннику. Свѣтскія лица, духовные, монахи, епископы, благочестивыя женщины, толпами, вереницами пробирались въ Кукузу. Все честное духовенство дальняго востока явно и тайно поддерживало сношенія съ Златоустомъ, такъ что чуть не больше, чѣмъ когда нибудь, великій святитель сталъ авторитетомъ и представителемъ церкви для всего христіанскаго міра. Къ нему присылали и приносили богатыя приношенія, значительныя суммы денежныя, что онъ цѣликомъ, до послѣдней копейки, обращалъ на дѣло милосердія и на потребности миссіи. *Сотнями летѣли къ нему письма отъ множества* его чтителей и поклонниковъ, требовавшихъ отъ него совѣта, наставленія или просто благословенія. Словомъ, низверженный и заточенный архипастырь не только не померкъ, а явился еще большимъ свѣтомъ міру, и ничтожная Кукуза дѣлалась славнѣе Константинополя, потому что вмѣщала въ себѣ величайшаго изъ людей. Партія ненавистниковъ Златоуста, и теперь, по смерти самыхъ важныхъ главарей ея, все еще многочисленная и сильная, не могла не чувствовать посрамленія своего—при видимомъ, внѣшнемъ торжествѣ. Къ стыду и немалому ужасу своему, они говорили: „смотрите, этотъ побѣжденный, мертвецъ, становится страшенъ для живыхъ, для побѣдителей“. Наблюдая тяготѣніе христіанъ въ Кукузъ, къ Златоусту,

они повторяли въ ту пору общеизвѣстную фразу: „вся Антіохія въ Кукузѣ!“

И вотъ именно это-то обстоятельство, великая популярность Іоанна, и побудило враговъ его, пользуясь все той же слабостью Аркадія, скрыть „свѣтило земли“, какъ тогда называли Златоуста, куда нибудь еще подальше, въ еще болѣе неприступное, темное и страшное мѣсто, гдѣ бы для золотыхъ устъ какъ можно скорѣе настало, наконецъ, могильное молчаніе. Въ іюнѣ 407 г. приказано было перевести Златоуста въ Питіунтъ. Это уже самое крайнее и отдаленнѣйшее мѣстечко въ имперіи, въ дикой и палящей пустынѣ, гдѣ безпрепятственно царили и разбойничали варвары. Собственно говоря, этимъ произнесенъ былъ сознательно и намѣренно смертный приговоръ Златоусту. И все очевидно направлено было къ возможно вѣрному и скорому достиженію этой варварской и злодѣйской цѣли. Было приказано, чтобы и безъ того уже до крайности ослабленный болѣзнями и невзгодами, почти 60-лѣтній старецъ, Златоустъ, совершилъ этотъ далекій переходъ пѣшкомъ, босой и съ непосильной для него быстротой. Сопровождать его назначены были два солдата, грубые язычники, не знавшіе ни жалости, на состраданія. Да имъ, впрочемъ, очень недвусмысленно дали понять, что вовсе и не нужно заботиться о томъ, будетъ ли приведенъ узникъ живымъ до мѣста, или умретъ онъ дорогою. Ясно было, что Златоуста приговорили къ смерти, но которую, впрочемъ, нельзя было назвать прямо убійствомъ. Нельзя и подумать, чтобы самъ Златоустъ не понималъ этого. Но тѣмъ не менѣе, невинный страстотерпецъ съ бодрымъ духомъ отправился на новое мученичество, въ свой послѣдній, по-истинѣ крестоносный путь смертный. Продолжались предсмертныя мученія Златоуста очень долго, цѣлыхъ три мѣляца. Чрезъ 90 дней безостановочнаго пути, въ ужасающихъ для изможденнаго старца условіяхъ, Златоустъ, еле живой, прошелъ чрезъ городъ Команы (въ предѣлахъ теперь русскихъ владѣній: въ Кавказскихъ горахъ, недалеко отъ сѣвернаго берега Чернаго моря). Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Команъ была уеди-

ненная церковь, въ которой похороненъ былъ мученикъ, св. Василискъ. Въ этомъ-то одинокомъ пріютѣ священномъ и остановился Златоустъ, такъ какъ дальше идти онъ рѣшитемьно былъ не въ состояніи. Но жестокіе спутники силою повлекли его. Однако, скоро они убѣдились, что близится смертный часъ новаго священномученика, и они подняли его и уже на рукахъ принесли обратно въ церковь св. Василиска.

Собравши весь остатокъ силъ своихъ, святитель поднялся въ церкви, попросилъ бѣлыя одежды, въ которыя и облачился. Потомъ онъ причастился св. таинъ и продолжалъ молиться, вслухъ произнося свои послѣднія земныя воздыханія и моленія ко Господу. Голосъ его скоро сталъ ослабѣвать, замирать. Тѣло его склонилось на полъ церковный. Отчетливо, рѣдко онъ произнесъ: „слава Богу за все!“ Перекрестился, вытянулся и еле внятно прошепталъ: „Аминь“. Съ этимъ заключительнымъ священнымъ словомъ на вѣки сомкнулись золотыя уста. Праведный духъ великаго мученика отлетѣлъ въ небесныя обители, *идѣ же нѣсть болѣзни, печалей и воздыханій.*

По знаменательному совпаденію, это было 14 сентября (407 г.), т. е. тотъ день, когда всѣ христіане вспоминаютъ смертныя страсти Спасителя и поклоняются святому кресту Христову. Вѣсть о кончинѣ Златоустаго архипастыря, подвижника и мученика, быстро разлетѣлась повсюду. Во множествѣ со всѣхъ сторонъ потянулись христіане въ Команы, поклониться священному праху величайшаго отца и учителя церкви. Святый Іоаннъ Златоустъ погребенъ былъ тамъ же, на мѣстѣ его блаженной кончины, т. е. въ церкви св. Василиска, рядомъ съ мощами этого мученика.

Время шло; одинъ за другимъ быстро уходили въ могилу всѣ и послѣдніе враги и ненавистники Златоуста. А онъ словно больше и выше все росъ и поднимался надъ землею. Въ народѣ все больше и больше распространялась молва и воспоминанія о необычайномъ, великомъ

святителѣ архипастырѣ, объ его подвижнической жизни, его поразительныхъ дѣлахъ милосердія, о дивномъ, златословесномъ его ученіи и безвинномъ мученическомъ концѣ. Такъ прошло 30 лѣтъ. И вотъ однажды, новый, уже четвертый преемникъ Златоуста, благочестивый и святой архіепископъ Проклъ, въ день памяти Златоуста, говорилъ похвальное ему слово. Народъ прервалъ рѣчь проповѣдника возгласами: „возвратите намъ нашего Іоанна! Мы желаемъ имѣть у себя тѣло Отца нашего!" Проклъ немедленно передалъ объ этомъ желаніи народа императору. И императоръ, тоже новый, благочестивый Ѳеодосій 2-й, въ согласіи со всѣмъ духовенствомъ, рѣшилъ удовлетворить пламеннымъ желаніямъ всего народа, возвратить хотя бы только прахъ священный Златоуста въ Константинополь. Въ 438 г. императоръ отправилъ въ Команы, торжественное посольство и съ нимъ собственноручное свое посланіе къ Іоанну Златоусту. Съ благоговѣйнымъ торжествомъ мощи святителя, оказавшіяся совершенно нетлѣнными, подъяты были изъ подъ спуда церковнаго. Царское посланіе было прочитано передъ мощами и отдано, положено было въ руки святителя. „Вселенскій учитель и мой духовный отецъ! въ посланіи этомъ взывалъ императоръ Ѳеодосій: къ „тебѣ, какъ къ живому, посылаю я это прошеніе. Даруй мнѣ и паствѣ твоей прощеніе! Прости насъ и гряди къ намъ, дѣтямъ твоимъ, какъ отецъ любимый, — возвесели пришествіемъ своимъ любящихъ тебя! Не повелѣваю, а умоляю тебя, честнѣйшій Отче: даруй себя ожидающимъ тебя! Пріиди съ миромъ къ своимъ, и свои съ любовію пріимутъ тебя!" Многое множество народа собралось проводить и сопровождать дорогую святыню, и много чудесъ, исцѣленій совершилось въ эти дни. Напр., поразительное чудо совершилось на глазахъ у всѣхъ въ первый же моментъ по изъятіи св. мощей изъ земли: одинъ хромой, протискавшійся ко гробу, съ великимъ энтузіазмомъ и вѣрою схватилъ полотенце, которымъ вынимали гробъ изъ земли, и приложилъ его къ больной, согнутой ногѣ: нога его тотчасъ же вытянулась и стала здоровою.

Посольство царское съ честными мощами Іоанна Златоуста немедленно двинулось въ обратный путь изъ Команъ въ столицу. Въ высокой степени торжественно и величаво было это обратное шествіе святителя въ его каѳедральный городъ. Все громадное разстояніе отъ Команъ святыя мощи несла на рукахъ волна народная, все больше и больше нароставшая, увеличивавшаяся. Когда грандіозное шествіе приблизилось къ Босфору, то воды его, какъ и прежде, при возвращеніи Златоуста, ожили, украсились несчетной флотиліей лодокъ, судовъ, переполненныхъ православнымъ людомъ, съ яркими факелами въ рукахъ и съ восторженными кликами и хвалебными гимнами святителю на устахъ. Великолѣпная яхта императорская приняла на себя дорогую, всѣми страстно желанную и восторженно срѣтаемую святыню; и плавно понеслась она по водамъ словно замершаго и въ умиленіи притихшаго пролива къ столицѣ. А тутъ, на берегу, былъ весь Константинополь, съ императоромъ и царской семьей во главѣ. Святыя мощи перенесены были во храмъ и поставлены въ серединѣ, на архіерейскомъ амвонѣ, гдѣ преже такъ часто отверзались златыя уста почившаго и откуда, можно сказать, во весь свѣтъ и на всѣ времена гремѣли златыя его слова. Императоръ снялъ съ себя пурпуровую императорскую порфиру и благоговѣйно покрылъ ею святыя мощи, а самъ съ своей сестрою, царевною, поверглись предъ мощами на колѣна. Обливаясь слезами, вслухъ и всенародно, императоръ испрашивалъ у незлобиваго святителя прощенія родителямъ своимъ, Аркадію и Евдоксіи, которые принесли святому страдальцу столько скорби и огорченій... Потомъ, предъ опусканіемъ мощей въ уготованную около престола раку, архіепископъ Проклъ приподнялъ главу святителю на видъ всему народу, и всѣ, вмѣстѣ съ архіепископомъ, восторженно и громогласно восклицали: „Святѣйшій отецъ нашъ, пріими опять святой престолъ твой!“ Весь народъ въ великомъ религіозномъ экстазѣ плакалъ, духовную радость и ликованіе христіанъ при этомъ нельзя передать никакими словами.

Прошло 1500 лѣтъ съ той поры. И вотъ нынѣ весь міръ крещенный снова оглашается праздничнымъ ликованіемъ во имя Златоуста. Сознанію каждаго изъ насъ предстоитъ, какъ воскресшій изъ тьмы вѣковъ, въ дивномъ величіи и обаятельномъ ореолѣ великій святитель. Память его не померкла за эти долгія столѣтія; она жива и священна въ мірѣ, имя его—имя родное для всѣхъ христіанъ. Его святая, мученическая жизнь и неимовѣрные труды не безслѣдно канули въ вѣчности,—нѣтъ, слѣдъ Златоуста именно золотой нитью проходитъ чрезъ всю исторію христіанства, наслѣдіе отъ него въ нашей церкви святой огромно. На Златоустѣ, на его златыхъ словесахъ, воспитывались цѣлыя племена и народы; изъ его великаго духа родились и на книгахъ его развились и возросли въ церкви христіанской безчисленные учители, пастыри, проповѣдники. Но еще никто не сравнился съ нимъ самимъ и никто не затмилъ его. Въ лѣтописяхъ просвѣщенія и краснорѣчія христіанскаго еще нѣтъ, не встрѣчается имени болѣе славнаго, заслуженнаго и болѣе говорящаго уму и сердцу: имя Златоуста сіяетъ и сейчасъ, какъ единственное и несравненное. И сейчасъ, самоотверженная и подвижническая жизнь Златоуста и его дивный талантъ ораторскій является предметомъ восхищенія и изумленія. По прежнему, сочиненія Златоуста и плѣняютъ, и чаруютъ, и увлекаютъ, читателей. Чрезъ мракъ и смятеніе вѣковъ, онъ, для насъ и, конечно, въ роды родовъ послѣ насъ, звучитъ мощными и побѣдоносными, все-покоряющими и всѣхъ-восторгающими глаголами вѣчной истины Христовой и высокаго, святаго назиданія. И доселѣ онъ—самый нужный и самый любимый христіанами толковникъ слова Божія, и доселѣ сочиненія его—недостижимый образецъ для подражаній и неисчерпаемый источникъ для просвѣщенія. Нисколько не поблекла сила и блескъ дивныхъ проповѣдей Златоуста, изумительно простыхъ и безконечно содержательныхъ, всегда необыкновенно интересныхъ, живыхъ и никогда нескучныхъ, бурнымъ потокомъ отъ пламеннаго и любящаго сердца звучащихъ и сердца объемлющихъ, зажигаю-

щихъ. Отъ природы запечатлѣнный особыми дарами Божіими, душу свою просвѣтившій мудростію христіанскою, овѣянный благодатію Господнею и очищенный въ горнилѣ подвижничества, мужъ воистину святой, мученикъ въ жизни и апостолъ любви въ сочиненіяхъ, громоносный ораторъ, поэтъ-проповѣдникъ, Златоустъ есть слава церкви Христовой, отрада христіанъ, чудо въ человѣкахъ. Обычное наименованіе „великій" мало для Златоуста: и „великихъ" было нѣсколько, а „Златоустъ"—только одинъ. Какъ ни пробовали-было примѣнять имя это къ нѣкоторымъ подражателямъ Златоуста, но оно не льнетъ къ нимъ, потому что по праву оно принадлежитъ только ему единственному. Предъ святынею и величіемъ такого человѣка возможно и умѣстно только благоговѣйное восхищеніе и умиленная молитва. Если въ житейскомъ разсѣяніи нашемъ мы забываемъ Златоуста, то пусть нынѣшнее торжество Златоустовское напомнитъ про него намъ и навсегда приблизитъ его къ сердцамъ нашимъ. Въ наше безотрадное настоящее время, время крайней нищеты духовной, да воспрянетъ и да возрадуется всякая душа христіанская отъ созерцанія и нравственнаго сближенія съ могучимъ, непреклоннымъ, великимъ духомъ великаго Златоуста, всѣхъ насъ христіанъ наставника, утѣшителя и друга!

Совершая нынѣ это свѣтлое торжество юбилейное, въ благоговѣйномъ умиленіи преклонимся предъ священнымъ и драгоцѣннымъ ликомъ святаго Іоанна Златоуста и возблагодаримъ за него Бога, воистину дивнаго во святыхъ своихъ. Величая и прославляя Златоуста, воскликнемъ и мы вмѣстѣ съ Златоустомъ: „слава Тебѣ, Богу—за все! Аминь".

А. Царевскій.

КЪ ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ

О СВ. ІОАННѢ ЗЛАТОУСТѢ.

(Выписки изъ библіографическихъ трудовъ).

Въ настоящей статьѣ излагается то, что можно знать о литературѣ по изученію жизни и твореній св. Іоанна Златоуста по двумъ библіографическимъ трудамъ, принадлежащимъ наставникамъ Казанской академіи. Труды эти:

а) Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской духовной академіи части I, II и отдѣлъ первый III части.

Библіографія къ исторіи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, изданная въ 1883 году.

По рукописямъ Соловецкой библіотеки можно судить о томъ благоговѣйномъ уваженіи, какое имѣли къ св. Іоанну Златоусту наши благочестивые предки XIII—XVIII столѣтій, переводившие и распространявшие въ многочисленныхъ рукописяхъ всѣ наиболѣе замѣчательные труды св. Іоанна Златоуста и тщательно собиравшие свѣдѣнія о немъ. „Вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, по словамъ проф. Петербургской академіи Пономарева, наши предки получили и драгоцѣнную сокровищницу твореній святителя I. Зл. Съ X по XVIII вѣкъ она была настольною книгою всѣхъ искусныхъ въ писаніи русскихъ людей.

Вся русская церковная письменность находилась по языку, формѣ и изложенію подъ сильнымъ ихъ вліяніемъ. Не только литература, но и самое міровоззрѣніе русскаго человѣка слагались подъ впечатлѣніемъ твореній великаго учителя.

Описаніе Соловецкихъ рукописей издано сравнительно въ недавнее время (въ 1881, 1885 и 1898 г.) и составители Описанія имѣли подъ руками Описаніе рукописей Синодальной библіотеки и другихъ хранилищъ древнихъ русскихъ рукописей, на которыя они тщательно дѣлаютъ указанія; — съ другой стороны они часто дѣлаютъ (а въ отношеніи къ большимъ твореніямъ св. І. Златоуста можно сказать всегда) указаніе гдѣ можно найти эти творенія въ греческихъ и древне-русскихъ изданіяхъ. Изъ этого ясно, что для изучающихъ жизнь и творенія св. І. Златоуста Описаніе рукописей Соловецкой библіотеки должно имѣть весьма большую научную цѣнность.

Что касается Библіографіи къ исторіи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, то хотя это изданіе, вышедшее въ свѣтъ въ 1883 году, значительно устарѣло и съ тѣхъ поръ написано еще много сочиненій о св. Іоаннѣ Златоустѣ и его трудахъ, но такъ какъ при существованіи новыхъ сочиненій прежнія обычно подвергаются забвенію, а между тѣмъ и въ нихъ есть много цѣннаго, то не излишне имѣть въ виду и ихъ, тѣмъ болѣе, что по характеру своему они отличаются другимъ, болѣе благочестивымъ, направленіемъ. Къ тому же въ цитуемой книгѣ есть не только перечень заглавій сочиненій о св. І. Златоустѣ, но сообщается и объ ихъ содержаніи и даются по мѣстамъ свѣдѣнія объ ихъ авторахъ; и притомъ сообщается не только о печатныхъ сочиненіяхъ, но сообщается и о рукописныхъ курсовыхъ сочиненіяхъ студентовъ различныхъ академій.

Съ обозрѣнія того, что дается въ книгѣ Библіографія къ исторіи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, мы и начнемъ.

Въ книгѣ: **Русская и иностранная библіографія къ исторіи церкви въ періодъ Вселенскихъ соборовъ** (Кіевъ. 1883 г.) находимъ слѣдующія указанія на литерату о жизни, твореніяхъ и ученіи св. Іоанна Златоуста.

О жизни святаго Іоанна Златоуста.

(578) [1]. Биго въ 1680 году издалъ въ греческомъ подлинникѣ „Жизнеописаніе св. Іоанна Златоуста“. E. Bigot. Palladii ep. Helenopolit. Dialog de vita S. J. Chrisostomi. Paris 1680.—По мнѣнію Куртца это жизнеописаніе принадлежитъ не Еленопольскому епископу Палладію, а другому Палладію, римскому писателю.

(1005). Штильтингъ (Stilting) — „Жизнеописаніе св. І. Златоуста“. — Помѣщено въ Acta Sanctorum подъ 14 сент. стр. 401—709.

(747). Кэвъ „Жизнеописаніе знаменитѣйшихъ отцевъ церкви первыхъ четырехъ вѣковъ“. О Златоустѣ см. т. III стр. 237—405) [2].

(822). Неандеръ. „Св. Іоаннъ Златоустъ“ [3]. Сочиненіе въ двухъ частяхъ. Въ первой говорится о воспитаніи І. Златоуста и служеніи его въ Антіохіи; во второй — о служеніи его въ Константинополѣ, судѣ надъ нимъ и послѣднихъ дняхъ его жизни. Это капитальное сочиненіе Неандера высокоцѣнное въ научномъ отношеніи отличается и назидательнымъ направленіемъ. Имъ отчасти пользовался въ своемъ трудѣ В. И. Лебедевъ. (См. ниже). Неандеръ имѣлъ величайшую способность входить въ міровоззрѣніе изображаемыхъ имъ лицъ. „Неандеръ, пишетъ Шаффъ—живетъ въ своихъ герояхъ, мыслитъ, чувствуетъ, дѣйствуетъ и страдаетъ съ ними“ [3]).

(762). Лебедевъ В. И., баккалавръ Московской академіи † 1864 г. „Подробное описаніе жизни и пастыр-

---

[1]) Цифры въ скобахъ указываютъ страницы книги Русская и иностранная Библіографія, на которыхъ говорится объ указанныхъ сочиненіяхъ, иногда болѣе подробно, чѣмъ здѣсь.

[2]) W. Cawe. Lives of the most eminent Faters of the first four Centuries. Oxt. 1840.

[3]) A. W. Neander. Der heilige Joannes Chrisostomus. Berlin. 1848.

ской дѣятельности св. I. Златоуста". Москва 1860 г. Сочиненіе первоначально печаталось въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ святыхъ отецъ; томы XIV, XV и XVI.—Отзывъ о сочиненіи см. въ Православномъ Обозрѣніи за 1860 годъ.

(1011). Яхонтовъ I., протоіерей. „О праздникахъ православной церкви". Есть въ книгѣ и житіе св. I. Зл., которое перепечатано въ Духовной Бесѣдѣ за 1864 годъ.

(554). Агапитъ, архимандритъ. „Жизнь св. I. Зл. и его пастырская дѣятельность". Спб. 1874.

(574). Бахметьева. „Разсказы изъ исторіи христіанской церкви отъ I до IX вв.". Три части. Во второй есть жизнеописаніе св. I. Зл. (стр. 193 сл.).

(645). Готфридъ Германъ, иначе Менардъ. „Жизнь св. I. Зл. [1]). Авторъ относится къ Златоусту съ величайшимъ благоговѣніемъ. „Читая его сравненіе Златоуста съ ап. Павломъ, пишетъ Шреккъ, трудно удержаться, чтобы не отдать преимущества Златоусту".

([illegible]8). Газе. „Церковная исторія". Kirchengeschichte 18[illegible] г.,. Авторъ дѣлаетъ о св. I. Зл. такой отзывъ. „Разсудительная ясность антіохійскаго изъясненія и риторическое краснорѣчіе Ливанія восполнялись у него задушевностію его христіанскаго чувства, и онъ старался, насколько возможно для человѣка, выполнить тотъ идеалъ пресвитера, какой съ такимъ воодушевленіемъ начерталъ еще въ юные годы своей жизни".

(983). Ферстеръ. „I. Златоустъ въ его отношеніи къ антіохійской школѣ [2]).

(883). „Святый Іоаннъ Златоустъ въ исторіи христіанскаго общества въ IV и V вв.". Двѣ статьи въ Православ. Обозрѣніи за 1873 г. Авторъ не даетъ біографіи Златоуста. Онъ говоритъ только о мрачныхъ чертахъ общественной жизни его времени и о томъ, какъ Златоустъ боролся противъ нихъ; описываетъ антіохійское возму-

---

[1]) La vie S. Jean Chrisostome Paris, 1664 г. Одинъ томъ. Второе изданіе. Lion. 1683 г. Два тома.

[2]) Foerster. Joh. Chrisostomus in seinem Verhaltnis zur antiochinischen Schule. Gotha 1869.

щеніе, страсть антіохійцевъ къ зрѣлищамъ, положеніе рабовъ, бѣдность матеріальную и нравственную пролетаріата, роскошь и суевѣрія богачей, наконецъ, пороки духовенства. Изображеніе сдѣлано очень картинное и обстоятельное.

(969—970). Тьери Амедей. „Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія" [1]). Сочиненіе печаталось первоначально въ журналѣ Revue de deux mondes за 1861—1869 гг., а въ 1872 г. издано отдѣльно. Отзывъ о сочиненіи см. въ Чтеніяхъ въ обществѣ Любителей духовнаго просвѣщенія за 1872 г.;—подробную передачу содержанія сочиненія въ Прав. Обозрѣніи за 1868 г. № 5 и за 1869 г.—Полный переводъ сочиненія сдѣланъ Ю. Д. Подгурскимъ въ Трудахъ Кіевской Д. Акад. за 1867—1870 г.

(623). „Св. І. Златоустъ и Стагиръ". Статья въ Воскр. Чтеніи за XXXIII годъ изданія.

(684). „Св. Іоаннъ Златоустъ и Евтропій". Двѣ переводныхъ статьи въ Духовномъ Вѣстникѣ за 1862 г. изъ сочиненія Ам. Тьери, помѣщеннаго въ журналѣ Revue de deux mondes. (Mars et Aout 1861 г.).

(611). „Св. Іоаннъ Златоустъ и Евтропій". Статья въ Воскресномъ Чтеніи (XI годъ изданія).

(998). „Разсказы изъ исторіи христ. церкви. Златоустъ и Евтропій". Статья въ Чтеніяхъ Общества любителей дух. просвѣщенія за 1871 г.

(677). Дарръ. „Общая исторія церкви" [2]). Многотомное изданіе. Въ XI томѣ есть такія заглавія:—Аркадій,—Златоустъ и Евтропій (187—208 стр.),—Златоустъ и его критики. Сочиненія Вильмена и Тьери (356—372),—Златоустъ и Гайна (399—424),—Участіе Златоуста въ дѣлахъ Ефесской церкви (424—457),—Златоустъ и Евдоксія (457—486),—Долгіе братья (586),—Соборъ подъ дубомъ (537—777),—Ссылка Златоуста.

---

[1]) S. Jean Chrisostome et l'imperatrice Eeudoxie. Paris, 1872.

[2]) Histoire generale de l'Eglise. Par l'abbe J. Darras, vicaire general d'Ajaccio de Nancy.

(890). „Діаконисса Олимпіада“. Курсовое сочиненіе студента Кіевской акад. Прокоповича (Отзывъ въ Протоколахъ Кіевской акад. за 1875—1876 г. стр. 437—444).

(570). „Процессы духовнаго суда въ древней церкви“. Статья проф. Т. Барсова въ Христіанскомъ Чтеніи за 1871 годъ. Между прочимъ въ статьѣ говорится о судѣ надъ І. Златоустомъ (стр 299—301).

(649). Гефеле. „Исторія соборовъ [1]). Во II томѣ этого изданія между прочимъ описываются соборы по поводу Пелагіанской ереси и по дѣлу І. Златоуста.

(746). Кустантъ Петръ, Бенедиктинецъ, издалъ „Письма римскихъ первосвященниковъ“. Epistolae Romanorum Pontificum. Здѣсь находимъ два письма І. Златоуста къ папѣ Иннокентію о судѣ надъ нимъ въ Константинополѣ (письма 4-е и 11-е) и Письмо папы Сириція о нареканіяхъ на св. І. Златоуста со стороны Ѳеофила Александрійскаго по поводу Оригенистическихъ споровъ.

(737). Коппаликъ. „Св. Кириллъ Александрійскій“ [2]). Авторъ между прочимъ останавливается на вопросѣ: какъ и почему случилось, Что Кириллъ ратовалъ противъ уже умершаго св. І. Златоуста, и какъ смотрѣть на этотъ фактъ. Соображенія автора по этому вопросу сообщаются въ рецензіи на его книгу А. П. Лебедева, помѣщенной въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ 1882 г., часть IV, стр. 546—562.

(608). „Св. І. Зл. въ изгнаніи“. Статья въ Воскресномъ Чтеніи за II годъ изданія.

(611). „Послѣдніе годы жизни св. Іоанна Златоуста“. Статья въ Воскресномъ Чтеніи за XI годъ изданія. Въ ней говорится:—о печальномъ состояніи здоровья Златоуста во время пребыванія его въ ссылкѣ,—о заботахъ его отсюда объ оставшейся паствѣ (письма его),—о ходатайствахъ за Златоуста,—объ указѣ императора, опредѣляющемъ ему новое мѣсто ссылки,—о кончинѣ святителя.

---

[1]) Concilien-Geschichte nach den Quellen bearbeitet von Hefele. Freiburg und Breslau 1855.

[2]) Koppalik. Cyrillus von Alexandria Mainz. 1881.

(609). „Блаженная жизнь св. Іоанна Златоуста за гробомъ". Статья въ Воскресномъ Чтеніи за V годъ изданія. Въ ней приведена выдержка изъ Исторіи Кедрина, о томъ, какъ одинъ изъ почитателей св. Іоанна, епископъ Адельфій, просилъ Бога, чтобы ему была открыта судьба св. Іоанна,—и ему (Адельфію) было сказано, что человѣкъ, облеченный тѣломъ, не можетъ видѣть св. Іоанна, такъ какъ онъ предстоитъ престолу Господа.

(609). „Перенесеніе мощей св. І. Златоуста". Статья въ Воскресномъ Чтеніи за V годъ изданія. Въ ней говорится, что поводомъ къ перенесенію мощей св. І. Злат. въ Константинополь послужило похвальное слово Златоусту, произнесенное Прокломъ, архіепископомъ константинопольскимъ [1]). Перенесеніе не состоялось, когда императоръ послалъ повелѣніе перенести, а состоялось только тогда, когда онъ послалъ прошеніе объ этомъ.

(610). „Церковная похвала св. І. Зл." статья въ Воскресномъ Чтеніи за IX годъ изданія. Въ ней передается содержаніе канона Іосифа на праздество перенесенія мощей св. І. Зл. [2]).

---

[1]) Слово это помѣщено у Комбефезія въ изданіи Bibliohecae graecolatinorum patrum novum auctarium. Parisiis 1898. См. т 1, стр. 468.

[2]) Изъ новѣйшей литературы о жизни св. І. Зл. можемъ указать слѣдующее.

— «Жизнь и труды св. отцевъ и учителей церкви». Сочиненіе Ф. В. Фаррара. Переводъ А. П. Лопухина. Спб. 1891. Въ этомъ изданіи есть большая статья о св. І. Зл., которая въ сокращеніи и безъ примѣчаній издана въ Дешевой Библіотекѣ Суворина. Спб. 1891.

— «Жизнеописаніе св. І. Зл.»—въ предисловіи къ переводу его твореній, изданныхъ при С.-Петербургской духовной академіи въ XII томахъ.

— «Жизнь св. Іоанна Златоуста и его время». Сочиненіе Бушъ Уэлера. Переводъ съ англ. проф. А. П. Пономарева. Спб. 1908.

— «Св. І. Златоустъ и нравы его времени». Сочиненіе Эме Пюшъ. Переводъ съ франц. А. А. Измаилова. Спб. 1897. Отзывъ въ Христ. Чтеніи за 1897. № 3, стр. 500—503.

«Житія святыхъ: Василія Вел., Григорія Богослова и Іоанна Злат.».—(Прот. Дебольскаго) съ изображеніями ихъ. Спб. 1897. (Извлечено изъ книги «Дни богослуженія»).

Творенія св. Іоанна Златоуста.

Изданіе Твореній св. І. Зл. въ подлинникѣ на западѣ началось повидимому съ XVI в.

(1009). Такъ, въ 1525 году были изданы „Слова о священствѣ“ (Basel bei Frobenius), при чемъ предисловіе къ этому изданію было составлено Эразмомъ.

Въ XVII вѣкѣ появились „Полныя изданія твореній св. І. Златоуста“:

(922)—въ 1613 году Савилли (Henr. Savilli) издалъ ихъ въ 8 томахъ (Altonae).

(812)—въ 1636 году іезуитъ Дуцей (Phronton le Duc.) вмѣстѣ съ Морелліемъ издалъ Творенія св. І. Зл. въ XII томахъ (Paris 1636 и сл.).

(738). Кромѣ того въ томъ же вѣкѣ, въ 1661 году, Котелерій (докторъ Сорбоны, занимавшійся долго разборомъ греческихъ рукописей Парижской библіотеки) издалъ 4 бесѣды на псалмы и толкованіе на пророка Даніила [1]), приписывая эти сочиненія св. І. Златоусту.

Въ XVIII вѣкѣ—опять, (какъ и въ XVI) появились сперва отдѣльныя изданія словъ о священствѣ.

(668). Такъ, въ 1710 году издалъ эти слова въ греч. подлинникѣ и латинскомъ переводѣ, съ біографіею Златоуста, составленною Кэве,—Гюггесъ [2]),

(576) а въ 1725 году Бенгель [3]) — и это изданіе было перепечатано дважды въ Лейпцигѣ въ 1825 и въ 1834 гг.

(810). Въ началѣ того же вѣка явилось и самое полное и лучшее изданіе Твореній св. Іоанна Златоуста, сдѣланное Бенедиктинцемъ Мавриніаниномъ Монфоко-

---

«Исторія церквей Антіохійской и Константинопольской за время св. І. Зл. по его твореніямъ». Сочиненіе священника С. Никольскаго. Ставрополь Кавказскій. 1906 г.

[1]) Homiliae in psalmon et interpretatio prophetae Danielis, graece et latine, interprete I. B. Cotelario. Paris 1661.

[2]) Hughes, Cambridge, 1710.

[3]) *Περὶ ἱεροσύνης* I. A. Bengel, Stuttgart 1725.

номъ и изданное въ Парижѣ въ 1718—1738 г.—въ XIII томахъ [1]).

„Изданіе Монфокона, пишетъ Шреккъ, дѣлаетъ излишнимъ пользованіе другими изданіями, за исключеніемъ Савилліева. Монфоконъ издалъ всего 7440 сочиненій Златоуста, въ томъ числѣ 50 до него никѣмъ еще не изданныхъ. Издатель пользовался при своемъ трудѣ всѣми рукописями твореній Златоуста, какія нашелъ во Франціи и Италіи, а равно безчисленнымъ множествомъ переводовъ этихъ твореній на различныхъ языкахъ. Всѣ изданныя сочиненія Монфоконъ раздѣлилъ на подлинныя, сомнительныя и подложныя, предваривъ каждое изъ нихъ особымъ вступленіемъ и примѣчаніями. Предъ всѣмъ изданіемъ помѣщена біографія св. І. Златоуста, не особенно обширная, (такъ какъ издатель не находилъ нужнымъ говорить въ ней о сочиненіяхъ Златоуста), но отличающаяся вѣрностью хронологическихъ датъ.

Изданіе Монфокона было перепечатано въ Венеціи въ 1734—1740 гг.—и въ тѣ же годы (1735—1740) снова издано въ Парижѣ Синнеромъ (Lud. de Sinner) и Фиксомъ въ дополненномъ и исправленномъ видѣ. Это парижское изданіе Синнера перепечатано въ изданіи Миня [2]).

(771). Изъ послѣдующихъ изданій твореній св. І. Зл. отмѣчается только сдѣланное Ломлеромъ изданіе важнѣйшихъ сочиненій св. І. Зл. въ греческомъ подлинникѣ и латинскомъ переводѣ, вышедшее въ 1840 году [3]). Въ предисловіи Ломлеръ между прочимъ перечисляетъ существовавшія тогда изданія и переводы трактата св. І. Зл. „О священствѣ“, всего 32 изданія.

(789). Кромѣ того отмѣтимъ, что въ 1776 г. Маттей (Mattaei) впервые издалъ въ Москвѣ (Monquae) одну изъ рѣчей св. І. Златоуста по пяти рукописямъ.

---

[1]) Johannis Chrisostomi opera omnia. Paris 1718—1738.

[2]) Migne, Patrologiae cursus copletus ser. graeca XLVII=LXIV Tom.

[3]) T. G. Lomler. Opp. praestantissima. Rudolphopoli 1840.

(895). *Изъ переводовъ твореній св. І. Злат.* на новые языки замѣчательно изданіе Бесѣдъ его, сдѣланное Пьюзеемъ на англійскомъ языкѣ [1]). Въ предисловіи къ книгѣ Пьюзей такъ говоритъ о необходимости изученія твореній св. отцевъ древней церкви: „Если Ветхій и Новый Завѣтъ остаются для насъ источникомъ христіанскаго ученія, то творенія св. отцевъ—суть каналъ, чрезъ который достигло къ намъ это ученіе. Не слѣдуетъ дѣлать различія между ученіемъ отцевъ церкви и ученіемъ Св. Писанія. — Скорѣе слѣдуетъ дѣлать различіе между ученіемъ отцовъ и нашимъ ученіемъ,—между вселенскою церковью и капризомъ современнаго намъ субъективнаго разума".

(740. 1003. 776). На нѣмецкій языкъ всѣ сочиненія св. І. Зл. перевелъ и издалъ въ Лейпцигѣ въ 1748 и слѣд. годахъ Крамеръ, протестантъ, въ 10 томахъ;—Шнейдеръ (Eulog Schneider) перевелъ и издалъ въ Аугсбургѣ въ 1788 г. „Бесѣды св. І. Зл. на Евангеліе Іоанна", въ трехъ томахъ,—а Майеръ въ 1830 г. перевелъ и издалъ „Бесѣды св. І. Зл. противъ Аномеевъ—о непостижимости Божества" [2]).—Крамеръ къ 1 тому своего изданія приложилъ прекрасную біографію св. І. Зл., а ко 2, 6, 7 и 10-му обстоятельные трактаты о проповѣдническомъ краснорѣчіи св. І. Зл. „Эти трактаты, пишетъ Шреккъ, возбуждаютъ желаніе имѣть подобныя же изслѣдованія объ экзегезисѣ и нравоученіи Златоуста".—Равнымъ образомъ и Майеръ къ своему изданію присоединилъ трактатъ о св. І. Златоустѣ, какъ экзегетѣ.

Изданія твореній св. І. Злат. *въ русскомъ* переводѣ были безчисленны и въ книгѣ, изъ которой мы дѣлаемъ выписки, ихъ указана незначительная часть. А именно

(699). Изъ XVII вѣка: Изданіе, архим. Кіевопечерской Лавры Елисея Плетенецкаго: „Бесѣды св. І. Зл. на Дѣянія св. апостолъ". Кіевъ 1624.

[1]) Въ книгѣ Library of the Fathers of the holy Catholik Church ant. to the division of the East and West.

[2]) Dr. Ph. Mayer. Das Joh. Chrysost. Auserwahlte Homilien. Nurenberg 1830

(933. 708). Изъ XVIII вѣка. „Бесѣды св. I. Злат. къ антіохійскому народу“, переведенныя переводчикомъ при Св. Синодѣ Лукой Сичкаревымъ. Спб. 1778.

„Различныя слова и бесѣды св. I. Зл.“ переведенныя священникомъ Ивановымъ (Москва, 1787—1791).

Съ начала XIX вѣка дѣломъ перевода твореній св. I. Зл. преимущественно занимались въ духовныхъ академіяхъ.

(711). Такъ, въ самомъ началѣ XIX вѣка въ Московской академіи—Ириней Клементовскій, Знаменскій игуменъ и Московской академіи проповѣдникъ, перевелъ а) „Бесѣды св. I. Зл. на посланія къ Коринѳянамъ“ (Москва 1806 г.) и б) „Избранныя Бесѣды св. I. Зл.“ (Москва 1819)

(864) а въ 1835 г. ректоръ академіи архимандритъ Поликарпъ издалъ „Переводы съ греческаго языка на русскій“ (Москва 1835) гдѣ между прочимъ есть и нѣсколько бесѣдъ св. I. Златоуста.—Затѣмъ

(672) въ Московской академіи занимался переводомъ „Бесѣдъ св. I. Зл. на посланіе ап. Павла къ Римлянамъ“ проф. П. С. Делицынъ. Переводъ былъ напечатанъ въ 1879 году по опредѣленію Св. Синода.

(771. 987). Въ Петербургской академіи въ половинѣ прошлаго вѣка былъ изданъ полный переводъ всѣхъ твореній св. I. Зл., при чемъ XV томовъ этого перевода были изданы подъ редакціей проф. академіи Евграфа Ивановича Ловягина. Это полное изданіе твореній св. I. Зл. переиздано было въ Петербургской академіи въ недавнее время въ XII томахъ.

Появлялись въ XIX вѣкѣ переводы твореній св. I. Зл. составленные лицами и не принадлежащими къ академическимъ корпораціямъ. Такъ:

(932). Въ 1842 г. И. Синайскій перевелъ „Толкованія св. I. Зл. на посланіе ап. Павла къ Титу“ (Москва 1842)

(698)—въ 1854 г. Преосв. Евсевій (Ильинскій) экзархъ Грузіи издалъ „Сочиненія и переводы“ т. I. (Спб. 1854), гдѣ между прочимъ есть переводы и изъ твореній св. I. Зл.

(787). Въ 1872 г. свящ. П. А. Матвѣевскій издалъ въ русск переводѣ сочиненіе св. I. Зл. „О священствѣ". (Спб. 1872).

(964). Въ 1878 г. былъ изданъ Сборникъ бесѣдъ св. I. Зл—(Москва 1878) и въ 1879—Св. отецъ нашихъ I. Зл. и Ефрема Сирина поученіе о клятвахъ (Москва 1879) [1].

(816). Кромѣ того отмѣтимъ, что Муральтъ (Edward von Muralt) во 2-ой части сочиненія: Beitrage zur kirchlichen und klassischen Literatur далъ изслѣдованіе о твореніяхъ св. I. Зл. и другихъ церковныхъ писателей по рукописямъ С.-Петербургскихъ библіотекъ (Petersburg 1850).

Статьи о св. I. Златоустѣ

а) *какъ экзегетъ.*

791. Мейеръ—„Св. I. Златоустъ, какъ толкователь Св. Писанія" [2].—Сочиненіе вышло въ началѣ XIX вѣка 1-я часть въ 1806 г., 2-я въ 1814. См. Пр. Обозр. 1889 г. Сент.

С. М. Сольскій. „Краткій очеркъ исторіи св. Библіологіи и Экзегетики". Статья въ Трудахъ Кіев. Д. Акад.— Въ ней говорится и о трудахъ по экзегетикѣ св. I. Зл. (Труды Кіев. Ак. 1866 г. № 11).

(988). „Толкованія на главныя мѣста книгъ пророковъ Исаіи и Даніила по руководству св. Кирилла Іерус. I. Златоуста и другихъ св. отцевъ". Статья въ Христ. Чтеніи за 1845 г.

(608). „О бесѣдахъ св. I. Зл. на посланія ап. Павла". Статья въ Воскресномъ Чтеніи за 1 годъ изданія.

б)—*какъ о пастырѣ*

(911. 865 и 913). „Изложеніе ученія св. I. Зл. о пастырскомъ служеніи".—„Мысли св. I. Зл. о важности и трудности пастырскаго служенія".—„Настаяленіе св. I. Зл.

---

[1] Кромѣ того есть еще переводы твореній св. I, Зл.—О воспитаніи дѣтей (переводъ Филарета архіепископа Черниговскаго, Спб. 1889).— «О дѣвствѣ» (перев. Маріи В—ой. Изд. 2. Спб. 1892) и «Письма св. I. Зл. къ Олимпіадѣ» съ изображеніемъ св. I. Зл. (изд. 2. Спб. 1904 г.).

[2] G. W. Meyer. De Chrisostomo Litterarum sacr. Interprete. Pars I Altorf 1806. Pars II Erlangen 1814.

пресвитерамъ".—Всѣ три статьи помѣщены въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей, 1-я въ 1862 г. (№ 26, 30, 42), 2-я въ 1863 г. и 3-я въ 1867 г.

(718). „Ученіе св. І. Зл. о томъ, что не должно осуждать духовныхъ пастырей—епископовъ и священниковъ". Статья П. С. Казанскаго въ Душеполезномъ Чтеніи за 1877 г.

в) *какъ проповѣдникъ*

(617). „Объ отличительныхъ свойствахъ бесѣдъ св. І. Зл.".—Статья въ Воскресномъ Чтеніи за XIX годъ изданія. Какъ отличительныя качества бесѣдъ св. І. Злат. авторъ отмѣчаетъ особенную ихъ примѣнимость къ обстоятельствамъ и особенную настойчивость проповѣдника; а въ изложеніи—особенную простоту, ясность и краснорѣчіе.

(998). „Разсказы изъ исторіи христіанской церкви".—Двѣ статьи въ Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія за 1871 г.—изъ коихъ въ первой говорится о Златоустѣ, какъ о проповѣдникѣ.

(904). „Св. І. Зл. какъ проповѣдникъ". Рукописное курсовое сочиненіе студента Кіевской академіи Рождественскаго.—Отзывъ о немъ въ Протоколахъ Кіев. академіи за 1876 г. стр. 180.

(553). Альбертъ. „І. Зл. какъ народный ораторъ" [1].—Сочиненіе Альберта въ русскомъ переводѣ помѣщено въ Труд. Кіев. Ак. за 1862 г.

(846). Панье. „Исторія христіанскаго краснорѣчія" [2]. Въ I томѣ между прочимъ говорится о бесѣдахъ св. І. Зл.

(692). Вильменъ. „Церковное проповѣдничество въ IV в." [3].—Изслѣдованіе Вильмена о Златоустѣ переведено въ Духовной Бесѣдѣ за 1874—75 годъ. „Читая безсмертныя творенія отцевъ церкви, пишетъ авторъ, становишься зрителемъ величайшаго переворота въ родѣ человѣческомъ.

---

[1] S. Joan Chrisostome, considere comme orateur populaire. Par Paul Albert. Paris. 1858 г.

[2] Panicl. Geschichte d. Christl. Beredsamkeit.

[3] Wilman. Tableau de l'elloquence chretienne au quatrieme siecle.

Предъ нами возстаетъ древній отживающій міръ; живыя и пламенныя рѣчи проповѣдниковъ, кажется, несравненно лучше воспроизводятъ для насъ этотъ міръ, чѣмъ сама исторія".

(993). Вогюэ. „Центральная Сирія" [1].) — по отзыву объ этой книгѣ въ Христіанскомъ Чтеніи за 1881 г. въ ней особенно важно описаніе памятниковъ Антіохіи, такъ какъ въ немъ находимъ подтвержденіе многимъ указаніямъ св. І. Златоуста объ антіохійскои жизни.

(818). Мюллеръ. Историческое изслѣдованіе. „О воззрѣніяхъ, обычаяхъ и роскоши Θеодосіева вѣка" [2]).—Авторъ описываетъ эпоху Θеодосія и Аркадія большею частію на основаніи сочиненій св. І. Златоуста.

(919). „Проповѣдь св. І. Зл. противъ зрѣлищъ и щегольства". Статья въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей за 1879 годъ.

(689). „Мысли древнихъ отцевъ и учителей церкви о зрѣлищахъ". Статья въ Духовной Бесѣдѣ за 1865 годъ.

(606). „О театрахъ и зрѣлищахъ по суду отцевъ церкви". Рукописное курсовое сочиненіе студента Казанской академіи Воскресенскаго. Авторъ цитуетъ исключительно только творенія св. І. Златоуста.

(776). „Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ проповѣдникъ". Рукописное курсовое сочиненіе студента Казанской академіи Майоранова. Сочиненіе состоитъ изъ вступленія и трехъ частей. Во вступленіи авторъ кратко говоритъ о значеніи IV вѣка въ исторіи христіанства. Въ первой части авторъ даетъ очеркъ религіозно-нравственнаго состоянія греко-римскаго общества во второй половинѣ IV вѣка; во второй части описываетъ жизнь и пастырскую дѣятельность св. І. Зл.; въ третьей характеризуетъ его, какъ проповѣдника. Эта послѣдная часть раздѣляется на два отдѣла: въ первомъ передается содержаніе проповѣдей противъ язычниковъ, іудеевъ, аномеевъ, суевѣрій на-

---

[1]) Syrie centrale. Par le C—te Vogue. Paris 1865—1877.

[2]) P. E. Muller. Comment. histor. de genio, moribus et luxu aevi Theodosiani. Lips, 1797.

родныхъ, зрѣлищъ, богачей, роскоши, сластолюбія—и проповѣдей съ увѣщаніемъ къ милосердію: во второмъ дается общая характеристика проповѣднической методы св. І. Зл. Авторъ внимательно изучилъ проповѣди св. І. Зл. и всѣ лучшія пособія для своего сочиненія на русскомъ и французскомъ языкахъ. Нѣкоторые отдѣлы сочиненія напечатаны въ Воскресномъ Чтеніи за 1881 годъ, подъ слѣд. заглавіями: „Борьба св. І. Зл. противъ страсти къ роскоши" (двѣ статьи) и „Страсть сластолюбія по изображенію св. І. Зл." (три статьи).

(693). „Мысли св. І. Злат. о христіанскомъ бракѣ". Статья въ Душеполезномъ Чтеніи за 1861 годъ.

(942). „Бракъ и взаимныя отношенія супруговъ по ученію св. І. Злат.". Статья въ Воскресномъ Чтеніи за 1880 годъ.

(984). „Св. І. Зл. о воспитаніи дѣтей". Статья Архіепископа Филарета (Гумилевскаго) въ Черниговскихъ Епарх. Вѣдомстяхъ 1864 г. № 1.

(790). „Мысли св. отцевъ (главнымъ образомъ св. І. Злат.) о воспитаніи дѣтей". Статья священника Евграфа Мегорскаго въ Духовной Бесѣдѣ за 1871 г.—См. еще о томъ же въ Дух. Бес. за 1858 г.

(622). „Благотворительность и право собственности по ученію св. отцевъ (главнымъ образомъ св. І. Злат.). Статья въ Воскресномъ Чтеніи за XXXIII годъ изданія. Авторъ доказываетъ, что, вооружаясь противъ скупости и ростовщичества своего времени, отцы церкви не отрицали правъ собственности.

Нравоученія св. І. Злат.". — Рукописное курсовое сочиненіе студента Кіевской академіи Никод. Яновскаго. Отзывъ о сочиненіи, весьма одобрительный, въ Проток. Кіев. акад. за 1906—1907 годъ стр. 532.—534.

О литургическихъ трудахъ св. І. Зл.

(989). „Труды св. І. Зл. по устройству общественнаго богослуженія". Статья въ Христіанскомъ Чтеніи за 1849 г.

(896). „Очеркъ богослуженія по сочиненіямъ св. І. Зл.". Статья Раменскаго въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей за 1874 г.

(989). „Литургія Василія Великаго и І. Златоуста“; Статья въ Христіанскомъ Чтеніи за 1848 г.

(626). Вѣтринскій. „Памятники древней христіанской церкви“. Спб. 1823.—Въ XII книгѣ этого изданія между прочимъ идетъ рѣчь о началѣ и о совершеніи литургіи съ предписанными молитвами и дѣлается извлеченіе древней литургіи изъ подлинныхъ сочиненій св. І. Златоуста.

(955). „Доказательство подлинности литургіи св. І. Зл., находящіяся въ его писаніяхъ“. Курсовое рукописное сочиненіе студента Кіев. акад. Стеньковскаго (Отзывъ о немъ въ Протоколахъ Кіевской академіи за 1874—1875 г. стр. 304).

(722). Очеркъ исторіи литургіи нашей православной церкви“. Двѣ статьи проф. Катанскаго въ Христіанскомъ Чтеніи за 1868 годъ. Обозрѣнію исторіи литургіи въ періодъ отъ III до V вѣка посвящено начало второй статьи. „Періодъ отъ III до V вѣка, пишетъ авторъ, въ отношеніи къ исторіи литургіи есть а) время чрезвычайнаго расширенія литургійныхъ молитвъ—и б) время попытокъ сократить количество и уменьшить длину молитвъ“.—Для доказательства перваго авторъ знакомитъ съ литургіей осьмой книги Апостольскихъ постановленій, для доказательства второго обозрѣваетъ труды Василія Великаго и Іоанна Златоуста.

(720). „Сравненіе древнихъ восточныхъ литургій“ Рукописное курсовое сочиненіе студента Казанской академіи Каменскаго.

(989). „Объ измѣненіяхъ въ чинѣ литургій І. Златоуста, Василія Великаго и Григорія Двоеслова, указанныхъ въ Поморскихъ отвѣтахъ и Мечѣ Духовномъ“. Сочиненіе игумена Варлаама. Кишиневъ 1860.—Замѣтку объ этой книгѣ см. въ Христіанскомъ Чтеніи за 1861 годъ.

(982). „Догматическое ученіе о таинствахъ въ твореніяхъ св. І. Златоуста“. Рукописное курсовое сочиненіе студента Петербургской академіи Устьвольскаго. Отзывъ въ Прот. Петерб. академіи за 1881 г стр. 234.

(730). „Догматическое ученіе о таинствѣ Евхаристіи“. Рукописное курсовое сочиненіе студента Петербугской

академіи Кириллова.—Авторъ между прочимъ излагаетъ ученіе объ Евхаристіи св. І. Златоуста. Отзывъ о сочиненіи въ Протоколахъ Петерб. академіи за 1877—1878 г. стр. 266.

(919). „Объ исповѣди, какъ учрежденіи Божественномъ". Статья въ Рук. для сельск. пастырей за 1878 годъ. На основаніи между прочимъ твореній св. І. Зл. авторъ утверждаетъ, что устная исповѣдь предъ священникомъ была обычна въ дрвней церкви.

— „О времени празднованія Рождества Христова". Статья въ Рук. для сельск. пастырей за 1878 годъ. На основаніи сочиненій св. І. Златоуста авторъ выясняетъ почему св. отцы церкви постановили праздновать Рождество Христово 25 декабря.

(607). „О древнихъ праздникахъ святымъ мученикамъ". Статья въ Воскресномъ Чтеніи за II годъ изданія. Авторъ собралъ свидѣтельства св. І. Зл. о почитаніи мучениковъ въ его время.

(907). „Порядки и обычаи, соблюдавшіеся въ древней церкви при сказываніи проповѣдей". Рукописное курсовое сочиненіе студента Кіевской академіи Розова. — Составлено главнымъ образомъ по твореніямъ св. І. Златоуста. Отзывъ о сочиненіи въ Протоколахъ Кіев. академіи за 1871—1873 г. стр. 376.

(960). „Древній обычай у христіанъ читать Библію и запрещеніе папами читать ее мірянамъ". Статья въ Страннкѣ за 1868 годъ. Въ ней приводятся увѣщанія къ христіанамъ святыхъ отцевъ, въ томъ числѣ и св. І. Златоуста,--чтобы они читали Библію и дома.

(958). „Главенство римскихъ папъ предъ судомъ древности". Сочиненіе Джона Мерике; переводъ А. Перова. Спб. 1861. Въ сочиненіи между прочимъ отмѣчается, что въ древнихъ литургіяхъ (въ томъ числѣ и въ литургіи св. І. Злат.) имя папы нигдѣ не упоминается. Отзывъ о книгѣ въ Странникѣ за 1861 г.

Ученіе св. І. Златоуста.

(817). „Ученіе св. отцовъ о коренныхъ истинахъ общечеловѣческой вѣры и знанія". Сочиненіе Ипполита Мышкина. Вятка 1875 г. Между прочимъ въ книгѣ излагается ученіе св. І. Зл. о бытіи Божіемъ.

(787). „Греческій Августинъ" (Augustinus Graecus). Рукописное сочиненіе Бенедиктинца Массюэта, о которомъ сообщается въ Исторіи коллегіи Мавриніанъ, Тассена.—Массюэтъ изложилъ въ своемъ сочиненіи ученіе о благодати, заключающееся въ твореніяхъ св. І. Зл.

(725). „Систематическій сводъ ученія св. отцевъ церкви о душѣ человѣческой". Сочиненіе протоіерея Стефана Кашменскаго. Вятка 1865 г. Двѣ части. Рецензія въ Страннникѣ за 1867 г. Авторъ сгруппировалъ ученіе св. отцевъ (въ томъ числѣ и св. І. Зл.) о душѣ по рубрикамъ учебниковъ психологіи.

(602). „О благотворномъ вліяніи древняго монашества на жизнь иноческую". Статья Вишнякова въ Душеполезномъ Чтеніи за 1860 годъ.—Авторъ между прочимъ ссылается на мнѣніе св. І. Зл., по словамъ котораго „одно простое воззрѣніе на жизнь иноческую способно было произвести въ людяхъ спасительную перемѣну".

(938). „О подвижникахъ, процвѣтавшихъ въ Сиріи и Месопотаміи". Двѣ статьи П. Сладкопѣвцева въ Страннникѣ за 1880 годъ. Въ первой статьѣ авторъ описываетъ общія черты жизни сирійскихъ подвижниковъ, заимствуя это описаніе изъ статьи о Златоустѣ, помѣщенной въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ (часть XIV, стр. 198—204).—Во второй статьѣ авторъ перечисляетъ главнѣйшіе монастыри бывшіе въ окрестностяхъ Антіохіи, изъ коихъ въ одномъ (Нагорномъ) св. І. Зл. полагалъ начало своей подвижнической жизни.

Объ апологетической дѣятельности св. І. Златоуста.

(995). „Обзоръ апологетическихъ трудовъ восточныхъ отцевъ и учителей церкви въ IV и V вв.". Статья Цвѣткова въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отецъ за XXV г.

изданія. Между прочимъ въ ней передается содержаніе слова св. I. Зл. на память священномученика Вавилы.

(605). „Духъ древнихъ отцевъ церкви въ борьбѣ съ ересями и расколами. Рукописное курсовое сочиненіе студента Казанской академіи Воинова. По автору отцы церкви обнаружили въ борьбѣ съ ересями и духъ строгости—и духъ любви. Таковъ характеръ дѣятельности св. Афанасія Алекс., Василія В., I. Зл. и папы Льва Великаго.

(959). „Виноградъ церковный“. Сочиненіе противъ безпоповцевъ игумена Парѳенія. (Москва 1865). Въ книгѣ приводятся свидѣтельства отцевъ церкви (Св. I. Злат. и другихъ) о необходимости для спасенія принадлежности къ церкви.—См. отзывъ о книгѣ въ Странникѣ 1866 г.

Миссіонерскія заботы св. I. Зл.

(728). „О свободѣ совѣсти“. Статья проф. Кипарисова въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отецъ за 1881 г., томъ XXVIII. Въ ней между прочимъ сообшаются мнѣнія св. I. Зл. о способахъ распространенія христіанства между язычниками (стр. 322—333) и о крещеніи (стр. 471—478).

„Попечительность св. I. Зл. о распространеніи евангелія между язычниками“. Статья Левицкаго въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отецъ—томъ II. Большая часть статьи посвящена обзору отношеній св. I. Зл. къ язычникамъ въ Антіохіи и Константинополѣ.

(609). „Попеченіе св. I. Зл. о роспространеніи и благосостояніи христіанскихъ церквей въ странахъ языческихъ“. Статья въ Воскресномъ Чтеніи за VII годъ изданія. Приводятся три письма св. I. Зл. къ Финикійскимъ и Готѳскимъ миссіонерамъ.

(601). „Ульфила епископъ Готѳскій“. Рукописное курсовое сочиненіе студента Кіевской академіи Виноградова. (См. отзывъ въ Протоколахъ Кіевск. академіи за 1876 г. (стр. 350).—Излагая исторію Готѳской церкви, авторъ даетъ, между прочимъ, трактатъ объ отношеніяхъ къ этой церкви св. I. Зл.

Изъ **Описанія Соловецкихъ рукописей,** изданнаго при Казанской академіи, видно, что въ рукописяхъ этихъ есть слѣдующее о жизни и твореніяхъ св. I. Златоуста [1]):

Статьи о жизни св. Іоанна Златоуста.

Изображеніе св. Іоанна Златоуста 196, 601. *1. 78.*
Извѣщеніе читателю о немъ 195.
Житіе его (402, 407, 214, 248—251).
Изъ житія его (481. 551).
О житіи и скорбѣхъ его 674 (497).
Изгнаніе его (477).
О посѣщеніи его апостоломъ Павломъ 196 (214).
Почему онъ называется Златоустымъ (246).
Сказаніе о видѣніи св. I. Златоустымъ ангеловъ при служеніи литургіи *188.*
Сказаніе объ изгнаніи и возвращеніи честныхъ мощей его 287, 677.
О перенесеніи мощей его (413, 464, 511).
Слово на соборъ трехъ святителей (468).
О загробной участи св. Іоанна Златоуста (142).
Объ исцѣленномъ мужѣ у гроба его (352).
Тропарь св. I. Златоусту *26. 56.*
Канонъ ему *271.*

Бесѣды св. Іоанна Златоуста на книги Св. Писанія.

На книгу Бытія 287.
Замѣтка о чтеніи шестодневца св. I. Зл. 338.
О пользѣ чтенія псалмовъ 37.

---

[1]) Доселѣ вышли только двѣ части Описанія Солов. рукописей и 1-й отдѣлъ 3-ей части. Въ 1-й части помѣщено описаніе рукописей по Священному Писанію, Патрологіи и Богословію· во 2-ой по Церковному праву и Церковной исторіи; въ 1-ой части 3-го тома по богослуженію. Дѣлая ссылки на стр. Описанія мы обозначаемъ ссылки на 1-й томъ цифрами безъ скобокъ; на 2-ой томъ цифрами въ скобкахъ и на 3-й томъ цифрами курсивными.—По всей вѣроятности очень много выписокъ изъ сочиненій св. I. Златоуста есть и въ другихъ рукописяхъ Соловецкой библіотеки (еще не описанныхъ), въ особенности въ Сборникахъ.

Слова св. І. Златоуста.

Литургическія творенія св. Іоанна Златоуста.

О причащеніи *245*.

Молитвы св. І. Златоуста *72. 138. 167. 171. 172. 267. 276. 309. 317. 323. 326.*

Посланіе св. І. Златоуста: къ Киріаку (249);—къ Олимпіадѣ (250).

Сочиненія св. І. Златоуста.

Изъ книги о дѣвствѣ (178).

Слова о священствѣ съ оглавленіемъ 261—263.

Изъ книги о священствѣ (244).

Есть въ рукописяхъ и множество небольшихъ статей и выписокъ изъ сочиненій св. І. Златоуста. А именно:

О созданіи Адамовѣ и како пріятъ душу и о страсти Спасовѣ 291, 269.—О Адамѣ, яко прежде снѣсти ему отъ древа разумнаго вѣдяше кое зло, кое ли добро 276, 291.—Чесо ради древо разумно добру и злу наречеся и како разумѣется еже: со мною будеши въ раи 276, 292.—О Господѣ нашемъ І. Христѣ (256).—О Давидѣ и о Саулѣ и о незлобоименствѣ 291.—О Божественномъ Филогонѣ (173).—О лжепророкахъ (237).—Внегда внѣ церкви обрѣтеся Евтропій 293, 428.—Палея св. І. Зл. (90).—Житіе Павла Исповѣдника (401).

Оглашеніе къ хотящимъ крещатися 290.—О покаяніи и умиленіи и о Раавѣ блудницѣ 292.—О покаяніи (3).—Ѳеодору мниху испадшему о покаяніи 555. 560. 173.—О необходимости исповѣди (173).—О постѣ и о милованіи нищихъ (261).—О постѣ (501).—О воздержаніи (305)—О милостынѣ 4. *216*.—О убогихъ и богатыхъ и о милостынѣ (231).—О божественныхъ тайнахъ (516).—Како подобаетъ съ вѣрою приходити въ церковь (231).—О глаголаніи въ церкви 4.—О молитвѣ 31. 33. 37. 42. 43. (172)—О умиленіи души (485, 490).—О суетномъ житіи и о пользѣ душевной и о умиленіи (261) *155*.—О чистительствѣ *275*.—О суетномъ житіи 746 (501).—О воздаяніи комуждо по дѣламъ его *175*.—О терпѣніи и благохваленіи (519).—О смиряющихся (52).—О храненіи тайны (196)—О законѣ церковномъ (18).—О пьянствѣ (244, 489)—О отпущающихъ жены (211).—Поученіе игумену 371 (181, 182).—

Правила духовнаго ученія 361, (34). — Наказаніе попомъ (74)—Наказаніе духовнымъ дѣтямъ 149. Заповѣди (14).— Повѣсть душеполезна (135). — О святей службѣ (65) — О приносимой ѳиміамѣ 196.

Выписки, начинающіяся словами: хощу рещи вамъ, братіе, дивно нѣчто (474); Кождо насъ земныхъ ищемъ (176)—Аще убо, возлюбленне, напитался пищею (196); — аще убо и купецъ на всякъ день расщитаетъ (3);—О пресвитере, помысли который санъ пріялъ еси отъ Бога (3);— Помыслимъ добре, о братіе, что плодъ пріобрѣтаемъ (3);— Паки же тя, пресвитере Христова стада (3);—Еже намъ Господь сказа (4);—Буди ты, человѣче, міра сего купца (61); –Аще имы который ремество лишится, можетъ ли обогатити (2);--Рцы намъ Господи како бо побѣдити міръ *258. 363.*

Отрывки изъ сочиненій св. І. Златоуста 320. 390. 443. 738. 754 (194. 557. 579) *273. 276. 285. 290. 293. 338, 347.*

Изрѣченія св. І. Златоуста 629 (172).

Упоминаніе о св. І. Златоустѣ находится на слѣд. стр. Описанія: 20. 24. 27. 32. 102. 106. 113. 114. 143. 151. 155. 161. 180. 225. 252. 267. 268. 403. 460. 484. 547. 548. 560. 563. 606. 623. 625. 626. 630. 676. 696. 714. 730. 738 (66. 69).

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Торжественное поминовеніе Святителя Іоанна Златоуста въ Казани и Казанской епархіи.

14 сентября—день кончины Святителя Іоанна Златоуста.

13 ноября—день памяти Святителя Іоанна Златоуста.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Статьи, посвященныя памяти Святителя Іоанна Златоуста.